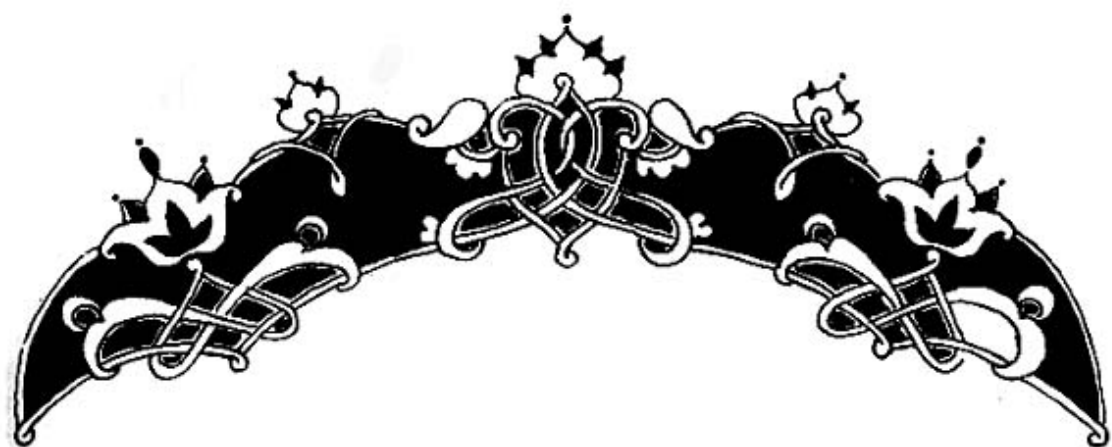

ОВИК

Выпуск 10

Министерство науки и образования Российской Федерации

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Исторический факультет

Н О В И К

Сборник научных работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 10

ББК 63. 3. (0)
Н73

Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 10 / научн. ред. Ю.В. Селезнёв. Воронеж: ВГУ, 2005. с.

ISBN

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета ВГУ

Сборник содержит статьи по древней, всеобщей и отечественной истории, написанные аспирантами и студентами исторического факультета ВГУ.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

Редакционная коллегия: Алленов С.Г. (к.и.н.), Безматерных А.Е (аспирант, ответственный секретарь), Макушин А.В. (к.и.н.), Селезнёв Ю.В. (к.и.н., научный редактор), Цыбин В.М. (к.и.н.)

Вёрстка и оригинал-макет – А.Е. Безматерных.

Посвящается 65-летию исторического факультета

Тираж 100 экз.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Воропаева Н.Н. Жертвенники и жертвоприношения оседлого населения скифского времени в лесостепном Подонье

Белоусов В.В. Большие курганы Тамани IV-III веков до н.э.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Александров М.М. Принятие христианства предводителями викингов: роль религиозного фактора в эпоху скандинавских нашествий на Англию (IX - XI вв.)

Киселёва М.В. Печенеги в системе международных отношений VIII-XII вв.

Абдуллаевой Л. Э. «Франческо Гвиччардини в отечественной историографии».

ИСТОРИЯ РОССИИ

Мещерякова А.О. Генерал-губернаторство Ф.В. Ростопчина как воспроизведение опыта павловского царствования.

Лупарева Н.Н. «Божество – хранитель»: образ Петра I в исторической концепции С.Н. Глинки.

Беседина С.В. Основные тенденции движения земельной собственности в воронежской губернии на рубеже XIX-XX вв.

Баранова Н.О. Д.А. Перелешин и его общественно-политическая деятельность в Воронежском крае.

Пшегорский А.С. Правый консерватизм в России в начале XX века.

Стукалов П.Б. «Павел Иванович Ковалевский – идеолог русского национал – консерватизма».

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Романовский А.А. Баланс политических сил как фактор возникновения и разрешения государственно-правовых конфликтов во Франции при Пятой Республике.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Сосунов Д. В. Принятие политических решений

Лукьяненко Е.А. Конституционные основы модели федерализма в Российской Федерации.

ИЗ ИСТОРИИ ВОВ (60-летию Великой победы посвящается)

Болдырева Е. В. Неизвестный Зорге: новые источники, факты и оценки.

Абакумова Т.А. Оттепель в отношениях государства и русской православной церкви в 1943-1945 гг. (на архивных материалах Воронежской области).

Белявцева Н.А. Воронежский драматический театр в гг. ВОВ.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бородин Д. М. Селезнёв Ю.В. Городское научное студенческое историческое общество.

Власов В. Е. Савицкий Н. М. XXXVI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция в г. Пенза.

Гончарова З. Ю. Гуров В. В. Лупарева Н. Н. Научная студенческо-аспирантская конференция «Новый век: история глазами молодых».

Список сокращений

Сведения об авторах и научных руководителях

ПРЕДИСЛОВИЕ

В год 65-летнего юбилея исторического факультета отмечает своеобразный юбилей и сборник студенческих и аспирантских научных работ. Это уже десятый выпуск статей молодых ученых. За время существования сборника многие авторы первых выпусков успешно поступили в аспирантуру и защитили кандидатские диссертации. Для них путь в науку начинался именно с «Новика». И приятен тот факт, что в данном, юбилейном, номере представлены работы не только аспирантов, но и студентов разных курсов.

Источниками для печатного издания являются разнообразные формы студенческой научной деятельности, осуществляемой на базе факультета.

Это, прежде всего, ежегодная отчетная студенческая конференция. На ней традиционно подводятся итоги работы за учебный год. На каждой сессии вниманию слушателей предлагается в среднем около 60 докладов.

На факультете действует археологический кружок. Традиционно в ходе заседаний рассматриваются итоги полевых сезонов, новые разработки в теории и методике проведения раскопок, заслушиваются сообщения ведущих археологов из других городов – научных центров России.

При кафедре социологии и политологии исторического факультета ВГУ работает Воронежская местная молодежная общественная организация «Политика и Время». ВММОО «Политика и Время» является членом Молодежной Ассоциации политических исследований при Российской Ассоциации политических наук. Руководитель организации преподаватель кафедры социологии и политологии, к.п.н. Р.В. Савенков. В деятельности организации принимают активное участие студенты, аспиранты и преподаватели ВГУ. Проводятся круглые столы, семинары с привлечением экспертов, конференции и другие мероприятия, где обсуждаются актуальные проблемы политического развития нашего государства.

С февраля 2004 г. на базе исторического факультета Воронежского государственного университета и исторического факультета Воронежского государственного педагогического университета при поддержке отдела по делам молодежи администрации г. Воронежа начало работу «Городское научное студенческое историческое общество». В центре внимания заседаний, проводимых обществом, находится широкий круг проблем объединённых в теме: «Государство, цивилизация, общество: проблема развития и взаимодействия». В течение работы общества в 2004-2005 гг. состоялось восемь заседаний, на которых было заслушано и обсуждено в общей сложности 11 докладов.

Кроме того, студенты исторического факультета активно принимают участие в научных конференциях в других городах России и ближнего зарубежья. В 2003-2005 гг. молодые ученые побывали на научных семинарах в Москве, Чернигове, Пензе, Саратове и др.

Все названные формы научной работы студенчества дают основания полагать, что на историческом факультете ВГУ среди молодых ученых существует большой потенциал, который в дальнейшем получит успешную реализацию.

Ю.В. Селезнёв

АРХЕОЛОГИЯ

Н.Н.Воропаева

ЖЕРТВЕННИКИ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ.

Религиозные представления населения лесостепи во многом специфичны¹, для выявления их особенностей необходима реконструкция обрядовой стороны, отражением которой являются памятники культового характера.

Жертвоприношение является разновидностью контактной магии, своеобразным актом обращения к высшим силам, формой взаимодействия, контроля и управления ими с помощью ряда устойчивых приемов.

По социальной направленности жертвоприношения могут рассматриваться как общественные, связанные с деятельностью коллектива, и частные, выполняемые индивидом или отдельной семьей. Предметом жертвоприношения обычно выступают люди, животные, сосуды с их содержимым и отдельные артефакты.

На городищах лесостепного Подонья зафиксирован ряд случаев совершения жертвоприношения. В трех случаях имело место ритуальное захоронение животных.

На городище Волошино I в ямах, относящихся к жилым постройкам, были обнаружены культовые захоронения собак, для одной из них был сооружен подбой². Второе подобное погребение было совершено в яме округлой формы, дно которой было обмазано глиной, в южной части находился скелет собаки, лежащий на левом боку, под её лопаткой был найден железный наконечник стрелы³. Сходное по конструкции погребение животного открыто на Пекшевском городище под развалом очага, внешняя поверхность которого была покрыта обожженной глиной⁴.

Остатки жертвоприношений животных зафиксированы на Бельском⁵, Жаботинском, Трахтемировском⁶, Старшем Каширском⁷, Усть-Альминском⁸ городищах.

Наиболее распространенным видом животных в жертвоприношениях на городищах лесостепи является собака⁹, такой выбор не случаен, так как собака являлась священным животным у многих народов, в зороастризме признавалась равноправной человеку, нередко ей отводилась важная роль в охране посевов¹⁰.

Человеческие жертвоприношения зафиксированы в двух случаях. Три человеческих черепа были найдены среди фрагментов жертвенника на Кировском городище, который представлял собой площадку овальной формы с прямостоящими бортиками и отверстиями для стока жидкости¹¹. Обломки

аналогичного жертвенника происходят с городища Круглое¹². Ближайшие аналогии жертвенникам Кировского и Круглого городищ были обнаружены на городище у хутора Городище, имеются также аналогии на памятника Кубани, дьяковской и городецкой культур.

Обломок черепной крышки человека был обнаружен в хозяйственной яме, являвшейся хранилищем общественного зернового фонда на Пекшевском городище¹³.

Таким образом, человеческие жертвоприношения применялись при совершении ритуалов, связанных с земледельческими культами с использованием глиняных жертвенников. Жертвоприношения животных, обычно собаки, носят частный характер, могут рассматриваться как закладные жертвы.

Кроме жертвоприношений животного известно два случая использования сосудов в качестве закладной жертвы при строительстве укреплений. На городище Волошино I в основании вала был обнаружен сосуд баночной формы, врытый на глубину 0, 15 м и накрытый сверху фрагментом венчика лепного сосуда¹⁴. Три сосуда были найдены в четвертом штыке вала городища Русская Тростянка¹⁵.

Обычай закладки жертвенных предметов в основании укреплений зафиксирован так же на городищах Жадинское, Нартово, Переверзево I¹⁶.

Культовые сооружения лесостепного Подонья представлены Семи-лукском и Волошинском городищах.

На Семилукском городище погребение 7, вероятно, можно рассматривать как коллективное жертвоприношение, длительного накопления. Сооружение имело три этапа функционирования, в каждом слое, перекрытом прослойкой глины, фиксировались остатки жертвоприношения и очага¹⁷. Сходное погребение зафиксировано на Мотронинском городище¹⁸.

Уникальное сооружение, связанное с обрядом жертвоприношения было обнаружено на городище Волошино I, оно представляло собой шестиугольную яму-площадку площадью 500 м, вытянутую по линии ЮЗ – СВ, в южной его части находилось скопление глиняных культовых предметов¹⁹. Вероятно, сооружение имело общественный характер, сопровождающие предметы свидетельствуют о его связи с земледельческим культом.

Среди материала городищ и поселений Среднего Дона, особое место занимают глиняные изображения людей и животных, некоторые из которых происходят из жертвенных комплексов. Культовые фигурки из глины были распространены как в скифское время, так и в предшествующие эпохи в раннеземледельческих обществах²⁰. Из погребения единственная подобная находка происходит из кургана у ст. Червленной²¹.

Подобные фигурки на большинстве городищ скифского времени представлены единичными находками, что обычно затрудняло их уверенную интерпретацию. Впервые многофигурные комплексы были открыты на Бельском городище, что позволило Б. А. Шрамко классифицировать глиняные

фигурки и отнести их к предметам земледельческого культа²². Сообщения о подобных находках в лесостепном Подонье носят лишь публикационный характер.

Группа антропоморфных (16 экз.), по классификации Б. А. Шрамко относятся к третьему отделу первой группы²³. Среди них выделяется несколько типов.

К первому типу (4 экз.) относятся фигурки, происходящие с Пекшевского городища, которые характеризуются вытянутыми пропорциями тела, расширяющегося книзу и переходящего в разведенные в стороны укороченные конечности²⁴. Фигурки данного типа обнаружены на городищах Елизаветинское и Бельское²⁵.

Второй тип (5 экз.) представлен фигурками, у которых конечности выполнены зашипами, четко обозначены и противопоставлены туловищу. Три из них обнаружены на Волошинском городище²⁶, две происходят с Пекшевского городища²⁷.

К третьему типу относятся одна статуэтка с Волошинского городища, у которой конечности и голова обозначены рудиментально²⁸.

К группе антропоморфных относятся так же два фрагмента голов. Одна из них была обнаружена в слое Пекшевского городища²⁹, вторая – в насыпи Лысогорского могильника, куда она, видимо, попала из слоя существовавшего ранее поселения³⁰.

Локальной особенностью является отсутствие признаков пола у антропоморфных изображений.

Более многочисленной является группа зооморфных изображений, в нее входят 21 фигурка, которые разделяются на три категории: 1- поделки; 2- свистульки; 3- зооморфные ручки сосудов.

Фигурки, относящиеся к категории поделок, делятся на два отдела. Первый отдел (10 экз.) содержит плоские фигурки, с конечностями, выполненными пальцевыми зашипами³¹. Во второй отдел (7 экз.) по классификации Б. А. Шрамко³² входят объемные фигурки четырех типов, выполненные реалистично, зачастую детализировано, позволяющие определить вид, а в отдельных случаях и пол изображаемого животного.

К первому типу относятся изображения домашних животных. Фигурка лошади с подогнутыми ногами (поза жертвенного животного), обнаруженная на Пекшевском городище³³, является близкой аналогией фигурке с Бельского городища, отнесенной Б. А. Шрамко к четвертому типу зооморфных изображений лошадей³⁴. Фигурка коровы, обнаруженная на Кировском городище, у которой отсутствует голова, но достаточно реалистично решена остальная часть, четко обозначены сосковидные налепы³⁵, фигурка коровы с Семилукского городища³⁶. К этому же типу относятся фигурки, несомненно, являющиеся зооморфными, отличающиеся массивным туловищем и конеч-

ностями в виде конических выступов, но при этом не поддающиеся уверенной трактовке.

Второй тип, данного отдела включает изображения диких животных, представлен единичной фигуркой медведя из слоя Пекшевского городища³⁷. Категория зооморфных ручек сосудов представлены единичными экземплярами, обнаруженными на Кировском городище³⁸, как и категория свистулк - найдена на Волошинском городище³⁹. Сосуды, в оформлении которых использовался зооморфный стиль, были найдены на городище Пастырское, поселении в урочище Скибовое, у села Жаботин⁴⁰.

Наибольшее количество фигурок были обнаружены в слое городищ – 20 шт.(47,6 %) – они представлены всеми рассмотренными выше типами. Интерес представляет скопление, состоящий из 12 фигурок и их фрагментов хоз. ямы 19 Пекшевского городища. К этому комплексу относятся три фрагмента антропоморфных фигурок представленных разными типами, что позволяет говорить об одновременном функциональном использовании разнообразных антропоморфных образов. Общее количество локализованных в хозяйственных ямах глиняных фигурок составляет 14 экз.(31,1 %), причем абсолютное большинство составляют предметы из одного комплекса. Количество фигурок, обнаруженных в жилищах невелико – 4 экз.(8,9 %) – из них три являются антропоморфными, а две из них были обнаружены в одной постройке. Особенное значение имеют фигурки, относящиеся к жертвенникам – 4 экз. (8,9 %): относящиеся к жертвеннику Кировского городища и культового места Волошинского городища, что подтверждает предположение о наделении глиняных изображений определенными ритуальными функциями. С течением времени акт жертвоприношения претерпевает преобразования от непосредственной процедуры до формального акта, на этом этапе глиняные изображения могли выступать эквивалентами жертвы.

Большинство изображений находят аналогии на городищах Поднепровья, Посеймья.

Кроме статуэток к предметам культовой глиняной пластики относятся лепешки, модели злаков, «хлебцы» и погремушки.

Лепешки представлены 19 экземплярами. Большинство из них были обнаружены в слое⁴¹, среди них четыре целых экземпляра и восемь фрагментов. Наибольший интерес представляют лепешки, входящие в состав культовых комплексов, две из них были найдены вместе с жертвенником Кировского городища⁴², пять лепешек – на культовом месте Волошинского городища⁴³, что позволяет предполагать возможность их ритуального использования. Глиняный «хлебец» представлен единственным экземпляром, происходит с Пекшевского городища, был обнаружен в комплексе с другими предметами мелкой глиняной пластики⁴⁴.

Глиняные лепешки и «хлебцы» неоднократно встречались в культовых комплексах, городищ Бельского и Караван⁴⁵, были найдены на городищах Марицкое⁴⁶, Переверзево I⁴⁷, Мотронинское⁴⁸.

Глиняные модели знаков представлены десятью экземплярами, все происходят из среднего слоя Пекшевского городища⁴⁹. Подобные изделия были широко распространены на городищах скифского времени⁵⁰.

Подобные изделия, вероятно, связаны с культом солнца и плодородия. Б. А. Шрамко отмечает сходство подобного культа с осетинским праздником завершения цикла земляных работ и зимнего солнцестояния⁵¹.

Глиняные погремушки были обнаружены на Пекшевском городище: три целых экземпляра⁵² и один фрагмент с отверстием для подвешивания⁵³. Погремушки «яйцевидной формы с оттянутыми концами»⁵⁴ по классификации И. Г. Розенфельд относятся к наиболее распространенному 3 варианту II типа, аналогичные были найдены на Старшем Каширском городище⁵⁵. Ближайшей аналогией погремушке биконической формы с поперечным ребром⁵⁶ является погремушка с Марицкого городища в Посеймье⁵⁷. Подобные изделия входили в составе жертвенного комплекса городища Караван⁵⁸.

Вопрос о назначении «рогатых» кирпичей до сих пор остается дискуссионным, высказывались предположения как об их культовом⁵⁹, так и об их утилитарном назначении, в качестве очажных подставок⁶⁰.

В основании среднего слоя Пекшевского городища было обнаружено 88 экземпляров «рогатых» кирпичей⁶¹. На Среднем Дону подобные находки были встречены однажды - несколько обломков сопровождали жертвенник Кировского городища⁶². На городищах Посеймья Нартово, Переверзево I зафиксированы случаи употребления «рогатых» кирпичей в качестве закладной жертвы при сооружении укреплений⁶³, отдельные невыразительные фрагменты были обнаружены в слое Марицкого городища⁶⁴. Наиболее вероятно предположить, что на Верхний Дон подобные кирпичи попали в результате дьяковского влияния. А. П. Медведев, отрицая такую возможность, ссылается на мнение И. Г. Розенфельд, что «рогатые» кирпичи появляются на дьяковских городищах не ранее III в. до н.э.⁶⁵, однако подобные находки появляются и в более архаичных слоях городищ Мамоново и у села «Круглицы», дьяковские «рогатые» кирпичи демонстрируют связь с соляным культом или культом огня, о чем свидетельствует их орнаментация⁶⁶. Исходя из аналогий и обстоятельств обнаружения «рогатых» кирпичей на Среднем Дону и городищах Посеймья возможно предположить, что являясь предметами, употребляемыми в быту, они в отдельных случаях использовались для совершения ритуалов, хотя данная функция была вторична.

Таким образом, в религиозные представления оседлого населения лесостепного Подонья во многом связаны с обожествлением сил природы. Земледельческая магия выражена в ритуалах различных видов общественно-го и частного характера. Большинство культовых памятников лесостепного

Подонья находят близкие аналогии на городищах скифского времени лесостепи и составляют с ними единое религиозное пространство.

- ¹ Бессонова С. С. Религиозные представления // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С. 121
- ² Либеров П. Д. Отчет лесостепной скифской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – С. 65
- ³ Либеров П. Д. Отчет об археологических исследованиях Воронежской Лесостепной скифской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – С. 29
- ⁴ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1988 г. // Архив ИА РАН. – С. 37
- ⁵ Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у села Бельск – город Гелон // Скифский мир. – Киев, 1975. – С. 126
- ⁶ Бессонова С. С. Указ. соч. – С. 121 - 122
- ⁷ Лопатина О. А., Сидоров В. В. Старшее Каширское городище и Каширская группа памятников // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 275
- ⁸ Высотская Т. Н. К вопросу о позднескифских зольниках // РА, 2001, № 3. – С. 79
- ⁹ Бессонова С. С. Указ. соч. – С. 122
- ¹⁰ Высотская Т. Н. Указ. соч. – С. 83
- ¹¹ Либеров П. Д. Отчет лесостепной скифской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – С. 64 - 65
- ¹² Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. – М., 1969. – С. 78
- ¹³ Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. – Воронеж, 1999. – С. 82
- ¹⁴ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. – С. 13 - 14
- ¹⁵ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной скифской экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. – С. 72
- ¹⁶ Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускар (Посеймье). – М., 1997. – С. 79 - 80
- ¹⁷ Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987 – 1990 гг.) // Памятники раннего железного века окского бассейна. – Рязань, 1993. – С. 89
- ¹⁸ Бессонова С. С. Центральный зольник Мотронинского городища // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М., 1999. – С. 121
- ¹⁹ Либеров П. Д. Отчет об археологических исследованиях Воронежской Лесостепной скифской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – с. 4- 14
- ²⁰ Кашина Е. А. Антропоморфные изображения из глины в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА, 2004, № 3. – С. 20 - 23; Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск, 1981. – С. 127
- ²¹ Виноградов В. Б. Фигурки «скифов» из Чечено-ингушетии // СА, 1966, № 2
- ²² Шрамко Б. А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники юго-восточной Европы. – Курск, 1985. – С. 4
- ²³ Там же. – С. 7

- ²⁴ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 52, 9, 12; Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1987 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 36, 35
- ²⁵ Шрамко Б. А. Указ. соч. – С. 12
- ²⁶ Либеров П. Д. Отчет об археологических исследованиях Воронежской Лесостепной скифской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – Т. XV. – Рис. 1, 2; Москаленко А. Н., Попов Д. А. Волошинское городище воронежской области // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1961. – Т. 2. – Рис. 2
- ²⁷ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 32, 2, 3
- ²⁸ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной скифской экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. // Архив ИА РАН. – Т. XL. – Рис. 2
- ²⁹ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1987 г. // Архив ИА РАН. – С. 11
- ³⁰ Разуваев Ю. Д. Отчет об исследованиях на северной окраине г. Воронежа в 1996 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 15, 5
- ³¹ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 4, 6; Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – С. 25. – Рис. 52, 7 - 11; Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ о раскопках Пекшевского городища в 1986 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 28, 23
- ³² Шрамко Б. А. Указ. соч. – С. 18 - 19
- ³³ Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. – Воронеж, 1999. – С. 37, 2
- ³⁴ Шрамко Б. А. Указ. соч. – С. 18
- ³⁵ Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. – М., 1969. – Рис. 15, 16
- ³⁶ Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты 1984 – 1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Подонья. – Рязань, 1995. – В. 4. – Рис. 11, 9
- ³⁷ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 32, 1
- ³⁸ Пузикова А. И. Указ. соч. – Рис. 13, 3
- ³⁹ Москаленко А. Н., Попов Д. А. Указ. соч. – Т. 2. – Рис. 1
- ⁴⁰ Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. – Киев, 1989. – с. 80
- ⁴¹ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. – Т. XXI. – Рис. 23; Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 32, 4, 7; Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1988 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 89, 4, 5
- ⁴² Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. – с. 59
- ⁴³ Либеров П. Д. Отчет об археологических исследованиях Воронежской Лесостепной скифской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – С. 35 - 37
- ⁴⁴ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – С. 25
- ⁴⁵ Шрамко Б. А. Указ. соч. – С. 24

- ⁴⁶ Пузикова А. И. Исследование городищ и поселений скифского времени в Курском Посеймье // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 261
- ⁴⁷ Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускарь (Посеймье). – М., 1997. – С. 78
- ⁴⁸ Бессонова С. С. Центральный зольник Мотронинского городища // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М., 1999. – С. 121
- ⁴⁹ Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. – Воронеж, 1999. – С. 78
- ⁵⁰ Шрамко Б. А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники юго-восточной Европы. – Курск, 1985; Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускарь (Посеймье). – М., 1997. – С. 28
- ⁵¹ Шрамко Б. А. Указ. соч. – С. 25
- ⁵² Медведев А. П. Указ. соч. – с. 79
- ⁵³ Медведев А. П. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1985 г. // Архив ИА РАН. – Рис. 14
- ⁵⁴ Медведев А. П. Указ. соч. – Рис. 37, 11, 12
- ⁵⁵ Розенфельд И. Г. Керамические погребушки // Древнейшие славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 59
- ⁵⁶ Медведев А. П. Указ. соч. – Рис. 37, 13
- ⁵⁷ Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. – М., 1981. Рис. 43, 24
- ⁵⁸ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962. – С. 200
- ⁵⁹ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100
- ⁶⁰ Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускарь (Посеймье). – М., 1997. – С. 79; Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. – Воронеж, 1999. – С. 78; Сыроватко А. С. Орнаментированные «рогатые» кирпичи с дяковских городищ Москворечья // РА, 2003, № 2. – С. 78
- ⁶¹ Медведев А. П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. – Воронеж, 1999. – С. 79
- ⁶² Либеров П. Д. Отчет лесостепной скифской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – С. 64 - 65
- ⁶³ Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Трускарь (Посеймье). – М., 1997. – С. 78
- ⁶⁴ Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. – М., 1981. – С. 87
- ⁶⁵ Медведев А. П. Указ. соч. – С. 79
- ⁶⁶ Сыроватко А. С. Орнаментированные «рогатые» кирпичи с дяковских городищ Москворечья // РА, 2003, № 2. – С. 78

БОЛЬШИЕ КУРГАНЫ ТАМАНИ IV-III ВЕКОВ до н.э.

Курганы – это искусственные земляные холмы, насыпанные над древними могилами или над каменными склепами. Иногда они достигают высоты до пятнадцати, а то и до двадцати с лишним метров (пятнадцать метров была высота одного из Таманских курганов Большая Близница). Курганы – своеобразный памятник, предназначенный увековечить память погребенного под ним вождя, героя или знатного человека. Каменные ограды (крепиды), часто их окружавшие, предохраняли насыпи от оползания. А для придания кургану особого величия, на его вершину ставили каменную бабу или статую, либо по варварскому обычаю, втыкали копьё.¹

Появление курганов на Тамани связано с появлением на этой территории поселенцев из Греции и других греческих городов-полисов (в том числе и из Малоазийских) в результате широкого колониционного процесса в VII-V веках до н.э.,² а так же с местным варварским населением – племенами синдов и меотов. Сильно эллинизированной знати именно этих народов принадлежит большое количество курганов на Тамани. Такое соседство не могло пройти бесследно ни для тех, ни для других. Вот почему в значительной части погребений налицо явное смешение погребальных обрядов местного и пришлого населения.

Так что же характерно для больших Таманских курганов IV-III веков до н.э.? Для начала следует сказать, что сооружение кургана даже самых скромных размеров было очень дорогим мероприятием. Поэтому увековечить свою память подобным дорогим способом могли себе позволить лишь наиболее богатые и знатные люди.

К IV-III векам до н.э. относится наибольшее количество курганов, так как это время расцвета Боспорских городов.³

В этот период распространяется несколько видов погребальных сооружений. Основная масса курганов представляла собой земляные гробницы, сложенные из сырцового кирпича (кирпич, сформованный из просушенной на солнце глины). Сверху погребение покрывали массивными деревянными плахами.⁴ В тоже время появляются несколько разновидностей каменных склепов. В массе своей их количество значительно уступает земляным гробницам, что объясняется чрезвычайной дороговизной на Тамани строительного камня (в этом регионе он практически отсутствует).

Существовало три вида каменных склепов. Первый вид – уступчатые склепы. Такое название они получили потому, что известняковые блоки, из которых обычно без раствора складывали склеп, образуют уступчатый свод. Такая гробница была обнаружена при раскопках кургана Большая Близница, начатых в 1864 году Самоквасовым и продолжавшихся не-

сколько лет. Её свод, выложенный известняковыми квадрами, уходит вверх шестью уступами и замыкается плитой. Там на верхней плите этого склепа было изображено в фас лицо богини (либо Диметры, либо её дочери – царицы подземного царства – Керы).⁵

Самый новый примера такого вида погребения – склеп, раскопанный в июле-августе 2003 года Фанагорийской археологической экспедицией, в раскопках которого довелось участвовать и автору этой статьи. Погребение было обнаружено в одном из курганов некрополя Фанагории – азиатской столицы Боспорского царства. Склеп был сложен из известняковых блоков прямоугольной формы. Его свод, образующий пять уступов, перекрывался ещё двумя такими блоками. Внутри кмаенные стены были оштукатурены, а швы между ними – искусно затёрты. К сожалению, этот склеп был полностью разграблен.

Другой вид каменного склепа – склеп с полуциркульным сводом. Это были продолговатые конструкции, также выложенные насухо из каменных блоков. При этом в большинстве случаев изнутри стены покрывались росписью. В качестве примера, можно привести склеп начала III века до н.э., раскопанный в 1868 году Люценко А.Е. и Тизенгаузенем В.Г. на Васюриной горе. В нем был погребен представитель сильно эллинизированной местной знати. Склеп был выложен глубоко в яме, вырытой в материковом грунте. К входу у него вела широкая каменная лестница, по бокам которой располагались каменные ящики, куда по варварскому обычаю были помещены останки лошадей. У нижней ступени лестницы, у входа в склеп, лежал скелет собаки, положенный здесь также по варварскому обычаю. Небольшие сени вели в камеру продолговатой формы с полуцилиндрическим сводом, искусно расписанную фреской по тонкому слою штукатурки, воспроизводящую ограду греческого героона.⁶

Ещё одной разновидностью каменного склепа является так называемая плитовая гробница (нередко её называют «каменным ящиком»). Две такие гробницы также были обнаружены в насыпи кургана Большая Близница.⁷

Каков же в то время был обряд погребения? Господствующим было трупоположение, однако большое распространение получает и кремация.⁸ Несколько могил с кремацией было обнаружено в кургане Большая Близница, а также в склепе кургана на горе Зеленой. Причем в таких погребениях выступают те же два типа могил с кремацией, какие известны были и в Греции. Один из этих типов представляет собой могилу, в которой находятся прах сожженного тела и обгорелые обломки различных предметов. Во время кремации совершали возлияния, потом бросали в костер вазы, статуэтки, погребальную утварь и украшения. Другой тип могилы с кремацией – урна; покойника сжигали в специальном месте вблизи захоронения, а затем пепел и кости складывали в урну, иногда предварительно заверты-

вая в ткань. Урны обычно представляли собой глиняные, либо металлические сосуды.⁹

В случае трупоположения покойника клали на спину, в вытянутом положении, ориентируя головой на восток (однако в последующие века, с усилением варваризации населения греческих городов, появляется западная, иногда южная и северо – западная ориентация).¹⁰

Нередко покойника помещали в специальные деревянные или мраморные ящики – саркофаги. Обычно они имели форму большого ларя на четырёх ножках с двускатной крышкой, таким образом его вид напоминает храм, где крышка трактуется как его двускатная крыша (однако в более позднее время подобная трактовка теряет своё былое значение и крышка саркофага стала полукруглой). Деревянные саркофаги украшались резьбой, вставками из других пород дерева, драгоценностями. Мраморные украшались искусной резьбой, нередко росписью. Таков так называемый Таманский Саркофаг IV-III веков до н.э., изготовленный, судя по всему, в одном из греческих городов Малой Азии, найденный в кургане на Лысой Горе в 1916 году Шкорпилом В.В.¹¹

Неотъемлемой частью погребений является погребальный инвентарь, который сопровождал покойника. Он был самый разнообразный, его характер и богатство зависели от рода занятий погребенного и от того, какое положение он занимал в обществе положение при жизни. Инвентарь мог быть как привозным из Греции и других стран, как три фигурные вазы из Фанагории,¹² так и местным, произведённым в мастерских причерноморских греческих городов.

Что же это за инвентарь? Во-первых, это керамика, которая в целом и разбитом состоянии встречается практически в каждом погребении. Это миски, тарелки, кувшины, кубки и т.п. Иногда встречаются стеклянные или металлические сосуды. Их в нашей категории курганов значительно больше, нежели в менее крупных курганах, поскольку подобная посуда была чрезвычайно дорога. Да и остальная посуда отличается богатством и красотой.

Неотъемлемой частью богатых погребений, особо женских, являются украшения, которые отличаются большим разнообразием. Перстни, драгоценные диадемы, начельники, венки, серьги, браслеты, подвески – вот лишь неполный список того, что было обнаружено в результате раскопок. Весьма показательным в этом плане является одно из захоронений кургана Большая Близница. В одном из склепов была погребена женщина в саркофаге в богатом жреческом уборе. На голове её был золотой калаф – высокий головной убор, на котором рельефными фигурками изображены мифические сцены борьбы варваров с грифонами. К калафу прикреплена золотая стленгида - начельник с изображением волнистых волос и крылатой Ники на концах. Здесь же найдены височные подвески и небольшие серьги,

очень тонкой работы. Шею жрицы украшали два золотых ожерелья, руки – золотые браслеты, заканчивающиеся изображениями бегущих львиц. На пальцах левой руки было четыре золотых перстня, на одном из которых изящное резное изображение Афродиты и стоящего на коленях Эроса, завязывающего ей сандалию. Вся одежда жрицы была расшита золотыми бляшками (около двух тысяч); на многих изображения женских божеств (Афина, Деметра и Кора).¹³

Украшения встречаются и в мужских погребениях, хотя они более скромны в своём разнообразии. В основном это перстни, венки (признак героизации покойного), а также различные нашивные украшения (бляшки, застежки). В гробницах с похороненными в них представителями эллинизированной знати нередко встречается оружие, а иногда и доспехи. Примером может служить еще одна гробница из кургана Большая Близница. В ней был погребен богатый мужчина – воин. На нем был превосходный золотой оливковый венок, два золотых перстня и золотые штампованные бляшки для одежды. По варварскому обычаю было положено много оружия: большой железный меч, кинжал, семь длинных копий, множество бронзовых наконечников стрел. Здесь же находился бронзовый позолоченный шлем, бронзовый панцирь и бронзовые позолоченные поножи.¹⁴

Очень часто при раскопках курганов археологи находят остатки тризн. В большинстве случаев тризна совершалась у могильной ямы или склепа на частично насыпанном кургане; место, отведенное для костра, огораживалось сырцовым кирпичом или камнем, иногда же сооружалась специальная площадка из камня или сырца. В ходе празднования совершались возлияния, а возможно и ритуальные жертвоприношения. В костер бросали кости съеденных животных, птиц и рыб, посуду, которой пользовались в ходе тризны.¹⁵

В заключение следует заметить следующее: большинство больших курганов Тамани использовались по несколько раз, нередко являясь семейными усыпальницами. Таковым является, например, уже не раз мною упоминаемый курган Большая Близница, бывший, по-видимому, семейной усыпальницей знатной, вероятно синдской семьи, некоторые женщины которой выполняли жреческие функции.¹⁶ Поэтому количество погребений в таких курганах может достигать десятка, а то и более. Кроме того, нередко случалось, что со временем семья беднела, и денег на сооружение дорогой каменной или даже сырцовой гробницы у нее не было, и тогда покойного хоронили в старом склепе, а в случае с курганом на Васюриной горе покойного погребли даже в одной из камер, куда ранее были помещены останки лошади.¹⁷

-
- ¹ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья; Киев 1966г. с.5
² Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов; М 19 г. с.22
³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство; М.-Л. 1949г. с.135
⁴ Кобылина М.М. Фанагория; М. 1989г. с.41
⁵ Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов; М 1968 г. с.72
⁶ Там же. с.81
⁷ Там же. с.71
⁸ Кобылина М.М. Фанагория; М. 1989г. с.38
⁹ Там же. с.40
¹⁰ Там же. с.41
¹¹ Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов; М 1968 г. с.83
¹² Там же. с.68
¹³ Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов; М 1968 г. с.74
¹⁴ Там же. с.75
¹⁵ Кастанаян Е.Г. Обряд тризны в Боспорских курганах; СА. 1950г. с.124-138
¹⁶ Цветаева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов; М 1968 г. с.76
¹⁷ Там же. С.80

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

М.М. Александров

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА ПРЕДВОДИТЕЛЯМИ ВИКИНГОВ: РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ЭПОХУ СКАНДИНАВСКИХ НАШЕСТВИЙ НА АНГЛИЮ (IX - XI вв.)

Роль религиозного фактора в набегах викингов на Англию в IX-XI вв. и вообще в англо-скандинавских отношениях этого периода давно стала предметом внимания исследователей. Основной причиной этого, думается, является то, что данному фактору придавали крайне высокое значение сами средневековые авторы, описывавшие вышеупомянутые события и подчас являвшиеся их непосредственными свидетелями. В большинстве средневековых произведений, так или иначе касающихся викингов, последние практически всегда рассматриваются как «исчадие ада, порождение дьявола, свирепые язычники», испытывающие особую ненависть к христианам¹ - в этом плане не является исключением «Англосаксонская хроника», центральный источник по истории англо-скандинавских отношений IX-XI вв.² Так, в данном произведении при описании событий с 787 по 865 гг. отряды, атаковавшие Англию, гораздо чаще называются именно «языческими», нежели собственно «датскими»³.

При этом сами набеги северян рассматривались как наказание Божье за грехи англосаксов (Жителей Британских островов). Подобные сентенции можно встретить очень у многих авторов, творивших на протяжении всего анализируемого периода, - от Алкуина из Йорка, в конце VIII в. в своих посланиях цитировавшего слова пророка Иеремии о «бедствиях от Севера» (Иер.: I, 14), до епископа Вульфстана, в «эсхатологических» проповедях первой декады XI в. попрекавшего англичан за «преступления против семьи, родства, лордов и церкви»⁴ Немало в источниках и упоминаний о так называемых «карах Божьих» за преступления чинимые викингами - достаточно упомянуть «мечь» Св. Кутберта (гибель кораблей викингов во время шторма) после разорения монастыря на Линдисфарне (793 г.)⁵, чудо с мантией Св. Августина во время разграбления монастыря в Кентербери (1012 г.)⁶, проклятие Св. Эдмунда, настигшее Свейна Вилобородого после погрома в Эдмундсбери (1014 г.)⁷. Наконец, в качестве основной причины прекращения викингских походов и смягчения нравов «диких данов, норвежцев и свеев» называлось именно принятие ими христианства, о чем писал, в частности, Адам Бременский: «Прежде они могли лишь точить зубы, как истые варвары, а теперь воспевают хвалу Господу»⁸.

Несомненно, главной причиной возникновения подобного взгляда был тот факт, что авторами большинства произведений, в которых содержатся упоминания о викингах, были именно церковные деятели, в наибольшей степени пострадавшие от нашествий и в то же время стремившиеся использовать их в своих интересах – как фактор «запугивающий» и призывающий к покаянию перед Церковью⁹. Наконец, христианские авторы – что вполне естественно – воспринимали и вообще большинство событий через призму исповедуемой ими и господствующей в обществе религии.

Впрочем, все эти факторы практически не принимались во внимание ранними исследователями истории викингов, которые подчас просто следовали средневековым авторам, повторяя без изменений излагаемые ими сведения и оценки¹⁰. Яркими примерами подобного подхода являются фундаментальные труды А.Стриннгольма¹¹ и О.Тьерри¹², по сути дела представляющие собой компиляции отрывков из средневековых источников, о чем прямо говорит последний из названных авторов: «Я всегда держался формы повествовательной, для того чтобы читатель не перескакивал от древнего рассказа к новейшему толкованию и чтобы сочинение мое не представляло разногласий от смешения отрывков летописей с современными рассуждениями»¹³. В плане высокой оценки значимости религиозного фактора очень показательным произведением А.Стриннгольма, который, к примеру, хотя и впервые указывает на экономические предпосылки нападений викингов на монастыри и церкви, в основном все же склоняется к явно позаимствованному у средневековых авторов мнению, согласно которому «на церкви и монастыри, на священников и монахов, как на врагов их религии, они особенно изливали свою ярость»¹⁴. С подобной же точки зрения этот исследователь рассматривает и христианизацию викингов, подобно Адаму Бременскому, трактуя ее как основной фактор приостановки разрушительных нашествий¹⁵.

Что касается современных ученых, то при рассмотрении роли религии в отношениях викингов и англосаксов и других христианских народов они уже прибегают к критическому анализу текста источников – учитывают личности, мировоззрение и социальную принадлежность их авторов, сравнивают и оценивают информацию, содержащуюся в различных произведениях, привлекают более объективные археологические и нумизматические свидетельства. С подобной точки зрения религиозный фактор во взаимодействии викингов и англосаксов, естественно, уже не рассматривается как важнейший и в качестве равноправной части включается в систему самых различных факторов, определявших развитие англо-скандинавских отношений в IX-XI вв. В частности, концентрация грабежей на церковных владениях вполне обоснованно трактуется с экономической точки зрения, а «особая ненависть язычников к религиозным институтам христиан» по сути дела отрицается¹⁶. Последнее положение подтверждается и данными письменных источников, в которых содержится немало указаний на относительно мирное сосуществование

христиан и язычников-северян. Достаточно упомянуть архиепископов Йорка, сохранявших определенную власть и во времена правления скандинавов¹⁷, вполне безопасные странствия монастырской общины Св. Кутберта после ухода с Линдисфарна¹⁸ или опеку викингов над обителью Св. Августина в Кентербери¹⁹. Свидетельства христианско-языческого симбиоза заметны и по данным археологии и нумизматики – на территории Северной Англии известны находки монет с изображением молота Тора и именем Св. Петра, захоронения по языческому ритуалу на христианских кладбищах²⁰, а уж христианские влияния в захоронениях викингов известны с начала X в. практически по всей территории, так или иначе затронутой их деятельностью²¹.

Несомненно, одним из основных моментов, относящихся к влиянию религии на отношения Англосаксонских королевств и викингов, было принятие предводителями пришельцев из Скандинавии христианства. Именно на рассмотрении этого процесса хотелось бы остановиться несколько подробнее, поскольку это, по нашему мнению, позволит в полной мере, без уклонов в ту или иную сторону, оценить роль анализируемого нами фактора.

Наиболее показательными в этом плане являются хорошо отраженные в письменных источниках случаи принятия христианства правителями викингов – крещение Гутрума в 878 г., Хакона в начале X в., Эрика Кровавая Секира в 937 г., Олафа Ред (Ирландского) в 943 г. (по другим данным – в 941 г.), Олафа Трюгвассона в 994 г.

Если говорить о непосредственных причинах и поводах принятия христианства скандинавскими правителями на территории англосаксонских королевств (или вообще ...правителями....), то следует заметить, что нередко происходило оно после поражений, нанесенных викингам англосаксонскими королями. Наиболее ярким примером в данном отношении является первый из упомянутых нами случаев – Гутрум крестился только после победы, одержанной Альфредом при Эддингтоне, в качестве подкрепления мира и обещаний покинуть пределы королевства²². Нечто подобное произошло и с Олафом Ред, который был вынужден принять крещение после ряда поражений и бегства из Лестера, осажденного уэссекским королем Эдмундом²³. В качестве яркой параллели здесь можно упомянуть и «насильственное» принятие христианства шведским предводителем Гнупе после поражения от Генриха Птицелова в 934 г.²⁴ О.Тьерри, описывая крещение Гутрума, со ссылкой на «Англосаксонскую хронику» отмечает: «Разбитые датчане не могли держаться дольше, и король их, Годрун, решился на меру, *которую в опасности часто принимали люди его племени*: он обещался креститься со всеми своими воинами»²⁵. Действительно, в конце IX-начале X вв., когда родина викингов еще оставалась языческой, шаги, подобные предпринятому Гутрумом, чаще всего являлись для скандинавских вождей вынужденной мерой, своеобразной капитуляцией перед более сильным противником, которая нередко использовалась

как залог временной передышки перед началом новой серии атак на англо-саксов.

Впрочем, нередко принятие христианства происходило параллельно с заключением не только мира, но и военно-политического союза, выгодного обеим сторонам. Так, в 886 г. Альфред Великий и Гутрум установили границу между своими королевствами и оговорили «правила мирного сосуществования двух этнических групп»²⁶. Текст этого договора известен исследователям, однако, вполне возможно, ему предшествовал аналогичный документ, подписанный одновременно с крещением вождя викингов²⁷. Принятию христианства Олафом Реде сопутствовало заключение сходного договора, согласно которому английские (?) земли делились между уэссекским и скандинавским королями, причем за Олафом оставалась Северная, а за Эдмундом – Южная Англия²⁸.

Кроме того, с укреплением власти уэссекских правителей и массовой христианизацией скандинавских поселенцев на Британских островах в первые десятилетия X в. (в хрониках с этого времени они больше не именуются язычниками)²⁹ крещение становится необходимым условием получения северянами важных постов, титулов или земельных владений. В этой связи необходимо в первую очередь упомянуть случай со знаменитым вождем викингов Эриком Кровавая Секира – тот принял христианство для того, чтобы стать правителем Йорка, в то время находившегося в подчинении у короля Уэссекса³⁰. Для подобных целей (правда, несколько меньшего масштаба) принимали крещение в этот период и многие другие селившиеся на территории будущей (?) Англии скандинавы, рангом поменьше³¹.

Наконец, начиная все с тех же первых десятилетий X в. принятие христианства становится выгодным для скандинавских правителей еще в одном аспекте – эта религия, тесно связанная с идеей единоначалия, помогала им укреплять собственную власть на родине³². В Данию в это время христианство начинает проникать с территории Германии, а для Норвегии источником новой веры становится именно заметно расширившая свое влияние Англия. Так, уже упомянутый нами Хакон Харальдссон по прозвищу «Воспитанник Адельстейна» вырос и был окрещен при дворе английского короля Этельстана. Причем «культурное влияние» на будущего норвежского короля последний подкреплял и военно-политической помощью, оказывая поддержку в борьбе за трон³³. Впрочем, еще более ярким примером подобного рода является принятие христианства будущим норвежским королем Олафом Трюгвассоном, имевшее место в 994 г. В отличие от многих случаев, описанных выше, оно последовало не за поражением скандинавов, а, напротив, за выплатой королем Этельредом очередной «порции» *danegeld* Свейну Виллобродому и Олафу. С последним при этом было заключено особое соглашение, согласно которому он принимал христианство, получал богатые дары и обязался никогда больше не появляться в Англии с враждебным умыслом. Это была уже не

«капитуляция», а уступка, выгодная как англичанам, так и самому норвежскому вождю. Его основной целью при вхождении в лоно новой религии было, в отличие, скажем, от Гутрума, вовсе не временное прекращение борьбы с христианами-англичанами, а укрепление собственной власти. Вернувшись после крещения домой, Олаф начал «систематический и достаточно жестокий процесс введения христианства» в Норвегии, шедший «рука об руку с борьбой за воссоединение государства»³⁴. Более того, согласно сагам, стараниями новоиспеченного христианского владыки около 995 г. были окрещены и зависимые от него жители Оркнейских островов³⁵.

Само принятие христианства – и в IX, и в XI вв. – происходило примерно по одному сценарию – сначала предводитель викингов давал обещание креститься (нередко – со своими лучшими воинами), затем прибывал в назначенное место, где и совершался обряд. В качестве восприемника чаще всего выступал сам король Англии (Альфред в случае с Гутрумом, Эдмунд – с Эриком Редом, Этельред – с Олафом Трюгвассоном), приносивший своему «крестному сыну», говоря словами «Англосаксонской хроники», «королевские дары»³⁶. Кстати, богатые крестильные подарки, сопровождавшие процедуру принятия новой религии, вполне возможно, были – особенно на ранних стадиях нашествия викингов – дополнительным фактором, склонявшим скандинавских вождей к принятию христианства³⁷. За обрядом крещения, очевидно, следовало заключение мирного или союзного договора.

Насколько же прочны были принимавшиеся скандинавскими предводителями обязательства – как в религиозной, так и в военно-политической сфере? Судя по письменным источникам, Гутрум нарушил свое обещание прекратить нападения на королевство Альфреда уже в первой половине 80-х гг.³⁸, результатом чего стало заключение нового договора в 886 г. Эрик Кровавая Секира тоже ненадолго задержался на «должности» Йоркского короля, зависимого от уэссекских правителей, и довольно быстро вернулся к морским разбоям. Вполне вероятно, подобным образом мог быть разрушен союз Эдмунда и Олафа Редом, не помешавший этому смерть последнего – уж слишком часто он возобновлял свои набеги на английские берега. Наконец, если говорить об Олафе Трюгвассоне, то в хронике особо отмечается, что принятое вместе с крещением обещание не появляться в Англии с враждебным умыслом он сдержал, однако, в частности, Э.Роэсдадь обращает внимание на тот факт, что причиной этого – как и в случае с Олафом Редом – была его гибель в 1000 г.³⁹ Столь же нестойким нередко оказывалась и приверженность викингов новой религии. Конечно, Гутрум, даже нарушая мир с Альфредом, не отрекался от христианской веры и даже велел чеканить монеты со своим новым именем (Этельстан), однако другие скандинавские правители, очевидно, вместе со своими политическими обязательствами подчас забывали и принятую религию. Показателен в этом плане пример с Эриком Кровавая Секира – после смерти он был похоронен по языческому образцу⁴⁰. Подобная же участь,

кстати, постигла и яркого приверженца христианства Хакона Воспитанника Адельстейна, что Э.Розсдаль объясняет отсутствием в Северной Норвегии почвы для принятия новой религии⁴¹.

Как видно, изначально предводители викингов по сути дела нередко просто использовали крещение как способ одномоментного решения собственных проблем – сначала для того, чтобы выиграть время для передышки после поражения, затем – чтобы принять от английских королей определенные привилегии и посты или получить военную помощь. В подобных случаях после того, как преследуемые цели оказывались достигнутыми, подчас забытыми оказывались не только положения мирных договоров и союзов, но и новая религия. Впрочем, когда цели скандинавских правителей, для достижения которых необходимо было принятие христианства, стали более долговременными, устойчивее стала и новая вера. Ярл Хакон, стремившийся путем христианизации объединить Норвегию под своим владычеством, привез с собой из Англии священников и возводил на западном побережье своей страны церкви. Ту же политику, только в более широких масштабах, проводил и Олаф Трюгвассон, достигший к тому же и больших успехов, нежели предшественник. Отказываться от христианства совершенно не соответствовало его интересам. Вполне возможно, не собиравшийся Олаф забывать и о своих обязательствах в отношении набегов на Англию – подкрепленный крещением договор с Этельредом играл на руку норвежскому правителю во внутрискандинавских распрях.

Ярким примером использования христианства для решения долговременных проблем, по нашему мнению, является и правление Кнута Могучего, объединившего под своей властью уже в основном христианизированную Данию и Англию. Как заметила Э.Розсдаль, если бы он оставался язычником, то никогда не смог бы стать английским королем⁴². Действительно, на протяжении всего своего царствования он выступал в качестве «ревностного поборника интересов английской церкви»⁴³ – щедро одаривал высших иерархов английской церкви, поддерживал монастыри, стремился сблизиться с другими христианскими государями Европы и даже совершил паломничество в Рим. Судя по всему, все это в немалой степени способствовало столь длительному и в общем-то мирному правлению Кнута в Англии.

С подобной точки зрения принятие христианства скандинавскими правителями действительно можно рассматривать как важный фактор в изменении отношений викингов с Англией и в переходе от беспорядочных жестоких набегов к «переговорному процессу» и спланированной экспансии. В то же время, однако, из всего вышесказанного заметно, что новая религия для вождей северян по сути дела всегда была инструментом решения политических задач – будь то оттягивание времени для новых атак, заключение военных или династических союзов или укрепление собственной власти.

- ¹ Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2003. С. 57.
- ² Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 40-41.
- ³ AS Chron. 193, 832, 838, 854 – «язычники»; 794 – «языческие армии»; 851, 853, 865, 866 – «языческая армия»
- ⁴ Godden, Malcolm R. Apocalypse and invasion in late Anglo-Saxon England. Oxford, 1994, pp.130-62
- ⁵ Стриннгольм А. Указ. соч. С. 27-28.
- ⁶ William Thorne's Chronicle of Saint Augustine's Abbey / Ed. A.H.Davis. Oxford, 1934. P. 41; Williams A. Op. cit. P. 108.
- ⁷ Стриннгольм А. Указ. соч. С. 161.
- ⁸ См.:Роэсдаль Э. Мир викингов: Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001. С. 166.
- ⁹ Сойер П. Указ. соч. С. 50, 176-177; Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998. С. 86..
- ¹⁰ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 14.
- ¹¹ Первое издание – 1834 г., первое русское издание – Стриннгольм А. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. СПб., 1861.
- ¹² Русское издание – Тьерри О. История завоевания Англии норманнами. Ч. I. СПб., 1859. Ч. II. СПб., 1868.
- ¹³ Тьерри О. Указ. соч. Ч. I. С. 5.
- ¹⁴ Стриннгольм А. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁵ Там же. С. 62.
- ¹⁶ Сойер П. Указ. соч. С. 50; Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 194; Глебов А.Г. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁷ Сойер П. Указ. соч. С. 211.
- ¹⁸ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 205.
- ¹⁹ William Thorne's Chronicle of Saint Augustine's Abbey / Ed. A.H.Davis. Oxford, 1934. P. 41; Williams A. Op. cit. P. 108.
- ²⁰ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 214.
- ²¹ Сойер П. Указ. соч. С. 94-95.
- ²² AS Chron., 878.
- ²³ Ibid., 943.
- ²⁴ Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 109.
- ²⁵ Тьерри О. Указ. соч. С. 93.
- ²⁶ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 206.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Стриннгольм А. Указ. соч. С. 153.
- ²⁹ Тьерри О. Указ. соч. С. 103; Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 111; Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 214.
- ³⁰ Снорри Стурлусона Круг земной. М., 1995. С. 68
- ³¹ Тьерри О. Указ. соч. С. 103; Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 169.
- ³² Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 142, 169.
- ³³ Стриннгольм А. Указ. соч. С. 147.
- ³⁴ Там же. С. 147.
- ³⁵ Снорри Стурлусон. Указ. соч. С.128
- ³⁶ AS Chron., 878; 943; 994.
- ³⁷ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 142.
- ³⁸ AS Chron., 885.

³⁹ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 217.

⁴⁰ Тьерри О. Указ. соч. С. 101.

⁴¹ Роэсдаль Э. Указ. соч. С. 147.

⁴² Там же. С. 144.

⁴³ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 122-123.

Киселёва М.В.

ПЕЧЕНЕГИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ VIII-XII вв.

Печенеги в отечественной историографии традиционно рассматривались как очередная волна кочевников из степей Средней Азии, обрушившаяся на государства Восточной Европы. Но это лишь часть проблемы. Печенеги были важными участниками международных торговых отношений, контролируя путь «из варяг в греки». Они оказывались влиятельными партнерами в различных политических союзах. Кроме того, печенеги выступали носителями культурного взаимовлияния народов Восточной Европы.

Еще в работах XVIII-XIX вв., посвященных общей истории России, печенеги изучались, прежде всего, как один из факторов внешней политики других государств (Русь, Византия, Хазария). В 1889 г. П.В. Голубовский первый предпринял попытку рассмотреть историю кочевников южнорусских степей как самостоятельную проблему¹. Он поставил вопрос о «взаимном племенном родстве печенегов, торков и половцев». В советский период активизировались исследования истории тюркских племен Средней Азии VIII-IX вв. В рамках этой темы обнаружился новый подход к изучению истории тюркских кочевников, которых рассматривали, как соседей мусульманских народов (В.В. Бартольд², Б.Н. Зоходер³, С.Г. Кляшторный⁴ и С.Г. Агаджанов⁵, Л.Н. Гумилев⁶). В 50-70 гг. XX в. начинает массово использоваться археологический материал. На основе его, с привлечением письменных источников поднимались проблемы территории расселения этого народа, политической организации, социального устройства, хозяйства. Здесь следует отметить работы археологов М.И. Артамонова⁷, С.А. Плетневой⁸, Г.А. Федорова-Давыдова⁹. Работы С.А. Плетневой занимают особое место в историографии этого периода. Она предложила свою методологию при классификации древностей кочевников и сопоставление их с определенными этническими объединениями, выдвинула теорию общего развития кочевых цивилизаций.

В настоящее время появляются попытки применения цивилизационного подхода, в котором кочевые племена рассматриваются как самобытные

сообщества, имеющие свои, особые пути развития. В этом аспекте выделяет особенности социально-политической организации печенегов А.В. Марей¹⁰.

Несмотря на изучение этого вопроса с конца XIX в. и постоянного интереса историков к этой проблеме, в настоящее время нет исследований, обобщающих весь накопленный материал. Источники рассматриваются лишь отдельными блоками (русские, арабские, византийские, еврейские, тюркские). Это объясняется тем, что печенеги дважды переселялись на новые земли, и сведения о них сохранилась у разных народов. Охватить весь известный материал по их истории достаточно сложно.

Печенеги дважды сменили территорию расселения. Первой их родной были земли бассейна Сырдарьи и Приаралья¹¹, потом они переселились в междуречье Волги и Урала, откуда откочевали в Северное Причерноморье.

Как этнос (кенгерессы) они сформировались к началу VIII в. н.э. в результате ассимиляции тюрками североиранских кочевых племен Кангюя и вошли в состав Восточнотюркского каганата¹².

Этноним печенегов в письменных источниках появляется уже в VIII в.¹³. Эти номады представляли собой союз племен и занимали территорию Сырдарьи и Приаралья.

Агентами международных региональных отношений выступали, прежде всего, многочисленные тюркоязычные племена, заселившие азиатские степи и периодически объединявшиеся в кочевые государства – каганаты. Кроме этого, прежнее политическое доминирование стремилось восстановить Тайский Китай. На главной международной торговой трассе – Великом шелковом пути, господствовал Согд. Согдийцы еще в IV в. создавали свои торгово-ремесленные колонии на пути караванов из Китая и получали доходы транзитной торговли шелком. Распространение своей экспансии в Азии проводили арабы.

Политическое положение печенегов в среднеазиатском регионе было достаточно скромное. По сравнению другими тюркскими народностями печенеги были слабым объединением, которое не смогло даже отстоять свои земли в борьбе с одним из племен огузского государства – саларами¹⁴, не то чтобы захватить новые и создать как гузы, тюргуши, уйгуры, кимаки многоэтническое кочевое государство – каганат. Отмечаются и этнические и культурные контакты с другими тюркскими племенами (брачные союзы, содержание в длительное время плену до выкупа)¹⁵.

Некоторое время, возможно, печенеги, входя в Западнотюркский каганат, был под политическим контролем Китая¹⁶. Союзные отношения были у печенегов с государством Согда, западным соседом этих номадов. Печенеги были участниками военного союза городов Сырдарьи и племен присырдарьинских тюрков, противостоявшего экспансии арабов в Азию¹⁷.

Торговые отношения велись между кочевниками и оседлыми народами (Китаем, Согдом, оседлыми племенами оазисов). Отар, отождествляемый

Кляшторным с китайским Кангюем, был крупнейшим центром этой торговли¹⁸.

По занимаемой печенегами территории проходил Великий шелковый путь в Китай, приносящий доход от транзита восточных товаров.

После ухода с Приаралья в IX в. новой территорией кочевания для печенегов стало междуречье Волги и Урала. Племена печенегов расселились между другими народами этого региона¹⁹. Гардизи описывает одно из печенежских племен, владеющее стадами лошадей и баранов, предметами роскоши, множеством оружия. Попытка обосноваться на новых землях у печенегов не удалась. Они не смогли включиться в систему отношений этого региона, найти союзников. Против них выступили гузы, хазары, кипчаки и карлуки. Нестабильное политическое положение печенегов не позволило им участвовать в международных торговых отношениях. Движение печенежских племен в Северное Причерноморье происходило двумя путями: через Хазарский каганат и Русь.

Печенежские племена в Восточной Европе появляются разновременно. В этом регионе существовало два противостоящих друг другу политических блока, возглавляемые Византийской империей и Хазарским каганатом. Активным агентом международной политики становится Древнерусское государство. Печенеги, расселившиеся между этими государствами, стали важным фактором международных отношений восточноевропейского региона.

Худуд ал-алам²⁰ разделяет печенегов на хазарских и тюркских. Восточные печенежские племена («хазарские печенеги») некоторое время зависели от Хазарского каганата, что определило враждебные отношения с этим государством. Чтобы освободиться от политического влияния Хазарии, они искали помощи сначала у Византии. По сведениям хазарских источников, «во дни царя Винамина Пайнил, царь Асси, турки» по наущению царя Македонского (т.е. Византии) начали нападать на Хазарию. Отразить их нападения помогли аланы²¹. Это первый прецедент печенежско-византийского союза, который, правда, не был удачен для печенегов. Империя не оказала, наверно, непосредственной помощи, которую ждали кочевники. Союз со славянами оказался более успешным, результатом которого стал разгром каганата Святославом. Так, Ибн-Хаукаль²² называет печенегов «шип руссиев» и говорит о совместных походах на Хазарию.

Появление «тюркских печенегов» в Северном Причерноморье точно датируется Регионом 889 г., который связывает появление мадьяр в Панонии с вытеснением их печенегами из Северного Причерноморья²³. Константин Багрянородный приводит сведения об оттеснении печенегами уличей из устья Днестра в Проросье, разгром тиверцев. К середине X в. печенеги, по сведениям византийского автора, заняли господствующее положение в этом регионе и становятся важным фактором международных отношений.²⁴

По русским летописям²⁵ печенеги появляются в 915 г. Это, скорее всего, волна северных печенежских племен приволжского периода. Они заключили мир с киевским князем Игорем и прошли на Дунай. До 80-х гг. XI в. печенеги выступают как важный фактор в русско-византийских отношениях. Столкновение интересов Руси и Византии произошло на Балканах. Оба этих государства стремились включить в сферу своего влияния Болгарию. Союз Древнерусского государства 915-968 гг. с печенегами позволил ему проводить успешные военные походы (поход Игоря в 944 г., первый поход Святослава)²⁶ на эту территорию. Время и причину распада печенежско-русского союза источники не сообщают. В 968 г. эти номады осаждают Киев. Святославу пришлось срочно вернуться в столицу своего государства для отражения их нападения. Летописная традиция и византийских авторов (Лев Диакон, Иоанн Скилица²⁷) объясняет это событие переходом печенегов на сторону Византии, а Святослав погиб в 971 г. при возвращении с Болгарии на днепровских порогах от печенегов.

Как ни странно, нападений печенегов в период правления Ярополка Святославича не было, как не было и походов русского войска в степь. Наоборот, Ярополку во время княжеской усобицы предлагалось убеждать к печенегам²⁸, а его сын – Святополк не раз приводил подмогу из Степи²⁹.

Военные столкновения между печенегами и Древнерусским государством с княжения Владимира приобретают систематический характер. Последнее появление печенегов на границах Руси отмечается в 1036 г., когда они были разбиты русским войском, возглавляемым Ярославом Владимировичем³⁰.

Изменение печенежско-русских отношений связано с одной стороны – с укреплением Киевского государства. Меняются источники дохода киевских князей. Добыча от военных походов на другие территории (когда союз с печенегами им был необходим) заменяется получением стабильного дохода с подвластного населения. Охрана «налогоплательщиков» становится первоочередной задачей. Торговые отношения приобретают еще большее значение. Печенеги становятся не просто помехой, а серьезным препятствием для выполнения новых задач. С другой стороны, социальные изменения происходят в самом печенежском обществе. Вдвигается знать, которая хочет легко и быстро обогатиться при набегах.

Печенеги отходят в степь. Часть из них откочевала к границам Византии. С ослаблением империи от частых мятежей и децентрализацией власти, печенеги получили возможность обогащаться за счет набегов³¹ на ее северные провинции, а в 1048 г. даже дошла до стен Константинополя. Лишь в 1091 г. печенеги потерпели поражение от войск Алексея Комнина и осели на рубежах империи в качестве наемников. Другая часть печенегов отошла в степь, присоединившись к следующей волне кочевников – торкам.

В сер. XI в. обстановка в степи изменилась. С востока пришли новые кочевые племена - половцы (по русским летописям). Вытесненные ими из своих кочевий печенеги, торки и берендеи образовали в сер. XII в. на границах Руси подвластный ей полукочевой союз Черные Клобуки и заняли территорию Поросья. Постепенно они были ассимилированы славянским населением. Сведения об отношениях печенегов с европейскими государствами на западе ограничиваются упоминаниями участия их в событиях на стороне Польши и Святополка против Владимира и вхождение в состав Венгерского войска.

В отечественной историографии большой интерес вызывал вопрос влияния кочевников на торговые отношения в этом регионе. Тем более что под их контролем находился важный торговый путь «из варяг в греки», связывающий Русь с Византией, а так же пути в Закавказье и на Восток. Мнения историков разделились. Одни исследователи считают, что печенеги препятствовали развитию торговых отношений, совершая набеги на купеческие караваны, другие – печенеги были заинтересованы в транзите товаров через их территорию и получению пошлин в виде подарков. Сведений о нападении печенегов на торговые караваны в письменных источниках нет. Так же немало важно, что путь «из варяг в греки» сохранял свое значение в течение всего периода нахождения печенегов в Восточной Европе и не было попыток найти ему альтернативу. Поток товаров, проходивших по этому пути, с Византии в Русь и скандинавскими странами и обратно, интенсивным. Непосредственное участие в торговых отношениях печенегов было с населением пограничных областей. Константин Багрянородный приводил сведения о товарном обмене между жителями Херсона и печенегами.

Можно говорить и о культурном взаимовлиянии, существовавшем между печенегами и соседними народами. В историографии освещается лишь вопрос славянских заимствований у кочевников. Р. М. Байбунова³² считает, что славяне перенимали вооружение у кочевников, некоторые особенности организации быта (описание поведения Святослава во время походов). «Железная» степная дисциплина была так же взята русскими князьями у номадов. Перенимается так же фольклор, тюркский эпос. Возможно, славяне заимствовали у кочевников обереги, особенности обряда погребения - происходит изменение захоронений (исчезают трупосожжения). На антропологическом уровне у русских появляются азиатские черты. Вопросы же влияния Руси, Византии, Хазарии на самих печенегов не изучался.

В рамках вопроса положения печенегов в международной системе отложений нельзя не обозначить вопрос религии печенегов. Факих³³ (903г.) называет тюрок, к которым относил и печенегов, огнепоклонниками и зиндиками. Ал-Мусади (Хв.) и Гарнати (XIIв., 1150г.) – мусульманами. В письме миссионера Бруно³⁴ (1118г.) печенеги опять язычники, часть из которых приняла после его проповедей христианство. С.А. Плетнева, опираясь на архео-

логические исследования, называет печенегов язычниками. Для каких-то выводов явно информации недостаточно.

Таким образом, положение печенегов в системе международных отношений претерпело определенную эволюцию. Это, прежде всего, связано со сменой территории кочевания и сопредельных государств. Можно выделить азиатский, приволжский и причерноморский период истории печенегов. В каждом из этих периодов у печенегов было специфическое политическое, экономическое и культурное положение в международной системе отношений. Расцвет печенежского объединения происходит в Северном Причерноморье в 30-70 гг. X в.

¹ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX- XIII вв. Киев, 1884.

² Бартольд В. В. Сочинения, Т. III, VII, 1973.

³ Зоходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гонган и Поволжье в IX-X вв., М., 1962.

⁴ Кляшторный С. П. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. Кляшторный С. П. Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древности и средневековье., С-П, 2000.

⁵ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969., С 129-131.

⁶ Гумилев Л. Н. Хунну., М., 1960; он же Древни тюрки, М., 1967.

⁷ Артамонов М. И. История хазар//МИА № 62, 1958 или МИА №10, 9 1963

⁸ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. // МИА, 1958, № 62; она же Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // МИА, 1963, № 109. С. 216-259; она же Древности черных клобоков. М., 1973 (САИ; Е 1-19); она же Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1980.

⁹ Федоров-Давыдов Э. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

¹⁰ Марей А.В. Особенности социально-политической организации печенегов // Альтернативные пути цивилизации, М., 2000.

¹¹ См. Кляшторный С. П., М., 1964, С. 163, 179.

¹² См. Кляшторный С. П., М., 1964, С. 174

¹³ Китайская хроника Суй шу (цз 84) тибетский перевод отчета уйгурских послов.

¹⁴ Информация об этом содержится в отчете уйгурских послов и тюркском фольклоре. См. Кляшторный С. П., С. 159, Агаджанов С. Г. С. 130-131.

¹⁵ См. Агаджанов С. Г., Ашхабад, 1969., С. 131.

¹⁶ См. Кляшторный С. П. Султанов Т. И., М., 2000, С 92, 94.

¹⁷ Бартольд В.В. Очерк истории Туркменского народа, С. 17.

¹⁸ См. Кляшторный С. П., С.160

¹⁹ Две группы источников. 1) Константин Багрянородный, Ал-Мусади, говорят, что на западе они граничили с Хазарским каганатом, на юге их соседями называются гузы. 2) Ал-Идриси считает южными соседями буртасов, а Гардизи помещает хазар на юго-западе от печенегов, славян – на западе и кипчаков – на востоке.

²⁰ См. Зоходер Б. Н., М., 1962, С. 218.

²¹ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932.

- ²² Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1991, 2-е изд., С 156.
- ²³ Назаренко. Латиноязычные источники IX-XI в.: тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- ²⁴ См. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий/ Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. Сер.: Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989, С. .
- ²⁵ ПВЛ, С 21
- ²⁶ ПВЛ, С 23, 31-32.
- ²⁷ Лев Диакон. История./Пер. М. М. Копыленко. М.. 1988, С. 88.
- ²⁸ ПВЛ, С 37.
- ²⁹ ПВЛ, С 63
- ³⁰ ПВЛ, С 66.
- ³¹ См. Анна Комнина. Алексиада/ Пер. Я. Н. Любарского. СПб., 1996 г., С. ,С. 95, 112-114, 234-240.. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Маноила Комниных. СПб. 1859., С. 107, 111. Михаил Пселл. Хронография/ Пер. Я. Н. Любарского. М., 1978, С. 160-163.
- Никифор Вриения. Исторические записки. СПб., 1856, С. 98,100.
- ³² Байбунова Р.М. «Лес» и «степь» только ли противостояние ? //Человек, 1996, № 1-2.
- ³³ Мандельштам А.Г. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фахту б. Хакану» ал Джахиза// ТР. ИН-та истории и этнографии. Т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 227-250.
- ³⁴ Памятники истории Киевского государства IX-XII, М., 1936, С. 74-77.

Л. Э. Абдуллаева

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

XV в. в истории Флоренции является периодом ее наивысшего расцвета, характеризующийся не только относительной стабильностью в политической сфере, но и значительным подъемом в сфере культурной. Наряду с выдающимися художниками, архитекторами и скульпторами, творившими в этот период, появляются две своего рода знаковые фигуры, без обращения к которым, как представляется, невозможно осмысление процессов, происходивших во Флоренции и за ее пределами в то время. Речь идет о Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини.

Взгляды Никколо Макиавелли, получившие широкую известность еще при его жизни, привлекали интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей. В итоге к настоящему времени десятки, а может и сотни трудов посвящены этому выдающемуся историку и политическому деятелю.

Совершенно по-другому судьба распорядилась в отношении Франческо Гвиччардини. Выдающийся политик, современник и друг Макиавелли, он написал множество произведений, ни одно из которых не получило известности при его жизни. Однако даже когда эти произведения были опублико-

ны, восприняты они были далеко не однозначно и зачастую признавались лишенными всяческих научных достоинств. Сам же Гвиччардини воспринимался исключительно как младший современник Никколо Макиавелли и упоминался для сравнения или с целью противопоставления последнему.

В западной историографии новый подход к творчеству Ф. Гвиччардини обозначился в конце XIX в. Начиная с этого времени постепенно стали появляться работы, в которых подробно анализировались труды Гвиччардини, его политические, исторические, общественные взгляды. Несмотря на то, что произведения Гвиччардини по-прежнему подвергались частой, не всегда заслуженной критике исследователей, положительным было то, что пробудился интерес к произведениям этого ученого и политика.

По-другому, к сожалению, обстояло и обстоит дело в отечественной историографии. До сих пор не появилось ни одной значительной работы, посвященной Гвиччардини, не переводятся его труды. Лишь в 2002 г. под редакцией Л. М. Брагиной был опубликован перевод последних глав «Истории Флоренции» Гвиччардини.¹ До этого последний и единственный раз перевод некоторых произведений итальянского историка был опубликован в 1934 г.² В сборник издательства «Academia» вошли «Заметки о делах политических и гражданских», «Семейная хроника» и «Воспоминания о себе самом». В этом же сборнике была опубликована и статья А. К. Дживелегова «Франческо Гвиччардини». Эта статья является одним из самых подробных исследований, посвященных Гвиччардини в отечественной литературе.

Дживелегов останавливается на биографии итальянского историка, его политических воззрениях, анализирует некоторые его произведения, а так же дает характеристику появившихся к тому времени трудов зарубежных исследователей, обращавшихся к творчеству Гвиччардини. Но при этом Дживелегов выступает против однозначного порицания или восхваления идей историка: «Гвиччардини пишет – и действует так, что не всегда легко добраться до настоящих его мыслей. Поэтому словам – и делам – его нетрудно дать неправильное истолкование. Если не иметь твердого критерия для суждения и оценок, легко впасть в ошибку. Твердую почву нужно искать в среде и в эпохе»³. Именно это и пытается делать Дживелегов, рисуя достаточно подробную картину происходивших в XV – XVI вв. во Флоренции событий.

А. Дживелегов полагал, что Гвиччардини выражает интересы рантье-ерской группы буржуазии, которой нужен такой порядок, «...где землевладение пользуется большими политическими преимуществами перед торговлей и промышленностью».⁴ Именно с этим связывался страх Гвиччардини перед народом, который он прятал под высокомерным презрением к черни.⁵

Очень высоко А. К. Дживелегов оценивал «Заметки о делах политических и гражданских»: «По «Ricordi» рассыпано столько перлов наблюдательности и проницательности, как редко в другой книге афоризмов. Эпиктет и М. Аврелий, Ларошфуко и Вовенарг кажутся пресными и лишенными остро-

ты по сравнению с Гвиччардини... И если когда-нибудь обывательская мораль облекалась в гениальные формулы, то это именно в «Ricordi» Франческо Гвиччардини». ⁶ Такие утверждения Дживелегова вовсе не беспочвенны. «Ricordi» переиздавались в течении XVI в. несколько раз, получив название «золотых поучений». По мнению Дживелегова, Гвиччардини – величайшая фигура, знаменующая собою упадок Возрождения, последнее слово ярчайшей эпохи.

Спустя почти 30 лет после работы А. К. Дживелегова в отечественной историографии появилась еще одно произведение, посвященное Ф. Гвиччардини. В 1960 г. вышла статья В. В. Самаркина «К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини» ⁷. Говоря об оценках Гвиччардини в зарубежной историографии, В. В. Самаркин утверждает, что мнение Де Санктиса об итальянском историке XVI века как об эгоисте, не приемлющем ничего, кроме личной выгоды, было наиболее объективным. Все последующие попытки историков по-другому взглянуть на Гвиччардини автор статьи считает «апофеозом и дифирамбами». ⁸ Далее автор анализирует произведения Гвиччардини, в которых наиболее ярко проявляются его политические воззрения. Это «История Флоренции», «Рассуждения в Логроньо» и «Диалог об управлении Флоренцией». Самаркин считал Гвиччардини крайне противоречивым политиком: «Всякому утверждению в его высказываниях можно найти опровержение в его поступках или возражение в других его мыслях» ⁹. Автором было точно замечено, что на протяжении всей своей жизни Гвиччардини действовал наперекор своим убеждениям и пристрастиям: скептик и даже циник в вопросах веры, противник светской власти церкви, он посвящает свою жизнь службе папе; образованнейший человек своего времени, он отрицает не только необходимость, но и пользу чтения etc. ¹⁰

Политическим credo, идеалом Гвиччардини, по мысли Самаркина, является олигархическая республика, власть крупной городской буржуазии, к классу которой принадлежал сам итальянский историк. Если нет возможности изменить политические порядки, лучше приспособиться к ним, но ни в коем случае не выступать против них. Так, тирания Медичи имеет много отрицательных черт, однако она неизбежна и приемлема, поэтому достаточно довольствоваться в полной мере благами в рамках существующих порядков. Вставая на точку зрения купцов, банкиров, предпринимателей, Гвиччардини не пытается подняться над уровнем своего класса и своей эпохи, что, по мнению Самаркина, является причиной глубокого политического скепсиса, опустошенной, все отрицающей морали, имеющей целью только личное процветание. ¹¹

Анализируя одно из самых ранних произведений Гвиччардини – «Историю Флоренции», Самаркин указывает, что данный труд являлся шагом вперед по сравнению с предшествовавшей историографией, хрониками и анналами XIV – XV веков. Особенно знаменательным является то, что Гвиччар-

дини одним из первых историков отошел от традиционной практики писать историю войн и походов, посвящая значительную часть книги истории самого города, описанию событий, происходивших в нем, их анализу и связи с событиями внешнеполитической истории.¹²

Результатом раздумий о том, что ожидает Флоренцию и какой бы хотелось ее видеть, стало «Рассуждение в Логроньо». В этом произведении Гвиччардини описывает возможный проект государственного устройства Флоренции, принимая за основу венецианскую модель. Но провозглашенный «фундаментом свободы» Большой совет, а так же синьория и гонфалоньер не наделяются обширными полномочиями. Основную власть следует сосредоточить в руках сената, особенности избрания которого должны гарантировать преемственность власти крупной городской буржуазии.¹³

Год спустя Гвиччардини создал еще один проект политического устройства города – «Диалог об управлении Флоренцией». Устами собеседников Гвиччардини анализирует и сравнивает различные формы правления, приходя к заключению, что наилучшим было бы правление во Флоренции «...людей самых лучших, *uomini da bene*, т. е. люди самые лучшие и мудрые получили бы более высокое положение и влияние, чем другие, и где важные дела не передавались бы на рассмотрение и решение тех, кто в этом ничего не смыслит...»¹⁴ За основу политического строя Гвиччардини опять же, предлагает взять венецианскую модель, а ввести ее надеется благодаря чуду или стечению обстоятельств. В. В. Самаркин считает основным недостатком итальянского историка и политического деятеля то, что его стремления не выходят за рамки желаний и не превращаются в активные действия. Все свои надежды он возлагает на судьбу или случай, поэтому его концепция окрашена в такие пессимистические тона. Завершает свою статью Самаркин выводом о том, что «...сознание нежизненности, утопичности...теорий естественно привело Гвиччардини к прислужничеству сильным мира сего, имеющему целью свои личные интересы»¹⁵.

В 60-е годы появляется ряд обзорных исследований, в которых в той или иной степени затрагивается творчество Франческо Гвиччардини. Так, например, Е. А. Косминский в «Историографии средних веков V в.- середина XIX в.»¹⁶ одну из глав посвящает итальянскому историку. Но, по-прежнему, Гвиччардини рассматривается преимущественно в сравнении с Н. Макиавелли. Анализируя взгляды Гвиччардини, Е. А. Косминский определяет его как историка-реалиста, который «...описывает события точнее, яснее и определеннее, чем Макиавелли»¹⁷. «Историю Италии» Косминский считает своеобразным итогом всему опыту политической жизни, а циничный пессимизм, которым проникнуто все произведение Гвиччардини, исходит из разочарования во всех политических режимах современности.¹⁸ Положительной чертой Гвиччардини является его проницательность, а так же большое реалистическое чутье, особенно в области политических и дипломатических интриг.¹⁹

Но этим, к сожалению, достоинства Гвиччардини, по мнению автора, исчерпываются. «Заметки о делах политических и гражданских» - именуются «ка-техизисом лицемерия»²⁰, для которого характерны моральная, классовая ограниченность и тенденциозность. Итогом является высказывание о том, что Гвиччардини лишен способности к широким обобщениям и не в состоянии понять ничего выходящего за пределы узкой, лицемерной, эгоистической классовой морали.²¹

Примерно такой же точки зрения придерживается и О. Л. Вайнштейн в своей работе «Западно-Европейская средневековая историография»²². Хотя за трудами Гвиччардини признается научная ценность, обусловленная богатством материала, обилием конкретных данных и деталей, характеристик и портретов исторических деятелей, а так же вниманием к экономическим проблемам, итальянский историк обвиняется в классовой ограниченности, прямом искажении и фальсификации истории. В общем же, его работы, по убеждению автора, – шаг назад по сравнению с «Историей Флоренции» Макиавелли.²³

В 1966 г. в сборнике статей «Итальянское Возрождение» появилась одна из наиболее значительных работ в отечественной историографии, посвященная Франческо Гвиччардини – статья В. И. Рутенбурга «Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении»²⁴. Позже появятся и другие работы автора²⁵, в которых он будет возвращаться к творчеству Ф. Гвиччардини, но основополагающие тезисы появились впервые именно в статье 1966 г.

По мнению В. И. Рутенбурга, Гвиччардини – одна из последних крупных фигур Возрождения в области философской и политической мысли, и одновременно – олицетворение кризиса Итальянского Возрождения.²⁶ Анализируя творчество итальянского мыслителя, Рутенбург делает выводы о том, что Гвиччардини является своего рода звеном, которое связывает философию Возрождения с философией Нового времени.²⁷ С одной стороны, Гвиччардини продолжает гуманистическую традицию XV века, делая следующий шаг в разработке теории полезности и взаимопользости Л. Валлы. Но если у Валлы в основе теории лежит принцип наслаждения, то у Гвиччардини – принцип личной выгоды, блестяще обоснованный и описанный в его «Заметках о делах политических и гражданских».

Некоторые авторы обвиняли Франческо Гвиччардини в отсутствии патриотизма и заботе только о личной выгоде. В. И. Рутенбург опровергает это высказывание, полагая, что Гвиччардини был истинным патриотом Флоренции: представлял ее интересы в Испании, с ранних лет состоял в государственных инстанциях, всю жизнь размышлял об улучшении правления Флоренции. Будучи реалистичным политиком, он считал патриотичным искать лучший выход из худшего положения; будучи приверженцем республики, он считал возможным идти на компромисс с тираном.²⁸ Нельзя рассматривать подобные взгляды Гвиччардини только как стремление к личной выгоде и

постоянному конформизму. Напротив, приверженность политика таким идеям может свидетельствовать о его проницательности и рассудительности, о том, что он не страшился вынести беспощадный приговор своей родине и себе самому, если к этому принуждала реалистическая оценка обстановки.²⁹

В. И. Рутенбург в своей статье при сравнении взглядов Макиавелли и Гвиччардини пишет, что два мыслителя имели много общего. «Это два главных участника великого диалога позднего Возрождения о судьбах Италии XVI века».³⁰ Гвиччардини, по мнению автора, как историк уступает Макиавелли по широте и глубине идей, его труды подчинены одной цели – выявлению причин гибели флорентийской республики и поисков средств ее восстановления. Преимущество Гвиччардини как историка проявляется в отрицании им утверждения Макиавелли об античных временах как критерия для современности.³¹ Таким образом, В. И. Рутенбург в своей статье попытался наиболее объективно оценить творчество Франческо Гвиччардини, отказавшись от характерных для работ того времени штампов о классовой и моральной ограниченности итальянского историка.

В 1975 г. Л. М. Баткин в статье «К проблеме историзма в итальянской культуре эпохи Возрождения»³² так же обратился к творчеству Гвиччардини и Макиавелли. Уделяя основное внимание толкованию этических проблем в творчестве итальянских историков, а так же сравнивая их понимание истории, Баткин приходит к мысли, что общая основа мировоззрения сближает их с гуманистами Кватроченто, делая обоих людьми позднего Возрождения.³³ Если в своих работах Макиавелли постоянно ссылался на античные образцы, то Гвиччардини выступал категорически против этого, считая, что комбинация обстоятельств, сцепление интересов и мотивов, вмешательство случая – каждый раз иные. Любое событие является неповторимым, к нему нельзя применять шаблоны, впрочем, как нельзя применять к истории и моральные оценки.³⁴ У Гвиччардини взгляд на историю более пессимистичен, чем у Макиавелли. Причиной тому – события, произошедшие во Флоренции и в целом в Италии за те 15 лет, что разделяли творческую деятельность двух великих людей этого периода. Как и В. И. Рутенбург, Л. М. Баткин считал, что нельзя обвинять Гвиччардини в антипатриотизме, потому что судьба Италии для него – не отвлеченный фетиш, а участь всех живущих в стране граждан.³⁵

В начале 80-х годов в Саратовском университете В. А. Постниковым была защищена диссертация по теме «Франческо Гвиччардини и идеология позднего Возрождения». На основе этой диссертации в сборниках Саратовского университета «Средневековый город» были опубликованы ряд статей, посвященных взглядам Франческо Гвиччардини³⁶. В этих статьях автор анализирует религиозные и политические взгляды итальянского историка. Говоря о политических представлениях Франческо Гвиччардини, автор указывает на их двойственность. Это было связано с возрастающей в XVI веке актуальностью единоличного правления. Тем не менее, любая форма власти, по мне-

нию Гвиччардини, будь то монархия или республика, должна держаться на доблести и величии «немногих».³⁷ Таким образом, двойственность взглядов итальянского историка проявляется в поддержке монархии, ограниченной в пользу буржуазии.³⁸

Религиозные взгляды Гвиччардини так же довольно противоречивы. К религии, в отличие от гуманистов, Гвиччардини подходит не сточки зрения этической, выражающейся в критике лицемерия, стяжательства и порочности служителей церкви, но с точки зрения политической. Главная причина, по его мнению, иноземного владычества в Италии – существование светского государства церкви, которое постоянно привлекает внешние силы для осуществления политических притязаний.³⁹ Тем не менее, папство и клир – важный политический фактор, поэтому Гвиччардини не мог ограничиться мечтами об уничтожении светского государства пап и политического влияния духовенства, так как это привело бы к кардинальным изменениям. Подобные изменения, по мысли Гвиччардини, ничем хорошим закончиться не могут. У итальянского историка всегда присутствовал страх перед нарушениями политической стабильности, пусть даже не всегда отражающей интересы живущих в государстве людей.⁴⁰ По мнению В. А. Постникова, Гвиччардини сделал значительный шаг вперед по сравнению с классическим гуманизмом: гуманисты выступали против светской власти пап, Гвиччардини же ставит вопрос об уничтожении христианской религии как таковой. И этим он предвосхитил Просвещение.⁴¹

И. Ф. Ракитская, одна из авторов сборника «История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение»⁴² склонна считать Гвиччардини преемником гуманистической традиции, который верит в способности человека в соответствии с разумом и природой устроить свой политический быт. Выражая интересы крупных предпринимателей Флоренции, Гвиччардини является сторонником олигархического режима и противопоставляется автором Макиавелли, выступавшего за «народную республику» и выражавшего интересы среднего класса. И. Ф. Ракитская в своем очерке дает довольно подробную характеристику политических предпочтений Гвиччардини, анализирует его проекты государственного устройства. Тем не менее, идею смешанного правления, на которой останавливается Гвиччардини, автор не считает оригинальной. Напротив, подобная идея, основанная на античных образцах, являлась для Возрождения традиционной.

В последнее время крупнейший специалист в области Итальянского Возрождения Л. М. Брагина так же заинтересовалась проблемой творчества Франческо Гвиччардини, результатом чего стал целый ряд статей Лидии Михайловны, появившийся в период с 1997 по 2002 гг. в различных сборниках.⁴³

Одной из первых появилась статья, посвященная анализу и сравнению исторических взглядов Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини на примере их одноименных произведений «История Флоренции»⁴⁴. В этой ста-

тье Лидия Михайловна подробно останавливается сначала на «Истории Флоренции» Макиавелли, затем на произведении с таким же названием Франческо Гвиччардини. Однако хотелось бы отметить, что часть, посвященная Никколо Макиавелли, отличается более продуманными выводами, автор четко определяет его новаторство по сравнению с предшествующей гуманистической традицией в историографии: описание внутривластной ситуации Флоренции, интерес к социальным конфликтам, стремление раскрыть глубинные основы постоянных политических столкновений, умение вычленив исторические закономерности событий. Франческо Гвиччардини, по мнению Брагиной, - одна из самых ярких фигур итальянского Возрождения. Он внес весомый вклад в ренессансную историографию и политическую мысль, начав новый, зрелый этап их развития.⁴⁵ Творчество итальянского историка, вполне естественно, несет в себе черты гуманистического мировоззрения. Так, например, в нарисованном Гвиччардини политическом портрете Козимо Медичи сквозят черты гуманистического идеала правителя – мудрого и щедрого, пекущегося о благе государства и его подданных.⁴⁶ Значительную часть своей работы Гвиччардини посвящает правлению Лоренцо Великолепного. Характеристика, данная Лоренцо, выглядит в целом беспристрастной и далеко отстоит от гуманистического идеала правителя. Главным критерием оценки многолетнего господства дома Медичи на политической арене Флоренции является польза государству, которую оно принесло. И, хотя Гвиччардини не сомневается в тиранической основе такого господства, отрицательный вердикт вынести ему не может.⁴⁷

Все образы правителей Гвиччардини создает в одном ключе – этико-психологическом, и соизмеряет их с гуманистическими представлениями об идеальном правителе, который обладает высокой нравственностью и приумножает общественное благо. Однако, наблюдая за трансформацией политического строя в сторону синьории тиранического склада, историк не считает данный факт трагедией для Флорентийской республики. Напротив, отсутствие межпартийной борьбы и всплеск социального недовольства, а так же постоянно возрастающий авторитет Флоренции на международной арене Гвиччардини считает основными положительными итогами правления Медичи.⁴⁸ Анализируя «Историю Флоренции» Франческо Гвиччардини, автор статьи указывает лишь на некоторые особенности, характерные для произведения итальянского историка: отсутствие «вставных речей» и риторики, психологизм, а так же внимание к особенностям политической системы Флоренции. Тем не менее, Лидия Михайловна не делает далеко идущих выводов, определяющих новаторство Гвиччардини по сравнению с предшествующей историографией, не прослеживается преемственность или, напротив, отход от гуманистической линии. И за Макиавелли, и за Гвиччардини признается одинаковая заслуга в том, что «историография была поднята на качественно новый уровень»⁴⁹.

Дальнейшее развитие проблема политических взглядов Гвиччардини получает в статье Брагиной «Проблемы власти в творчестве Франческо Гвиччардини»⁵⁰. В данной статье Лидия Михайловна анализирует политические взгляды Гвиччардини, основываясь не только на его «Истории Флоренции», но привлекая так же «Заметки о делах политических и гражданских». «Историю Флоренции» Брагина определяет как первый этап осмысления историком проблем власти: его взгляды еще несут на себе отпечаток гуманистической традиции. Основное значение, по мнению Гвиччардини, имеют не формы государства, а его функции, которые должны утверждать мир и порядок.⁵¹

В «Заметках» происходит окончательное объединение политики и этики, в принципе характерное для всего творчества Франческо Гвиччардини. На страницах «Заметок» итальянский историк дает меткие характеристики политической обстановке, политикам и народу. Однако в политических портретах, которые создает Гвиччардини в «Истории» и в «Заметках», на первый план выступают личность и характер, позволившие гражданам без постов, лишь своею доблестью подчинить себе государство с республиканской конституцией.⁵² Пишет Гвиччардини и о народном правлении, но его симпатии находятся на стороне олигархической республики: управлять государством должны лишь наиболее компетентные граждане, потому что допуск к власти всех и каждого чреват внутренними раздорами и правлением несведущих в государственных делах людей.⁵³ Отсутствие единства всех итальянских государств Гвиччардини считал главной причиной Итальянских войн, трагедии всего итальянского народа.⁵⁴ Хотя автору полностью не удалось отойти от традиций гражданского гуманизма, имевшего значительное влияние во Флоренции, Брагина полагает, что в «Заметках» намечен больший, чем в «Истории», отход от гуманистических позиций.⁵⁵ Таким образом, несомненными достоинствами новой статьи Лидии Михайловны являются обращение к «Заметкам» для анализа политических воззрений Гвиччардини, а так же глубокие выводы и обобщения, касающиеся политических взглядах историка.

Завершает анализ политических взглядов Франческо Гвиччардини Лидия Михайловна своей статьей «Особенности ренессансного исторического познания: Макиавелли и Гвиччардини о Флоренции XV в»⁵⁶. Абсолютно новым в этой работе по сравнению с предшествующими статьями Лидии Михайловны Брагиной, посвященным данной проблеме, стало то, что исследовательница дает характеристику состояния историографии к XV веку, прослеживает ее развитие в период средневековья, пишет о заслугах гуманистов на этом поприще. Часть работы, посвященная «Истории Флоренции» Макиавелли, отличается более глубоким, по сравнению с предыдущими статьями, объяснением исторических закономерностей, которые видит историк. Анализируя «Историю Флоренции» Франческо Гвиччардини, Брагина обращает внимание на то, что итальянский мыслитель проследил эволюцию Флорентийской республики, увидел положительные и отрицательные стороны власти

при разных реальных государственных системах, при этом он оценивает не столько государственные институты, сколько роль личности в них.⁵⁷ Лидия Михайловна проводит непосредственное сравнение политических взглядов Макиавелли и Гвиччардини, чего она не делала в своих предыдущих статьях. Так, например, прослеживаются различия в описании представителей семьи Медичи. Гвиччардини при этом, по мнению Лидии Михайловны, более объективен: он не избегает термина «тирания», говоря о Лоренцо Великолепном, не пытается искать теоретического оправдания единовластия, как это делает Макиавелли. Брагина подчеркивает новаторство Гвиччардини по сравнению с Макиавелли и с гуманистической историографией: его способность вписать историю Флоренции в общеитальянский контекст, более подробно проанализировать ее политическую систему, быть более объективным в изложении фактов. Все это, по мнению автора статьи, свидетельствует о наивысших достижениях Гвиччардини в подходе к познанию истории в эпоху Высокого Возрождения.⁵⁸

Большое внимание уделила Л. М. Брагина и анализу «Заметок о делах политических и гражданских» Гвиччардини, но уже не только в контексте политических взглядов итальянского мыслителя.⁵⁹ Новая статья Лидии Михайловны была посвящена анализу этических воззрений Франческо Гвиччардини. Основным вопросом, затронутым в статье современной исследовательницы, стал вопрос понимания природы человека. Несмотря на многочисленные пессимистические выводы, которые можно найти в «Заметках», Гвиччардини исходит из общего для гуманистов признания природы человека, склонной к добру.⁶⁰ При этом вся этика Гвиччардини окрашена в светские тона и лишена всяческого теологического контекста.⁶¹ Как и Рутенбург, Брагина, анализируя этические воззрения итальянского историка, проводит параллели с Лоренцо Валлой, подчеркивая, что у Гвиччардини акцент делается не на достижении счастья, а на психологическом анализе последствий удач и неудач, выпадающих на долю каждого человека.⁶² При рассмотрении проблемы рока и фортуны Гвиччардини близок, по мнению Брагиной, к Альберти.⁶³ Сближает двух великих мыслителей эпохи Возрождения еще и то, что они поставили под сомнение идеи гуманистического антропоцентризма, говоря о сосуществовании в человеке доброго и злого начал.

Одними из наиболее ярких особенностей этики Гвиччардини являются реализм суждений и диалектический подход к любой жизненной проблеме, подразумевающий бесконечные возможности выбора в каждой жизненной ситуации и признание противоречивости всего сущего.⁶⁴ Основопологающей линией этики Гвиччардини является утверждение личного интереса, что кардинально отличает его от гражданского гуманизма XV века, в котором доминировали идеи подчинения личной пользы общему благу или же гармонии частных и гражданских интересов. Гвиччардини смотрит на все сквозь призму личного интереса. При этом он не задается вопросом о причине расхожде-

ния практики и теории, предпочитая давать практические советы о том, как следует поступать в каждой конкретной ситуации. Отсюда и его выводы о том, что судьба каждого человека более важна, чем судьба всего государства.⁶⁵ Своим реализмом Гвиччардини как бы корректирует гуманистический идеализм, но не становится на позиции Макиавелли, который утверждает, что люди злы по своей природе. В «Заметках...», по сравнению с более ранними произведениями Гвиччардини, наблюдается значительный отход от гуманистических воззрений, усиливаются скептицизм и прагматизм, что является порождением новой эпохи. Тем не менее, на Гвиччардини, по мысли Брагиной, еще воздействуют определенные гуманистические традиции, в частности, вера в мораль как силу, способную воздействовать на политику.⁶⁶

Статья Лидии Михайловны представляет глубокий и подробный анализ «Заметок о делах политических и гражданских». Автор рассматривает различные понятия и этические категории, на которых останавливается Гвиччардини, пытается найти связь его идей с идеями предшествующих мыслителей или указать на нечто новое, свидетельствующее о наступлении следующей эпохи, когда «идеалы гуманизма проверялись на прочность».⁶⁷

Взгляды Гвиччардини далеко не однозначны и противоречивы. Несмотря на оригинальность и самобытность его как историка и политического деятеля, он находился под воздействием гуманистических традиций, еще не утративших своего решающего влияния, с одной стороны, и пока только зарождавшихся традиций Нового времени, с другой.

Таким образом, из довольно краткого обзора отечественной историографии, посвященной Франческо Гвиччардини, можно сделать вывод, что интерес к проблемам политических воззрений итальянского историка существовал на протяжении довольно долгого времени. Эти вопросы нашли отражение в работах практически всех отечественных исследователей, занимавшихся изучением творчества Франческо Гвиччардини. Интерес же к проблемам этического характера появился лишь в последние годы, чему была в определенной степени посвящена диссертация В. А. Постникова и несколько статей Лидии Михайловны Брагиной. Вопрос же о социальных воззрениях Франческо Гвиччардини, их взаимодействии с этическими и политическими категориями в представлении итальянского историка до сих пор остается открытым. До настоящего времени не существует ни одной работы, хоть в какой-то мере освещающей эту проблему. Как представляется, данная тема является весьма интересной, принимая во внимание глубину и широту охвата различных проблем в произведениях Франческо Гвиччардини.

¹ Гвиччардини Ф. История Флоренции. // Сочинения великих итальянцев XVI в. Под ред. Л. М. Брагиной. М., 2002. С. 73-140.

- ² Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. 548 с.
- ³ Дживелегов А. К. Франческо Гвиччардини. // Гвиччардини Ф. Сочинения. М.: Academia, 1934. С. 14.
- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ Там же. С. 47-48.
- ⁶ Там же. С. 59-60.
- ⁷ Самаркин В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини. // Вестник Московского Университета, 1960 № 5. С. 42-60.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁰ Там же. С. 42.
- ¹¹ Там же. С. 45.
- ¹² Там же. С. 47.
- ¹³ Там же. С. 57.
- ¹⁴ Цит. по: Самаркин В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини. // Вестник Московского Университета, 1960 № 5. С. 58.
- ¹⁵ Самаркин В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Франческо Гвиччардини. // Вестник Московского Университета, 1960 № 5. С. 60.
- ¹⁶ Косминский Е. А. Историография средних веков Vв. - середина XIX в. М., 1963.
- ¹⁷ Там же. С. 74.
- ¹⁸ Там же. С. 73-74.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ Там же. С. 75.
- ²¹ Там же. С. 75.
- ²² Вайнштейн О. Л. Западно-Европейская средневековая историография. М., Л., 1964.
- ²³ Там же. С. 65.
- ²⁴ Рутенбург В. И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении. // Итальянское Возрождение. Сборник статей. Л., 1966. С. 89-120.
- ²⁵ Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Очерки. Л., Наука, 1987; Титаны Возрождения. СПб., Наука, 1991.
- ²⁶ Рутенбург В. И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении. // Итальянское Возрождение. Сборник статей. Л., 1966. С. 89.
- ²⁷ Там же. С. 104.
- ²⁸ Там же. С. 97.
- ²⁹ Там же. С. 98.
- ³⁰ Там же. С. 106.
- ³¹ Там же. С. 112.
- ³² Баткин Л. М. К проблеме историзма в итальянской культуре эпохи Возрождения. // История философии и вопросы культуры. М.: Наука, 1975. С. 167-190.
- ³³ Там же. С. 178.
- ³⁴ Там же. С. 181-182.
- ³⁵ Там же. С. 178.
- ³⁶ Постников В. А. Итальянская историография последнего столетия о Франческо Гвиччардини. // Средневековый город, Вып. 5, Саратов, 1978. С. 170-180; Гвиччардини о политическом строе Флоренции. // Средневековый город, Вып. 6, Саратов, 1981. С. 174-177; Гвиччардини о религии и церкви. // Средневековый город, Вып. 9, Саратов, 1989. С. 97-107.
- ³⁷ Постников В. А. Франческо Гвиччардини о политическом строе Флоренции. // Средневековый город, Вып. 6, Саратов, 1981. С. 176.

³⁸ Там же. С. 177.

³⁹ Постников В. А. Франческо Гвиччардини о религии и церкви. //Средневековый город, Вып. 9, Саратов, 1989. С. 101.

⁴⁰ Там же. С. 104.

⁴¹ Там же. С. 106.

⁴² Ракитская И. Ф. Франческо Гвиччардини. // История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. Под ред. В. Нерсисянца. М., Наука. 1986. С. 326-332.

⁴³ Брагина Л. М. Этические взгляды Франческо Гвиччардини в его «Заметках о делах политических и гражданских». // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 199-204; Проблемы власти в творчестве Франческо Гвиччардини. // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 55-66; Особенности исторического познания в Италии в эпоху высокого Возрождения. // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 215-224; Особенности ренессансного исторического познания: Макиавелли и Гвиччардини о Флоренции XV в. // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 267-282; Этико-политические взгляды Франческо Гвиччардини в его «Заметках о делах политических и гражданских». // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 282-295.

⁴⁴ Брагина Л. М. Особенности исторического познания в Италии в эпоху высокого Возрождения. // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 215-224.

⁴⁵ Там же. С. 218.

⁴⁶ Там же. С. 221.

⁴⁷ Там же. С. 222.

⁴⁸ Там же. С. 223.

⁴⁹ Там же. С. 224.

⁵⁰ Брагина Л. М. Проблемы власти в творчестве Франческо Гвиччардини// Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 55-66.

⁵¹ Там же. С. 63.

⁵² Там же. С. 60.

⁵³ Там же. С. 56.

⁵⁴ Там же. С. 55.

⁵⁵ Там же. С. 65.

⁵⁶ Брагина Л. М. Особенности ренессансного исторического познания: Макиавелли и Гвиччардини о Флоренции XV в.// Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 267-282.

⁵⁷ Там же. С. 280.

⁵⁸ Там же. С. 280-281.

⁵⁹ Брагина Л. М. Этико-политические взгляды Франческо Гвиччардини в его «Заметках о делах политических и гражданских»// Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры, М., 2002. С. 282-295.

⁶⁰ Там же. С. 283.

⁶¹ Там же. С. 285.

⁶² Там же. С. 286.

⁶³ Там же. С. 286.

⁶⁴ Там же. С. 288.

⁶⁵ Там же. С. 289-290.

⁶⁶ Там же. С. 293.

⁶⁷ Там же. С. 293.

ИСТОРИЯ РОССИИ

А.О. Мещерякова

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО Ф.В. РОСТОПЧИНА КАК ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ОПЫТА ПАВЛОВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ.

В процессе эволюции общественно-политического мировоззрения Ф. В. Ростопчина 1812 год стал тем пунктом, на котором его консерватизм с ярко выраженным националистическим подтекстом, откровенно декларируемый в предшествующие годы¹, достиг своего апогея. Вступив накануне войны в должность московского генерал-губернатора и получив тем самым диктаторские полномочия², Ростопчин приобрел уникальную возможность практической реализации идеи государственной власти в ее национал-консервативном варианте.

Важно отметить, что Ростопчин никогда не предпринимал сколько-нибудь систематизированного теоретического обоснования этой «идеи» ни в своих политических, ни в литературных сочинениях. Однако его представления о механизме реализации государственной власти можно реконструировать, опираясь на факты его личного опыта, зафиксированного в воспоминаниях³ и письмах соответствующего периода⁴, а также в мемуарах и эпистолярном наследии современников. Именно экстраординарность военной обстановки с ее необходимостью принятия быстрых решений способствовала тому, что меры московского генерал-губернатора были не столько выражением продуманной программы действий, сколько реализацией приемов и механизмов, используемых Павлом I.

Как известно, на большую сцену российской политики Ростопчин вышел в царствование Павла I. Облеченный доверием императора и преданный ему, Ростопчин в годы правления своего «благодетеля» играл одну из важнейших ролей в жизни Российской империи. Время правления Павла I, в которое стремительно началась и блестяще развивалась государственная карьера Ростопчина, оставило неизгладимый след на всем политическом и мировоззренческом облике будущего московского главнокомандующего. Вовлеченность Ростопчина в культурно-политическую жизнь павловской Гатчины, которую он сознательно предпочел двору Екатерины II⁵, обусловила его последующую оппозиционность духу александровской эпохи с ее либерально-универсалистскими идеалами.

Все непродолжительное правление Павла I в общих чертах можно представить в виде бурной реакции на либерализм екатерининского царствования, уходивший своими корнями в просветительскую культурно-политическую традицию. В данном случае требует некоторой корректировки положение о решающем воздействии Французской революции 1789 г. на воз-

никновение консерватизма вообще и русского консерватизма в частности. Революционные события во Франции, безусловно, оказали влияние на атмосферу павловского царствования, но антифранцузский пафос, с которым осуществлялась смена «всех декораций» предшествующего царствования (когда, по словам А. Чарторижского, «быстрее, чем за один день» изменилось все: «костюмы, прически, наружность, манеры, занятия»⁶) был направлен не столько против «якобинства», сколько против атрибутов французского Просвещения, культивируемого Екатериной. Таким образом, пруссофильство Павла, имевшее не столько культурный, сколько политический характер, явилось платформой, на которой сформировалась консервативная оппозиционность либеральному правлению Екатерины II.

Гатчина со своим обликом и порядками стала образцом, который использовался Павлом для реформирования различных сторон жизни Российской империи. Не ставя перед собой цели разбора мер и предприятий, обусловивших консервативную направленность политики Павла I, обратим внимание лишь на принципы и идеи, ставшие наиболее яркими символами нового царствования.

Вполне очевидно, что Павел в свое правление стремился реализовать идею сильной, авторитетной и максимально сосредоточенной в руках монарха государственной власти. С этой идеей была тесно связана абсолютизация принципа порядка и дисциплины, выразившаяся в самом факте установления в империи военно-полицейского режима. Немедленность и публичность наказания, ставшие при Павле нормой, выступали действенным механизмом поддержания заведенного в государстве порядка. Павел придавал значение демонстрации не только сильной, но и справедливой власти. Одним из символов этого был знаменитый «желтый ящик» у ворот Зимнего дворца, служивший тому, чтобы «глас слабого, угнетенного был услышан»⁷ и каждый подданный любого чина и положения, мог обратиться лично к императору со своей просьбой. «Этим путем, - по словам Н.А. Саблукова, - обнаруживались многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания»⁸. Стремление уравнивать перед лицом своей власти все сословия подчеркивало патерналистский стиль правления Павла I, выступавшего в роли строгого, но справедливого отца своих подданных. Эта тенденция павловского царствования (благодаря сильному антидворянскому подтексту) оценивалась некоторыми современниками как реальная угроза самодержавию. Внимания заслуживает характеристика, которую дал правлению Павла I Я.И. де-Санглен, уловивший националистические мотивы в политике этого императора. Павел, «отправляя в первом гневе в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, - писал де-Санглен, - научил нас и народ *слишком рано* (курсив мой – А.М.), что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкоп (под самодержавие - А.М.), ибо без этого различия

самодержавие удержаться не может. Он нам дан был или слишком рано, или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы благословили бы его царствование. Но он явился после Екатерины, после века снисходительности, милосердия, счастья, и получил титул тирана»⁹. Надо полагать, что под этим «слишком рано, или слишком поздно» подразумевается не столько отрезок времени, сколько определенная социально-политическая ситуация. В данном случае демонстративное игнорирование сословных различий и явное благоволение к простонародью носили националистический характер. Современникам, людям рубежа XVIII – XIX вв., это казалось преждевременным и опасным для основ самодержавия, т. е. явлением в их понимании *неконсервативным*. Показательно, что с подобных же позиций критиковали впоследствии и Ростопчина за его, по выражению П.А. Вяземского, влечение к «черни»¹⁰ и демократическую риторику афиш, якобы таившую в себе опасность для существующего строя¹¹.

Итак, в должность московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчин вступил в преддверии войны, в первые дни июня 1812 г. День его заступления на этот пост должен был произвести исключительно благоприятное впечатление на жителей Москвы. В этот день он «приказал отслужить молебны перед всеми иконами, которые считаются чудотворными и пользуются большим уважением у народа»¹². В письме к Александру I Ростопчин упоминал также о своем двукратном публичном посещении часовни Иверской Божьей Матери¹³. Примечательно то, что Павел во время коронационного въезда в Москву также посетил часовню Иверской Божьей Матери. Как заметил Р.С. Уортман, это предприятие явилось «важным новшеством», став «первой демонстрацией набожности в императорском въезде»¹⁴. В обоих случаях адресатом выступали самые широкие слои московского населения.

Первоочередные мероприятия Ростопчина в новой должности имели своей целью демонстрацию сильной, решительной и, одновременно, справедливой власти. Лозунгом первых дней генерал-губернаторства Ростопчина стало наведение порядка и искоренение несправедливости. «Два утра были для меня достаточны, чтобы пустить пыль в глаза и убедить большинство московских обывателей в том, что я неутомим и что меня видят повсюду. Мне удалось внушить такое мнение о моей деятельности тем, что я в одно и то же утро появлялся в самых отдаленных кварталах и оставлял там следы моей справедливости и моей строгости»¹⁵. И жители Москвы оценили эти качества нового генерал-губернатора. Так, вскоре М.А. Волкова сообщала в письме к В.И. Ланской, что новым генерал-губернатором «до сих пор очень довольны» в Москве, поскольку «он очень деятелен» и «справедлив»¹⁶.

По утрам, переодетый в гражданское платье, Ростопчин, по его собственным словам, «загонял две пары лошадей», чтобы успеть побывать в разных концах города, а в 8 часов утра появиться у себя в мундире, «готовым приняться за работу»¹⁷. Таким образом, Ростопчин воспроизводил характер-

ный стиль поведения Павла I. В свое время Павел I также удивлял подданных проявлением своей незаурядной активности. «Не успел государь нескольких дней поцарствовать, - писал по этому поводу А.Т. Болотов, - как вся страна поражена была удивлением, и из ней писано было всюду и всюду, что новый наш монарх толико был трудолюбив и бдителен над соблюдением и установлением во всем порядка, что все не могли тому довольно надивиться, а особливо тому, что он всякий день, когда не по два, так по одному разу, несмотря на всю суровость погоды, разъезжал по городу и по всем местам, и не в пышности и великолепии государственном, а просто когда верхом и, не смотря на всю стужу, в одном сюртуке, а когда в небольших санях. Зрелище сие было по истине необыкновенное и потому наиболее для всех поразительное, но вкупе и такое, которое производило великие последствия»¹⁸. По поводу этих выездов Павла I В.И. Штейнгель писал, что «посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная»¹⁹. Так, внезапностью посещений Павел обеспечивал контроль за выполнением своих повелений, стремясь воплотить в жизнь принцип справедливости и порядка.

По мнению А.Н. Пыпина, у Павла было «несколько фантастическое представление о достоинстве его власти: он понимал ее как нечто в роде власти Гарун-аль-Рашида, хотел все знать, все видеть, водворять добродетель и преследовать порок...»²⁰. В действительности, подобные предприятия Павла I носили в значительной степени демонстративный характер. Наряду со строгим и публичным наказанием обнаруженного злоупотребления или нарушения установленного порядка, они являлись одним из излюбленных им механизмов управления государством. Этот же прием применил впоследствии и Ростопчин в отношении вверенной ему древней столицы. Описывая первый день своего пребывания в новой должности, Ростопчин упомянул, в частности, о следующих проявлениях своей «строгости» и «справедливости»: «Я приказал посадить под арест офицера, приставленного к раздаче пищи в военном госпитале, за то, что не нашел его в кухне в час завтрака. Я восстановил права одного крестьянина, которому вместо 30 ф. соли отпустили только 25; я отправил в тюрьму чиновника, заведовавшего постройкой моста на судах; я входил повсюду, говорил со всяким; я узнал много такого, чем потом пользовался»²¹. В письме к Александру I Ростопчин писал также о наказании пятьюдесятью палочными ударами одного унтер-офицера, «который был приставлен при продаже соли и заставил ждать нескольких крестьян». Замечательно, что наказание было приведено в исполнение немедленно в присутствии генерал-губернатора²².

Эффективным механизмом реализации власти Ростопчин считал демонстрацию своей доступности и открытости. Впоследствии он писал, что достиг популярности в Москве именно благодаря своей доступности каждому московскому обывателю. В «Московских ведомостях» он сделал объявление о том, что ежедневно с 11 часов до полудня принимает всех желающих, а тот,

кто имеет сообщить ему «нечто важное», может являться к нему в любое время²³. «Желтый ящик» у ворот Зимнего дворца, появившийся вскоре после восшествия на престол Павла I, выполнял, по сути, ту же функцию. «Народ был счастлив... Вельможи знали, что всякому возможно было писать государю и что государь читал каждое письмо.... Страх внушал им человеколюбие»²⁴ - писал А. Коцебу, характеризуя воздействие, которое производила на русское общество открытость и доступность Павла I. Кстати сказать, резолюции и ответы на поданные указанным путем прошения публиковались в столичных ведомостях, где их имели возможность прочитать не только лица, к которым они имели непосредственное отношение, но и все прочие, что создавало эффект публичности власти. В подобных случаях Ростопчин использовал не только «Московские ведомости», но и более действенное орудие демонстрации своей открытости – знаменитые афиши, выходившие большим тиражом и имевшие свободное и повсеместное распространение в городе. Точно так же, как и Павел I, Ростопчин обращался в своих афишах не только к абстрактному московскому обывателю, но и к конкретным лицам в связи с конкретными событиями. Так, в одной из афиш московский главнокомандующий по-отечески «бранил» некоторых горожан за недавние беспорядки в городе. «Вы знаете, что я знаю все, что в Москве делается; а что было вчера – не хорошо, и побранить есть за что: два немца пришли деньги менять, а народ их катать; один чуть ли не умер. Вздумали, что будто шпионы; а для этого допросить должно: это мое дело. А вы знаете, что я не спущу и своему брату – русскому. (...). Когда думаете, что шпион, ну, веди ко мне, а не бей и не делай нареkania русским...»²⁵ Помимо собственно популистских мотивов эти меры способствовали укреплению власти московского генерал-губернатора благодаря налаженному механизму выявления злоупотреблений и беспорядков.

Опять же, к своей «доступности всякому московскому обывателю» Ростопчин апеллировал, когда взялся за искоренение произвола, царившего в рядах московской полиции. «Я объявил полицейским офицерам, которых было 300 человек, что я ничего им не спущу даром и что они не должны надеяться скрыть от меня свои плутни, так как знают, что я говорю со всяким городским обывателем и что всякому открыт свободный доступ ко мне»²⁶ - писал в своих «Записках...» Ростопчин. Благодаря этому внушению и «крутым мерам», которые все-таки пришлось применить в отношении московской полиции²⁷, Ростопчину удалось поставить полицейский корпус под свой личный контроль. Следует признать, что во время войны московская полиция проявила себя наилучшим образом, исполняя многочисленные поручения главнокомандующего, часть которых имела для того времени чрезвычайное значение.

В летние месяцы 1812 г. в Москве действовала хорошо налаженная система полицейского надзора не только за общественным порядком, но и за

общественным мнением. 15 июля в Слободском дворце состоялось торжественное обращение Александра I к представителям московского дворянства и купечества. Исключительная важность момента вынудила Ростопчина принять особые меры для поддержания порядка во время встречи императора со своими подданными. Московский генерал-губернатор дал ясно понять обществу, что не потерпит даже малейшего нарушения спокойствия во время встречи с государем. Опасаясь того, что императору могут быть заданы вопросы, способные направить собрание в Слободском дворце в «непатриотическое» русло, Ростопчин обещал немедленно отправить всякого, кто «забудется в присутствии своего государя», в «весьма далекое путешествие». Для этого у дворца были демонстративно поставлены две повозки, запряженные почтовыми лошадьми, в сопровождении полицейских офицеров, одетых по-курьерски. «Если кто-то из любопытных осведомлялся: для кого назначены эти повозки? – они отвечали: «А для тех, кому прикажут ехать»²⁸. Этот эпизод из административной деятельности Ростопчина весьма примечателен, поскольку для начала XIX века образ почтовой повозки в сопровождении полицейских не потерял своей свежести.

Борьба с внутренней «крамолой» достигла летом 1812 г. небывалых размеров, став способом консолидации жителей древней столицы для отпора Наполеону. полицейские методы борьбы с оппозицией, а также попытки апелляции к широким слоям, присущие правлению Павла I, были характерны и для генерал-губернаторства Ростопчина.

Опыт немедленного и публичного наказания, введенный Павлом I²⁹, также был реализован в генерал-губернаторстве Ростопчина. Московский главнокомандующий считал возможным и даже необходимым, ради сохранения порядка и спокойствия в первопрестольной столице, применять к их нарушителям самые решительные и жесткие меры, о чем он неоднократно писал императору. Так, вскоре после падения Смоленска, Ростопчин сообщал Александру I о своих намерениях следующее: «Если войска будут еще терпеть поражение и если полиция затруднится сдерживать негодяев, проповедующих бунт, то я велю некоторых повесить»³⁰. Ростопчин считал, что в случае необходимости власть должна прибегать к крайним мерам, чтобы, «карая нескольких лиц, сдержать всех»³¹.

Во время войны подобные методы управления встречали сочувствие и поддержку у жителей Москвы, ибо популярность Ростопчина летом 1812 г. была по-настоящему огромной и не только в народной среде, но и высших слоях московского общества. Сама эпоха диктовала специфику восприятия современниками образа действий московского главнокомандующего. Народный характер войны и мощный патриотический подъем, захвативший все русское общество в 1812 г., способствовали тому, что многие неординарные и жесткие меры московского генерал-губернатора воспринимались обществом с пониманием и одобрением. Как заметил П.А. Вяземский, Ростопчин в ту

пору был человеком, соответствующим обстоятельствам³². (Однако, непродолжительное царствование Павла I протекало в принципиально иных условиях. Его попытки мобилизовать страну встречали в рядах элиты в лучшем случае непонимание, в худшем - резкую критику.) С окончанием Отечественной войны отношение к деятельности Ростопчина на посту московского главнокомандующего резко изменилось. Его стали критиковать и порой весьма сильно именно за те меры и действия, за которые еще совсем недавно превозносили. Как и в случае с императором Павлом, главным обвинением в адрес Ростопчина было обвинение в злоупотреблении властью.

Сравнение внешних атрибутов правления Павла I и московского генерал-губернатора позволяет сделать вывод о том, что в своей административной деятельности Ростопчин весьма часто копировал стиль правления Павла I. В то же время при сопоставлении стилей и механизмов реализации власти императором Павлом и московским главнокомандующим можно отметить наличие связи не только во внешних проявлениях, но и во внутреннем содержании двух административных опытов, отмеченных своеобразным радикализмом. Их взгляды и методы казались современникам опасными в силу своего «демократизма», апелляции к народу и демонстрации условности словесных перегородок. И Ростопчин, и Павел I, несколько опережая время и, следовательно, уровень развития русского консерватизма, нередко поднимали в своей деятельности вопрос об общенациональных интересах, лежащих во внесловесной плоскости.

В течение 1807 – 1808 гг. Ростопчин написал и опубликовал ряд сочинений, одно из которых - знаменитый памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце...» (1807 г.) – был назван А.А. Кизиветтером «манифестом шовинистического национализма». (См.: Кизиветтер А.А. 1812 г. Ф.В. Ростопчин. //Кизиветтер А.А. Исторические отклики. М. 1915. С. 84.)

² Условия военного времени и особый статус Москвы делали власть Ростопчина почти неограниченной.

³ См.: Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе //Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.

⁴ Речь идет, прежде всего, о переписке Ростопчина с Александром I. См.: Переписка императора Александра Павловича с гр. Ф.В. Ростопчиным 1812 – 1814 гг. //Русская старина. 1893. № 1; Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский архив. 1892. Кн. II;

⁵ В течение 1792 – 1793 гг. Ростопчин был частым участником эрмитажных досугов Екатерины II.

⁶ Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 95.

⁷ Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб, 1907. С. 168.

⁸ Записки Н.А. Саблукова //Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 29.

⁹ См.: Записки Я.И. де-Санглена //Русская старина. 1882. Декабрь. С. 496 - 497.

¹⁰ См.: Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине //Русский архив. 1877. № 5. С. 72.

¹¹ Там же.

¹² Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе //Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 253.

- ¹³ См.: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812-1814 гг. //Русская старина. 1893. Т. 77 № 1. С. 178.
- ¹⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 235.
- ¹⁵ Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 годе. С. 253.
- ¹⁶ Письма М.А. Волковой к В.И. Ланской //Русский архив. 1872. Стб. 2381.
- ¹⁷ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253 – 254.
- ¹⁸ Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича. (Из Записок А.Т. Болотова.) //Русский архив. 1864. 2-е изд. Стб. 674 – 675.
- ¹⁹ Штейнгель В.И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. I. /Текст подготовили Н.Ф. Зейфман и В.П. Шахеров. Иркутск, 1985. С. 98 – 99.
- ²⁰ Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908. С. 52.
- ²¹ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253.
- ²² См.: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812 - 1814 гг. С. 178.
- ²³ Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе. С. 253. См. также: Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812-1814 гг. С. 178. Это объявление впервые появилось в «Московских ведомостях» сразу после вступления Ростопчина в должность московского генерал-губернатора. (См.: Московские ведомости. 1812. № 45.) Затем оно неоднократно перепечатывалось в следующих номерах газеты. (См., к примеру, «Московские ведомости» за 1812 г., №№ 46, 47.)
- ²⁴ Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 299.
- ²⁵ Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 216.
- ²⁶ Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 годе. С. 261.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 269.
- ²⁹ Как известно, при Павле телесным наказаниям стали подвергать наравне с прочими и дворян.
- ³⁰ Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу. С. 521.
- ³¹ Там же. С. 446.
- ³² Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. С. 184.

Н.Н. Лупарева

«БОЖЕСТВО – ХРАНИТЕЛЬ»: ОБРАЗ ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.Н. ГЛИНКИ.

Первое десятилетие XIX века – один из самых тревожных периодов русской истории, время пробуждения национального самосознания. Фактором, спровоцировавшим данный процесс, явилось чувство глубокого национального унижения. Впервые за многие годы русская армия понесла сокрушительное поражение сначала под Аустерлицем, а затем под Фридландом. Для россиян, уже привыкших к мысли о непобедимости своего оружия, этот позор был сильным психологическим ударом. Последней каплей стало заключение 25 июня 1807 года Тильзитского мира, который фактически низво-

дил Россию до положения сателлита наполеоновской Франции. Оскорбленное чувство национальной гордости способствовало сплочению русского общества и небывалому патриотическому подъему. На этой волне, пожалуй, впервые за всю историю России всех образованных людей охватил жгучий интерес к своей стране: к ее традициям, культуре, но особенно к истории, с которой, как оказалось, россияне были абсолютно незнакомы. Теперь русское общество жаждало узнать свое прошлое, но оно хотело видеть его великим и славным, чтобы компенсировать пережитое унижение. Именно это желание, а вовсе не принцип «исторической достоверности», становится решающим при обращении к исторической тематике в самых разных сферах общественной жизни (литературе, драматургии, публицистике). Так, многие созданные в эти годы драматические произведения искажали различные эпизоды и события исторического прошлого. За это, например, немало критиковали трагедии В.А. Озерова «Дмитрий Донской», П.А. Плавильщикова «Ермак». Но публика принимала эти произведения с восторгом, так как видела в них параллели с современностью. Со своей интерпретацией отечественной истории выступил известный в свое время общественный деятель, поэт, прозаик, драматург и журналист – Сергей Николаевич Глинка.

Глинка родился в 1775 году, в небогатой дворянской семье, в Смоленской губернии. В возрасте шести лет он был зачислен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Санкт - Петербурге. Система образования в корпусе базировалась на идеях французского Просвещения; а его устав был фактически списан с «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо. Обучение осуществлялось совершенно на французский манер: большинство преподавателей были французами, кадеты знакомились с французской литературой, даже хоры в честь Екатерины II пелись не на русском, а на французском языке¹. Помимо этого, кадеты имели свободный доступ ко всем новейшим периодическим изданиям, так что могли с увлечением наблюдать за событиями, происходившими в революционной Франции². Сперва Глинка, как и большинство кадет, с восторгом встретил французскую революцию. Он даже перевел на русский язык «Марсельезу»³. Но по мере углубления революционного процесса, после ужасающих событий якобинского террора, когда оказались попранными все самые гуманные принципы идеологии Просвещения, отношение Глинки ко всему происходящему во Франции начинает меняться. В конце концов, он приходит к полному отрицанию революции, а соответственно и учения французских просветителей, которые, по мнению Глинки, и спровоцировали страшный социальный взрыв⁴. Не исключая возможности повторения подобного сценария в любой другой стране, где очевидны признаки кризиса старого режима, и замечая такие признаки в своем отечестве (прежде всего углубление социальных противоречий и дальнейшее разложение крепостной системы), Глинка пришел к выводу о необходимости изменения сложившейся ситуации и устранения наиболее глубоких язв социального организма России. С этой целью он кон-

струирует утопическую модель «государства – семьи», претворение которой в жизнь должно было бы оздоровить русское общество и государство в целом. Для подтверждения действенности своей модели Глинка обращается к авторитету российской истории, утверждая, что подобное устройство не новость для России, а уже существовало когда-то и обеспечивало процветание государства. К тому же, в условиях военной угрозы обращение к славному историческому прошлому должно было способствовать нарастанию патриотического духа. Свою историческую концепцию Глинка сформулировал на страницах журнала «Русский вестник» (в оригинале «Руской вестник»), который начал издавать в 1808 году. Позже в целостном виде он изложил ее в «Русской истории», выдержавшей три издания.

Глинка сознательно идеализировал русское прошлое, представляя его жилищем абсолютной гармонии и добродетели, лишенным всяких антагонизмов, несмотря на иерархическую структуру общества. По мнению Глинки, царившие в прошлых столетиях общественный мир и согласие базировались, во-первых, на осознании всем населением принципа высшего «христианского равенства», то есть равенства всех людей перед Создателем (поэтому разница социального положения их нисколько не смущала); во-вторых, на семейном характере всех общественных связей в государстве⁵. Соответственно, царь выступал не просто как глава государства, но как нежный, заботливый отец своих подданных, которые, в свою очередь, были его благодарными и преданными детьми. Такими же гуманными представлялись отношения помещиков и крестьян, генералов и солдат, и вообще все отношения начальства – подчинения. С точки зрения Глинки, такой миропорядок был установлен самим Богом. Поэтому общество наших предков было мудро и совершенно устроено: в нем каждый знал свое место и свое предназначение и с рвением исполнял свою «должность»⁶. Таким образом, это общество действовало как хорошо отлаженный механизм и обеспечивало процветание государства.

Такой порядок сохранялся в России на протяжении многих веков, благодаря тому, что русские люди придерживались своего рода программы действий. Она включала в себя, во-первых, «отечественное воспитание»⁷, одинаковое и для вельмож, и для крестьян. Потому оно являлось источником «единодушия и единомыслия»⁸ всего населения страны и прививало ему представление о служении Отечеству как высшей ценности. Принципиальное значение Глинка придавал участию в процессе обучения детей их родителей и исключительно отечественных наставников, так как только они могли передать молодому поколению исконно русские ценности и традиции их предков. Во-вторых, исполнение своей «должности», т.е. тех обязанностей, которые исходили из социального статуса человека, причем, чем выше был этот статус, тем шире круг обязанностей⁹. В-третьих, благотворение¹⁰, которое окончательно скрепляло общество в братский союз и поддерживало атмосферу семейного родства.

Однако гармоничность русского общества была нарушена проникновением в страну «губительного иноземного влияния». Оно принесло с собой «иностранные воспитание», «моды», «роскошь»¹¹, короче говоря, «наносные предубеждения». Представители привилегированных сословий, ослепленные внешним лоском Запада и «мнимой» прогрессивностью западных идей, окружили себя всем иностранным. В результате бывшее единство русского общества оказалось разорвано; между дворянством и остальными сословиями возникла духовная и культурная разобщенность, которая проявила себя, прежде всего, в ужесточении крепостнической системы.

Глинка был убежден, что углубление образовавшегося социального разрыва в конце концов закончится страшными общественными потрясениями. В качестве назидательного примера он, как правило, приводил трагические события Французской революции, непосредственной причиной и катализатором которой, с его точки зрения, была идеология Просвещения. Поэтому её широкое распространение в России чрезвычайно настораживало Глинку. Единственное спасение он видел в возвращении к утерянному идеалу, в возрождении праотческой нравственности, ценностей и образа жизни¹². Соответственно свою задачу издатель «Русского вестника» видел в том, чтобы предоставить читателю некий нравственный ориентир, зеркально отражающий его концепцию; пример, которому русское общество не просто должно было, но и хотело бы подражать. Поэтому в качестве «наставника» Глинке требовалось представить такого человека, который, во-первых, занимал бы как можно более высокое социальное положение. С этой точки зрения лучше всего подходила кандидатура кого-либо из русских царей, так как именно государь, являясь «отцом» всего народа, должен подавать пример добродетельного поведения своим «детям»-подданным¹³, которые, видя усердие монарха на его многотрудном поприще, должны вдохновенно выполнять свои не столь ответственные «должности». Во-вторых, этот человек должен был являться непререкаемым авторитетом для всего народа и особенно для дворянства, на которое программа Глинки была ориентирована в первую очередь. Сочетание этих качеств издатель «Русского вестника» обнаружил в фигуре Петра I¹⁴. Однако решающей причиной подобного выбора стало то, что лишь в Петре автор нашел такое ценное качество, как абсолютное отсутствие социальных предубеждений, способность восторжествовать «над предрассудком, будто бы властителям народов стыдно и унижительно быть людьми»¹⁵. Издатель постоянно акцентирует внимание на том, что император – обыкновенный человек, такой же, как и все, гражданин своего Отечества, со своими обязанностями, выполняя которые, он не боится «оставить престол и окружавшее его великолепие», снизойти до положения простого плотника и «странствовать по свету единственно для пользы своих подданных»¹⁶. Подобная интерпретация Петра как нельзя лучше соответствовала принципу высшего «христианского равенства». Причем сам государь, осознавая равен-

ство всех людей перед Всевышним, умеет не только повелевать, но и повиноваться, когда этого требуют установленные Богом нормы общественной жизни и нужды государства. Так, в семье Петр – «нежный, признательный и *покорный* сын», во всем следующий наставлениям своей матери, и почтительный брат, даже после добровольного отречения Иоанна продолжающий называть его «отцом и государем», советоваться с ним и издавать указы на общее имя¹⁷. А на «службе» монарха он такой же простой работник, как и все его соотечественники, с тем только отличием, что последние трудятся на какой-то одной стезе, а Петр должен вникать во все вопросы государственной жизни. С этой целью он становится то простым подмастерьем, то рядовым воином, этот список у Глинки пространен, но главное, что Петр всегда преследует две цели: использовать приобретенный опыт в интересах своей страны и показать соотечественникам, что «никакой труд, никакая работа не унижает человека, и что постыдно только то, что вредит обществу»¹⁸.

Ответ на вопрос о происхождении столь высоконравственных и справедливых убеждений Петра не должен вызывать у читателей Глинки никаких сомнений: их источник – «отечественное воспитание». Будущий *русский* царь, как утверждает издатель, получил «истинное *русское* воспитание», идущее со времен Владимира Мономаха и основанное на любви к Богу, к ближнему и к Отечеству¹⁹. В строгом соответствии с концепцией автора, воспитанием Петра занималась его мать – царица Наталья Кирилловна, являвшая сыну лучший пример добродетели и приобщавшая его к «деятельному благотворению». В подтверждение этого тезиса Глинка с воодушевлением рассказывает читателям о том, как Наталья Кирилловна обходила со своим подрастающим сыном все святые места, пытаясь привить ему глубокое религиозное чувство²⁰; о том, как она всю жизнь помогала нуждающимся, и Петр, подражая примеру матери, собственноручно изготавливал дорогостоящие вещи, продавал их и раздавал полученные деньги в тюрьмы, больницы и беднякам²¹. Взойдя на престол, Петр получил возможность распространить свою благотворительную деятельность на все население страны. Вообще, Глинка при всяком удобном случае подчеркивает его доброту, милосердие и сострадательность по отношению к подданным. Таким образом, благодаря примеру своей матери, Петр сформировался как высоконравственная, гуманная личность и усвоил бесценный нравственный опыт предков. Обучением Петра конкретным наукам занимался «отечественный наставник» – Никита Зотов, которого Глинка представляет выдающимся педагогом, не боясь сравнивать его с Руссо, Кондильяком и Локком. В чью пользу оказываются результаты этого сравнения, можно даже не сомневаться!²² Именно Зотов сообщал своему ученику о новейших иностранных достижениях во всех сферах государственного устройства, в области военного дела, науки и техники. Очевидно, что полученное юным Петром образование представляло собой удачный синтез (с точки зрения Глинки, идеальный) выборочной информации о дейст-

вительно полезных изобретениях зарубежных, прежде всего, западноевропейских стран и исконно русских традиций служения ближним и Отечеству. Поэтому Петр немедленно стремился воплотить все приобретенные знания в конкретные действия. Именно так появились потешные полки и знаменитый ботик²³. Таким образом, неукоснительная реализация всех принципов «отечественного воспитания» подготовила Петра к образцовому исполнению «должности» монарха, который «забывая личность свою, нигде не забывал подданных»²⁴, «жил Отечеством и для Отечества»²⁵.

Изображаемый Глинкой Петр-государь напоминает сверхчеловека: он не упускает из вида ни одной детали государственного механизма, даже самой незначительной; держит в своих руках все рычаги управления этим механизмом. Соответственно, «Великий трудолюбец» постоянно должен выполнять несколько разных дел одновременно, например, совмещать разрешение важнейших внешнеполитических задач и контроль за внутренним состоянием страны. Но именно благодаря этой способности Петр Великий вошел в историю как «Преобразователь» России. Среди особых его добродетелей и достижений как государственного деятеля Глинка выделял, во-первых, внимательность к крестьянам, заботу об их благосостоянии. Правда, он никогда не представлял конкретных доказательств такой заботы, а ограничивался восклицаниями типа: «Ни в какое время не забывал Он хижин поселян, пашен и трудов их»²⁶. Зато, следуя своим умозрительным построениям, Глинка рисовал перед читателями идиллические картины, в которых великий монарх посещал крестьянские хижины, сидел за одним столом с их жителями и угощался пищей простого народа²⁷. Именно в таких сюжетах Петр воплощал базовые образы модели Глинки: он изображался как добрый, любящий отец, как человек, не признающий социальных барьеров. Что же касается реального тяжелого положения крестьянского населения в петровский период, то о нем Глинка упоминает лишь однажды и, конечно, не винит царя, и даже помещиков. Ответственность за все народные бедствия он возлагает на корыстолюбивых, забывших свой долг чиновников, со злоупотреблениями которых Петр I якобы постоянно боролся²⁸.

Второе достижение Петра I состояло в том, что он уничтожил последние остатки местничества и выдвинул на первый план принцип личных достоинств и заслуг человека (а это еще один краеугольный принцип концепции государства-семьи). Таким образом, при сохранении иерархической структуры общества, без которой, по мнению Глинки, государство обязательно погрязнет в произволе и анархии, значительно повышался уровень социальной мобильности: теперь любой россиянин, обладающий выдающимися талантами в какой-либо сфере, мог занять в ней высокую должность, вне зависимости от своего происхождения. Это продемонстрировали судьбы Меншикова, Шафирова и других сподвижников Петра, но особенно поучителен, с точки

зрения Глинки, опыт самого государя, прошедшего через все ступени воинской службы²⁹.

Третья заслуга Петра I – создание регулярной армии и военноморского флота. Все похвалы, высказанные Глинкой в адрес своего героя по этому поводу, трудно и перечислить. Главное, что от этих мероприятий цепочкой потянулся целый ряд других преобразований. Особое значение Глинка придавал становлению «отечественной промышленности», которую Петр называл «душой Государства»³⁰, «первым источником благоденствия общественного»³¹. И здесь русский царь принимает самое непосредственное участие: он лично обучает ремесленников тому опыту, который приобрел в Европе³², вникает во все вопросы, начиная от выбора подходящего сырья и заканчивая проблемой рабочей силы. Глинка утверждает, что для работы на вновь создававшихся фабриках и мануфактурах Петр привлекал «праздношатающуюся нищету» и, таким образом, «малолетним преграждал путь к разврату», а «взрослым доставлял труд и пропитание»³³. То есть мудрый «Государственный Хозяин», наряду с экономическими, разрешал проблемы социально-нравственного характера. В своей оценке значения петровских мероприятий в области промышленности Глинка вполне традиционен: они дали новый импульс дальнейшему динамичному развитию России, благодаря расширению внутреннего и внешнего рынка страны и стимулированию распространения просвещения³⁴. Таким образом, Глинка настаивает на том, что деятельность Петра Великого усовершенствовала все сферы государственного устройства. Исключение составил лишь законодательный базис империи, который, с точки зрения автора, Петру помешала достроить его неожиданная кончина; а потому, в том нет его вины³⁵.

Нетрудно заметить, что, восхваляя реформаторскую деятельность Петра Великого, Глинка вступает в противоречие с собственными убеждениями. Ведь для него все недостатки и беды современной ему России есть прямое следствие «растляющего» иностранного влияния. Оно, как известно, вторглось в Россию во время и в связи с петровскими преобразованиями. И для нас понятие «европеизация» России и «реформы Петра Великого» неотделимы друг от друга. Именно Петр Великий был первым русским царем, выехавшим за пределы своего государства и посетившим все ведущие западноевропейские страны; именно он не только отправлял отпрысков самых родовитых семей для учебы за границей, но и приглашал для работы в России европейских ученых, художников, мастеров и других специалистов; он учредил в своей стране ассамблеи, вместе с которыми в жизнь русской знати вторглись европейские наряды, манеры поведения, и вообще образ жизни.

Тем не менее, Глинка во всем оправдывает Петра I. Его объяснения звучат довольно наивно и не вполне убедительно, но полностью отвечают системе ценностей автора. Прежде всего, почти во всех статьях, где так или иначе затрагивается тема петровских преобразований, Глинка отстаивает

право Петра, как и любого другого человека, на ошибку³⁶. Стараясь благоустроить Россию с помощью полезных западных нововведений, Петр, по убеждению Глинки, не видел в своей деятельности решительно никакой угрозы. И это должно полностью оправдывать монарха в глазах его потомков. Глинка доказывает невиновность Петра I, отталкиваясь от тезиса, что все его преобразования были направлены вовсе не на то, чтобы «исторгнуть Россию из России; но чтобы укрепить и вознести её в ней самой»³⁷. Так, приглашая в свое Отечество иностранных мастеров и ремесленников, Петр желал лишь того, чтобы они обучили своему искусству его подданных. Он искренне верил, что трудолюбивые и ревностные к общему благу русские люди скоро превзойдут успехи европейцев, следовательно нужда в их услугах исчезнет³⁸. То же самое можно сказать и об иностранных преподавателях: они должны были играть руководящую роль лишь на начальной стадии развития российской науки. Конечной же целью Петра была подготовка «природных наставников», которые бы осуществляли «отечественное воспитание», и, тем самым, сохраняли и передавали молодым поколениям ценности их предков³⁹. Пожалуй, наибольшие трудности у Глинки вызывает необходимость оправдания введения ассамблей. То он утверждает, что таким образом Петр хотел приучить россиян к светской жизни, не поясняя преследуемой им цели; то говорит, что это была попытка проучить французов, считавших жителей России «медведями» и «неуклюжими увальнями»; то – это мера, направленная на сближение «спесивых бар»; а то и просто «комедия»⁴⁰. Даже в тоне Глинки, обычно помпезном, при обращении к этому сюжету явно заметны нотки неуверенности. Гораздо смелее звучит заявление автора о том, что Петр I имел полное моральное право надеяться на благоразумие и духовную стойкость своих соотечественников, так как сам якобы являл им пример высоконравственного поведения. В подтверждение Глинка приводит множество патетических тирад самого Петра (сочиненных, конечно же, автором) вроде следующей: «Пусть Русские смотрят не на длинный мой парик и не на французский кафтан. Пусть смотрят они на то, что я делаю ... мне в тот день не всласть и кусок хлеба, когда не поработаю и не потружусь для Отечества ... Я желаю, чтобы и новая Россия жила работою и трудом»⁴¹. Таким образом, Глинка снимает с Петра Великого всякую нравственную ответственность за издержки европеизации русского общества. Для большей убедительности он наделяет *русского* монарха всеми истинно *русскими* добродетелями: скромностью, умеренностью, трудолюбием, бесстрашием и т.д.⁴² Но особый акцент делается на ревностном Богопочитании Петра и его уважении и приобщенности к прошлому своей страны, к «праотеческой нравственности». Зная, что «ни природа, ни общество не могут существовать без воли и *разумения Всемогущаго*», что «Бог движет и учреждает вселенную»⁴³, Петр за все свои достижения и победы благодарил Всевышнего⁴⁴. Петр сам жил согласно уставам христианской веры и наставлял в вероучении своих подданных, особенно в тяжелые, ре-

шающие для страны моменты. Характерный пример – Полтавская битва, в ходе которой свои военные распоряжения Петр сопровождал «животворительными внушениями веры», приказал окроплять святой водой идущих в бой воинов и воодушевлял их словами: «Верующим все возможно»⁴⁵. Преклонение царя перед славной историей своей Родины, перед нравственностью и духовностью своих предков Глинка доказывает благоговейным отношением Петра к выдающимся историческим деятелям России (знаменательно, что Петр якобы первым назвал Минина «великим гражданином земли Русской»⁴⁶); вниманием к «вековой опытности» русского народа, заключенной, например, в пословицах⁴⁷, которые Петр довольно часто цитирует. Таким образом, созданный Глинкой образ Петра I укоренен в традиции.

Самым значительным в концептуальном плане сюжетом для Глинки является посещение Петром I Парижа. Знаменателен уже тот факт, что пребывание Петра в других крупнейших городах Европы не вызывает такого пристального внимания. Визиту же в Париж посвящена и отдельная статья в Русском вестнике и значительное место в «Русской истории». Это можно объяснить следующим образом. Париж – цитадель просветительской идеологии, которую Глинка характеризовал как «лжеумствование французских злоумышленников» (т.е. просветителей)⁴⁸, это место, где началось одно из самых страшных и трагических событий в истории человечества – Французская революция. Этот город – источник «иноплеменной заразы», «мод», «роскоши» и «страстей». Т.е. для Глинки столица Франции – это родина и источник всего того, с чем он не мог примириться и против чего вел ожесточенную борьбу. Поэтому он считал необходимым показать, что Петр сохранял праотеческие добродетели, мудрость и проницательность даже в этом «гнезде разврата», которым Париж являлся уже в начале XVIII века. С этой целью Глинка красочно описывает, как среди блеска и пышности Парижа русский государь сохранял присущую ему простоту, которая проявлялась и в его одежде, и в его поступках; как своим проницательным взглядом он отметил «ропот» и «беспокойствие» парижан, «легкомыслие, суетность и праздность» их жизни, увидев в них ростки будущей революции⁴⁹. Попутно автор отмечает, что Петр прилагал все усилия, чтобы не допустить подобной ситуации в своей стране. Например, он издал «Устав благочиния», в котором запрещались «все сборища, способствующие своеволию и буйству»⁵⁰.

Думается, что сама попытка оправдать негативные последствия петровских реформ свидетельствует о том, что Глинка прекрасно осознавал все их несовершенные стороны. Ведь никому не придет в голову оправдывать человека, не заподозренного в каких-либо преступлениях. Можно было бы подумать, что он опровергал критические замечания в адрес национальной иконы со стороны других авторов. Но, хотя таковые и существовали (например, нелицеприятные отзывы о Петре I Н.М. Карамзина и А.С. Стурдзы), в первой четверти XIX в. они еще не выносились на публичное обсуждение, как это

стало возможным в пору дискуссий западников и славянофилов. В пользу этого мнения говорит и неопубликованная книга С.Н. Глинки «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества», в которой автор сыплет безжалостными обличениями в адрес Петра I. Глинка указывает на множество непростительных последствий петровской «революции». Например, он утверждает, что именно при Петре крепостное право приняло свою наиболее жестокую форму, при которой крестьяне стали фактически одним из предметов собственности помещика⁵¹. Но, с точки зрения автора, это лишь частное проявление самой опасной для России ошибки «Великого Преобразователя». Главное обвинение Глинки в адрес Петра I заключается в том, что «вырвав с корнем старинный быт земли русской», он не предложил взамен ничего лучшего⁵². Уничтожив складывавшиеся веками, органически присущие русскому народу нормы общественной жизни, Петр во всем ориентировался на западные образцы, не укорененные в сознании русского человека. Признавая все традиционно считающиеся неоспоримыми заслуги первого российского императора, Глинка, тем не менее, относил их к преобразованиям лишь внешней стороны государственной жизни. В то же время Петр I не создал самого главного – фундамента государства, без которого любое государственное здание рано или поздно может рухнуть, а именно – тщательно проработанного законодательства. По убеждению Глинки, император и не мог преуспеть в этом деле, ибо пытался «в одно время созидать мир законодательный и мир внешний»⁵³. Как мы видели, на страницах «Русского вестника», «Русской истории» и «Русского чтения» подобное стремление Петра I вызывало лишь восхищение и похвалы автора. И если в вышеупомянутых изданиях, особенно в «Русском чтении», Глинка изображал Петра Великого мудрым законодателем, осознававшим, что «хранение прав гражданских утверждает государства»⁵⁴, и не завершившим построение законодательного базиса своего отечества лишь по причине преждевременной кончины⁵⁵; то в данной книге автор открыто обвиняет императора в пренебрежении к этому важнейшему вопросу. Говоря о петровской эпохе, Глинка с горечью констатирует: «Все было маскарадом и быстрой перестановкой театральных декораций»⁵⁶. По-видимому, также автор оценивает и общий итог всех петровских преобразований: Петр I соорудил некую бутафорию, лишь форму без содержания, то есть нежизнеспособную конструкцию, для реанимирования которой Глинка и создал свою утопическую концепцию.

Таким образом, подлинный взгляд С.Н. Глинки на фигуру Петра I прямо противоположен тому идеализированному образу, который был создан в рамках его концепции и который автор продолжал пропагандировать до конца жизни. Так, в середине 40-х годов XIX века, когда славянофильская критика петровских реформ получила огласку среди широкой общественности, Глинка формулирует наиболее удачный с точки зрения его мировоззренческой позиции подход к петровской «революции». В нем отразилась такая

сущностная черта миропонимания Глинки, как провиденциализм. В истории своей страны он видел два судьбоносных момента, когда перед Россией вставал вопрос: быть или не быть государству. Это два «двенадцатых года», то есть 1612 и 1812. Эти даты для Глинки имели мистическое значение. Петр родился как раз в середине исторической эпохи, соединяющей эти события. Зная о кошмарах «первого двенадцатого года», он будто предчувствовал их повторение, а потому создал все то, что уберегло страну от гибели во «второй двенадцатый год», то есть армию, обученную европейскому воинскому искусству, необходимые для ее функционирования промышленные отрасли и инфраструктуру; к тому же он впервые «одушевил дух народа» обращением к славному подвигу россиян в период Смуты⁵⁷. То есть, с точки зрения Глинки, Петр I – орудие Провидения, а, следовательно, все его преобразования освящены Божественной волей и потому не подлежат обсуждению, а тем более осуждению.

Таким образом, изображенный С.Н. Глинкой портрет Петра I полностью соответствовал сконструированной им модели идеального государя в государстве-семье. Он создал образ «Божества-хранителя»⁵⁸, своего рода светского святого, который подобно мифологическим героям наделяет народ жизненно важными знаниями, который охраняет и внутреннее, и внешнее благосостояние своей страны и, наконец, оберегает духовное наследие предков. Черты этого образа стали едва ли не архетипами для массового сознания, поскольку все основные черты образа Петра, сконструированные Глинкой, до сих пор бытуют на уровне школьной литературы и произведений искусства. Это тем более важно подчеркнуть, что сам Глинка не был профессиональным историком, а, скорее, пропагандистом и трибуном зарождавшегося русского национализма, обладавшим талантом драматурга и журналиста. «Сконструированный» Глинкой Петр резко контрастировал с аналогичным образом императора, созданным в те же годы Н.М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России» и имеющим достаточно ярко выраженные негативные черты, в дальнейшем более рельефно обрисованные в славянофильской публицистике.

Позитивная трактовка образа Петра сближала Глинку с идеологами официальной народности, в частности М.П. Погодиным, соответственно рассмотрение С.Н. Глинки как предтечи славянофильства было бы неправомерно. Его Петр создан в рамках националистического дискурса – это не «убийца», а «хранитель» всего национального. Так или иначе, очевидно, что С.Н. Глинка, третьеразрядный писатель и драматург, дилетант-историк оказался одним из тех удачливых идеологов и пропагандистов, которым удалось сконструировать образ волевого и мудрого отца нации, который известен и популярен и в наши дни и по сей день востребован.

- Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 80.
- ² Там же. С. 95.
- ³ Там же. С. 140.
- ⁴ Русский вестник. 1812. № 5. С. 24-25.
- ⁵ Там же. 1812. № 6. С. 77-90.
- ⁶ Там же. 1808. № 6. С. 285.
- ⁷ Там же. 1808. № 6. С. 288; 1811. № 7. С. 125.
- ⁸ Там же. 1812. № 4. С. 30.
- ⁹ Там же. 1809. № 2. С. 215.
- ¹⁰ Там же. 1810. № 6. С. 45.
- ¹¹ Там же. 1808. № 9. С. 331-360.
- ¹² Там же. 1811. № 7. С. 134-135.
- ¹³ Там же. 1812. № 6. С. 53.
- ¹⁴ О месте фигуры первого российского императора в концепции Глинки можно судить хотя бы по тому, что первый номер «Русского вестника» открывался статьей «Петр Великий» (Русский вестник. 1808. № 1. С. 11-22), где в тезисной форме обозначены все заслуги «бессмертного Монарха». Количество материалов о Петре в журнале заметно увеличивается вплоть до 1812 г. После победы России в войне издатель теряет интерес к Петру I, так как на страницах его журнала появляются новые герои – Кутузов, Платов, Раевский и др. С 1816 г. Глинка приступает к написанию «Русской истории», где повторяет уже созданный образ императора.
- ¹⁵ Русский вестник. 1808. № 3. С. 303-304.
- ¹⁶ Там же. 1808. № 6. С. 347-348.
- ¹⁷ Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою (далее – Русская история). Ч. 7. М., 1819. С. 18.
- ¹⁸ Там же. С. 15.
- ¹⁹ Русский вестник. 1808. № 3. С. 294-295; Глинка С.Н. Русская история. Ч. 6. М., 1818. С. 156.
- ²⁰ Русский вестник. 1808. № 12. С. 281.
- ²¹ Там же. 1809. № 3. С. 482-483.
- ²² Там же. 1808. № 9. С. 299-330.
- ²³ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 6. С. 129; Ч. 7. С. 10-12.
- ²⁴ Там же. Ч. 7. С. 124.
- ²⁵ Русский вестник. 1810. № 4. С. 98.
- ²⁶ Там же. 1810. № 11. С. 65.
- ²⁷ См. например: Там же. С. 65-66.
- ²⁸ Глинка С.Н. Русская история. Ч.7. С. 151-152.
- ²⁹ Там же. Ч. 6. С. 156; Ч. 7. С. 15, 44, 102, 144-146; Русский вестник. 1808. № 6. С. 15.
- ³⁰ Русский вестник. 1810. № 4. С. 107.
- ³¹ Там же. 1808. № 3. С. 302.
- ³² Там же. 1809. № 3. С. 483.
- ³³ Там же. 1808. № 3. С. 305-306.
- ³⁴ Глинка С.Н. Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии, июля 11 дня 1827 года, почетным членом состоящего при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. М., 1827. С. 16.
- ³⁵ Его же. Русское чтение. Вып. I. СПб., 1845. С. 5-29.

- ³⁶ Русский вестник. 1808. № 1. С. 20-21; Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа. М., 1809. С. 17; Русский вестник. 1810. № 4. С. 106; Глинка С. Н. Русская история. Ч. 7. С. 114; и др.
- ³⁷ Русский вестник. 1810. № 4. С. 108.
- ³⁸ Там же. 1808. № 3. С. 307; 1810. № 4. С. 100-101.
- ³⁹ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 7. С. 203.
- ⁴⁰ Его же. Зеркало нового Парижа. М., 1809. С. 17; Его же. Русское чтение. Вып. I. С. 44.
- ⁴¹ Глинка С.Н. Русское чтение. Вып. I. С. 43.
- ⁴² Тот же перечень качеств Глинка представляет при описании «добродетелей времен Богатырских» (Русский вестник. 1808. № 6. С. 325-340).
- ⁴³ Русский вестник. 1811. №4. С. 17.
- ⁴⁴ Там же. 1811. №3. С. 44; Глинка С.Н. Русская история. Ч. 7. С. 42, 95, 101.
- ⁴⁵ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 7. С. 90.
- ⁴⁶ Его же. Русское чтение. Вып. I. С. 30.
- ⁴⁷ Русский вестник. 1808. № 1. С. 17-18; 1811. № 11. С. 74.
- ⁴⁸ Там же. 1812. №6. С. 93-103.
- ⁴⁹ Глинка С.Н. Зеркало нового Парижа. С. 16; Его же. Русская история. Ч. 7. С. 161-162.
- ⁵⁰ Его же. Русская история. Ч. 7. С. 200.
- ⁵¹ ОР РНБ.Ф.119.Глинка С.Н. Ед.хр. 18. Л. 55. Благодарю за предоставление соответствующего архивного материала своего научного руководителя А.Ю. Минакова.
- ⁵² Там же. Л. 52.
- ⁵³ Там же. Об. 59.
- ⁵⁴ Глинка С.Н. Русское чтение. Вып. I. С. 31.
- ⁵⁵ Там же. С. 55-56.
- ⁵⁶ ОР РНБ.Ф.119.Глинка С.Н. Ед.хр. 18. Об. 57.
- ⁵⁷ Глинка С.Н. Русское чтение. Вып. I. С. 29-31.
- ⁵⁸ Русский вестник. 1808. №3. С. 303.

С.В. Беседина

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДВИЖЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

Конец XIX – начало XX вв. – время изменений в аграрном строе России, связанных с развитием капиталистических отношений. Положение 1881 года о переводе крестьян на обязательный выкуп, развитие капитализма, а так же аграрные реформы начала XX века послужили толчком к изменению характера землевладения и землепользования. Анализ происходящих эволюций в крестьянских и частновладельческих хозяйствах позволяет выяснить глубину процесса и выявить его специфику; определить тенденции развития капиталистических отношений в аграрном секторе.

Вопросы о положении крестьян и состоянии сельского хозяйства привлекали к себе внимание исследователей как тогда, так и сейчас. В частности, этот вопрос неоднократно поднимался А.М. Анфимовым, И.Д. Ковальченко, С.М. Дубровским, П.Н. Першиным, Б.Г. Литваком и др. Исследования, в основном, проводились на уровне губерний, хотя сами исследователи отмечают необходимость изучения этих вопросов в масштабе уездов. В данной работе предпринимается попытка выявить основные тенденции в показателях землевладения в Воронежской губернии на рубеже XIX – XX веков.

Рассматриваемый период изобилует различными статистическими источниками. В первую очередь это данные, собираемые ЦСК Министерства внутренних дел, Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, а так же земскими статистиками. При написании данной работы работы использовались данные «Памятных книжек по Воронежской губернии» за 1891-1916 года, «Сельскохозяйственные обзоры» за 1890-1914 года, материалы переписей 1877, 1887, 1905 годов, отчеты губернских земств, «Статистику землевладения», а так же ряд других материалов. По Воронежской губернии большое количество статистических данных, позволяющих детально изучить положение сельского хозяйства, было собрано Ф.А. Щербиной. В связи с большим количеством источников возникает вопрос об их достоверности. Актуальность этого вопроса отмечается историками еще в начале XX века, в связи с этим была исследована корреляционная взаимосвязь динамики урожайности отдельных культур по 50 губерниям Европейской России, по данным из различных источников. По Воронежской губернии коэффициент корреляции близок к единице, что позволяет говорить о достаточно высокой степени их достоверности.

Рассмотрим теперь вопрос о том, кому принадлежала земля, и как происходила мобилизация земельной собственности.

По принадлежности земли принято выделять следующие типы землевладения:

- надельное,
- частновладельческое,
- государственное,
- удельное,
- церковное и др.

Причем соотношение этих типов землевладения в различных районах Европейской России было весьма различным.

В большинстве районов центральной России преобладающей формой землевладения было надельное и частновладельческое, об этих двух категориях и пойдет речь в дальнейшем. По данным, опубликованным в «Статистике землевладения 1905 года», в Днепровско-Донском районе, к которому принадлежала Воронежская губерния, надельные земли составляли 57,7% от общей площади, частновладельческие 37,1%, остальные (государственные,

удельные, церковные и прочие) – 5,2%. Данные, которые дают нам переписи 1877, 1887, 1905 годов показывают, что Воронежская губерния не была исключением. В среднем наделные земли составляли 66%, частновладельческие – 28%. Более детальная информация о количестве земли, принадлежащей различным категориям землевладельцев, приведена в таблице.

Таблица 1¹

Земли, находившиеся в с/х пользовании в Воронежской губернии по типам землевладения по данным переписей 1877, 1887, 1905 годов.

год	1877	процент от общей площади	1887	процент от общей площади	1905	процент от общей площади
землевладение						
Частновладельческие земли	1648240	29%	1553197	28%	1573172	28%
Наделные земли	3761925	67%	3672365	67%	3746442	67%
Казна, удельные и др.			220203	4%	283298	5%

сначала мы рассмотрим самую распространенную форму землевладения – наделную. Этот тип землевладения являлся основой крестьянских хозяйств. В Воронежской губернии наделное землевладение составляло 90,9% от общей площади владений крестьян². Следует заметить, что его площадь из года в год почти не изменялась.

Характерной чертой крестьянского землевладения была дробность участков, чересполосность земли с владельцами разных категорий – помещиками, казной, уделами, дальность участков и «длинноземелье». У бывших государственных крестьян пореформенное поземельное устройство закрепило сложившееся задолго до реформы лоскутность землевладения. У бывших удельных она была усилена за счет присвоения уделами участков с бывшими крестьянскими общественными запашками. Но особенно усилена была дробность владений бывших помещичьих крестьян за счет преднамеренной нарезки чересполосных участков, отвода худших и отрезания лучших крестьянских земель. При этом следует различать два вида дробности земель: один вид – как следствие распределения наделной земли между самими крестьянами и другой вид – как результат отмежевания наделной земли помещиками, казной и уделами. Чересполосность была характерна и для удельных крестьян, причем уделы наделяли своих крестьян едва ли не хуже, чем помещики своих. Участки наделов крестьян очень часто были разбросаны по территории, оставшейся за уделом, мелкими вкраплениями, причем участки, которые до реформы отводились под общественные запашки (а это, как правило, лучшие земли) удельные ведомства, как правило, оставляли за собой³.

Главным районом чересполосицы исследователи называют черноземный центр, в частности Воронежскую губернию.

Землепользование на наделных землях в соответствии с принадлежностью земли разделяется на две категории: общинное и подворное. Общин-

ное землевладение встречалось не только на крестьянских землях, но и на купчих и арендованных. Встречались общины, где земли не перераспределялись с реформы 1861 года. Такие общины чаще всего были расположены в нечерноземной полосе, где земля требовала обязательного удобрения, систематическое внесение которого возможно только при условии, что земля находится в одних руках. Община оказывала отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства. Прежде всего, это связано с тем, что хозяева не стремились вкладывать деньги в землю, которая при следующем переделе могла «уйти» к другому хозяину. В ожидании передела крестьяне заранее перестают удобрять свои участки. В это время шло истощение почвы: хозяева стремились получить максимум прибыли при минимуме затрат. Кроме этого, общинное землевладение вело к подавлению индивидуализации. Все работы совершались одновременно, сеялись одинаковые культуры. «... Крестьянин не может поднять пар и скосить луга своевременно, а приступает к этим работам, когда решит общество...⁴». Общинное землевладение препятствовало выделению самостоятельных крестьянских хозяйств.

Рассматриваемый период характеризуется изменением землеустройства и, прежде всего, постепенной ликвидацией общинного землевладения. Отмечается стремление к индивидуализации. В частности по Воронежской губернии в Богучарском, Нижнедевицком, Воронежском, Коротоякском, Бобровском уездах 2/3 дворов подали ходатайство о выделении из общины, в остальных уездах – 1/3, и то при условии передела земли⁵. Выдавались ссуды и безвозвратные пособия для становления хозяйств.

Второй по величине была частновладельческая форма землевладения. Причем владения, принадлежащие крестьянам, здесь составляли лишь небольшую долю. Хотя если сравнивать данные переписей 1877 и 1905 годов, то видно, что частное крестьянское землевладение по Европейской России увеличилось с 5787570 до 13214025 десятин. Количество земли, находящейся во владении у помещиков, наоборот, сократилось на 19907781 десятин (в 1877 году – 73076789 дес., в 1905 году – 55169008 дес.)⁶. Росло купеческое и мещанское землевладение.

При рассмотрении вопроса о движении земельной собственности важно выяснить, как происходило перераспределение земли, и какие причины толкали одни сословия продавать землю, а другие ее покупать.

Отметим, что о мобилизации земли имеет смысл говорить только начиная с 1861 года, до этого все перераспределения земли происходили внутри дворянского сословия.

Периодические обследования начинаются с 70-х годов XIX века. И, прежде всего, как уже отмечалось выше, это всероссийские переписи земельной собственности 1877, 1887, 1905 годов, на основании которых было написано большое количество самостоятельных исследований. Опираясь в

основном на эти источники, мы и будем рассматривать вопрос о движении земельной собственности.

Выделяют два типа мобилизации:

- собственная (купля-продажа),
- безземельная (наследование, дарение и т.д.).

Нас, прежде всего, будет интересовать собственная мобилизация, так как при наследовании земля редко переходила из одного сословия в другое.

Прежде чем переходить к мобилизации земли в Воронежской губернии рассмотрим, каким образом она происходила в целом на территории Европейской России.

Как отмечают исследователи, и как уже отмечалось выше, идет постепенный переход земли от одних сословий к другим. В целом за период с 1861 по 1908 год площадь крестьянского землевладения увеличилась в 3,2 раза⁷. Причем в среднем за 35 лет основные продажи земли приходятся на долю помещиков. Более детальная информация дана в нижеприведенной таблице:

Таблица 2⁸

Данные о покупке и продаже земли по различным типам сословий в среднем за период -1908 .

Группы владельцев	Покупки	Продажи
Дворяне	39,5%	65,5%
Крестьяне	21,3%	7,8%
Другие	38,9%	22,7%

Несмотря на высокий процент продаж земли у помещиков, наибольший процент покупок так же приходится на их долю.

Быстро растут площади купленных крестьянами земель: 1880 – 6818 тыс. дес., 1900 – 19895 тыс. дес. т.е. почти в 3 раза. Покупали крестьяне, прежде всего пашню. Ее площадь за указанный период возросла с 3785 до 14088 тыс. дес. т.е. в 3,7 раза. К 1905 году площадь купчих земель возросла до 24591,5 тыс. дес⁹.

По Воронежской губернии при содействии Крестьянского поземельного банка товариществами было куплено 560000 дес, крестьянскими обществами 17000 дес¹⁰.

На рубеже XIX-XX-х веков наблюдается перераспределение земли. Помещики стремятся избавиться от земельной собственности (за период с 1893 по 1897 год убыль дворянского землевладения составила 896607 десятин по центрально земледельческому району¹¹). Убыль дворянского землевладения (тыс. десятин) в черноземной полосе выглядит следующим образом:

Таблица 3¹²

Убыль дворянского землевладения в среднем за 1 год по десятилетиям с 1883 по 1902 г., а затем по годам с 1903 по 1910 г. в тыс. дес.

1883-1892	381,8
1893-1902	506,2
1903	539,7
1904	473,1
1905	368,8
1906	1117,9
1907	1542,8
1908	869,8
1909	666,3
1910	579,7

Следует отметить 1906 и 1907 годы, где происходит резкий скачок в убыли дворянского землевладения, связанный, по всей видимости, с первой русской революцией. Такой скачок отмечается именно в черноземной полосе, что связано с тем, что именно там крестьянское движение было наиболее сильным, что вынуждало дворян распродавать свои земли.

Картина движения земли по Воронежской губернии ничем, принципиально, не отличалась от общероссийской. За период с 1877 по 1905 год площадь частного крестьянского землевладения увеличилась более чем в два раза: с 67530 до 161779 десятин. Если считать от общей площади частных владений, то доля частного крестьянского землевладения увеличилась с 4% до 10%. У дворян наоборот их доля сократилась с 84% до 63%, что составило уменьшение дворянского землевладения на 384793 десятины: с 1378937 до 994144 десятин. Параллельно растет площадь земель, находящихся в собственности у различных обществ и товариществ (с 730 до 198661 десятин). Причем наиболее существенный рост наблюдается у товариществ. Их доля в секторе частного землевладения на 1905 год составила 9%. Более детально данные по изменению землевладения приведены в таблице №4.

В частности за период с 1893 по 1897 год убыль дворянского землевладения составила 38400 десятин¹³.

При помощи крестьянского поземельного банка крестьянами Воронежской губернии к 1901 году было куплено 107,5 тыс. десятин. При этом за период с 1899 по 1901 гг. товариществами было куплено 56000 дес., обществами 17000 дес¹⁴. Заметим, что покупка земли товариществами и обществами крайне распространена.

Таблица 4¹⁵

Земли, находящиеся в частном землевладении, по различным группам владельцев по данным переписей 1877, 1905 годов.

Вид Собственности	1905	% от общей площади владений	% от частных владений	1877	% от общей площади владений	% от частных владений
Дворяне	994144	18%	63%	1378937	25%	84%
Купцы	166684	3%	11%	177660	3%	11%
Мещане	37546	1%	2%	13386	0,1%	1%
Крестьяне	161779	3%	10%	67530	1%	4%
Крестьянские Общества	55251	1%	4%	4303	0,1%	0%
Крестьянские Товарищества	143410	3%	9%	0	0%	0%

Снижение размеров операций по продаже земли заметно лишь в пятилетие 1891-1895 гг., явившееся результатом снижения покупательных сил крестьянства вследствие падения хлебных цен до самого низкого уровня и голода 1891-1892 гг. Это хорошо видно из следующей таблицы, где даются сведения о земельных покупках посредством Крестьянского банка по пятилетиям.

Таблица 4.6¹⁶

Сведения о земельных покупках посредством Крестьянского банка по пятилетиям с 1886 по 1905 гг.

Годы	Куплено, дес.
1886-1890	1033116
1891-1895	832323
1896-1900	2689867
1901-1905	3174378

С началом повышения цен на сельскохозяйственную продукцию начинается период быстрого увеличения купли-продажи земли. Помещики дробили землю, а уже затем продавали ее крестьянам.

Одной из причин убыли дворянского землевладения является сельскохозяйственный кризис, который в связи с убыточностью производства вынудил их сдавать землю в аренду или продавать ее.

Следует отметить, что в начале XX века в Воронежской губернии проводится ряд для улучшения положения в аграрном секторе. В Воронежской

губернии к 1910 году работало 12 землеустроительных комиссий. Как уже отмечалось выше наблюдается стремление к индивидуализации. Для устройства индивидуальных хозяйств выдавались ссуды и безвозвратные пособия. С целью ознакомления крестьян с устройством и приемами ведения более производительного хозяйства приглашались агрономы. В 1913 году были устроены сельскохозяйственные курсы. Было проведено более 600 чтений в различных районах губерний. Все большее распространение получают усовершенствованные орудия труда.

Устраивались экспериментальные хозяйства, где применялись более совершенные способы обработки земли и выращивались более продуктивные культуры. В таких хозяйствах урожайность была намного выше, чем в обычных хозяйствах.

Надельное землевладение утрачивало свою роль. Росла частновладельческая собственность.

¹ Статистика землевладения. 1905 год. Вып. V. СПб., 1906

² Статистика землевладения 1905г. С.158.

³ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России в период 1881–1904 гг. М., 1969. С.82

⁴ Вестник с\х 1903 ,№27 с.7

⁵ Памятная книжка на 1910 год. Воронеж., 1910

⁶ Статистика землевладения 1905г. С. 141

⁷ В.В. Святловский. . Мобилизация земельной собственности в России СПб., 1911, 486 с.. С. 134

⁸ В.В. Святловский. Там. же. С. 147

⁹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России в период с 1881 по 1904 гг. М.,1969. С.55–56

¹⁰ Анфимов А.М. Там. же. С. 57

¹¹ Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб.. 1904. С.59

¹² Материалы по статистике движения землевладения в России. 1917, стр 63

¹³ Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1904

¹⁴ Анфимов А.М. Указ.соч. С. 57

¹⁵ Статистика землевладения 1905 г. Вып. V

¹⁶ По отчетам крестьянского поземельного банка за 1886-1905 гг

Н.О. Баранова

Д.А. ПЕРЕЛЕШИН И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ.

В 1949 г. в связи со строительством сахарного завода в Панинском районе Воронежской области возник поселок городского типа Перелешино, получивший свое название от железнодорожной станции на ветке Графская –

Анна, которая была построена в 1897 г. Тогда многие станции и пристанционные поселки получали свои названия по фамилиям помещиков, владельцев окрестных земель. Так на карте появились такие названия как Перелешино, Тулиново, Панино. Может быть, и не стоит вспоминать этих помещиков, ведь люди давно перестали связывать с их фамилиями названия современных населенных пунктов. Но имя одного из них – Дмитрия Александровича Перелешина - все же стоит воскресить в исторической памяти.

Этот человек известен как народоволец, участник земского либерально-демократического движения конца XIX – начала XX в., активный член воронежской организации конституционно-демократической партии, автор мемуаров «Воспоминания народовольца». Такая активная жизненная позиция не случайна. Годы его жизни совпали с эпохальными для России событиями: убийством народовольцами царя-освободителя Александра II, первой мировой войной и первой русской революцией 1905 – 1907 гг., двумя революциями 1917 г., в результате которых рухнула правящая триста лет династия Романовых, и в хаосе гражданской войны и иностранной интервенции родилось новое, уже советское, государство. Все это просто не могло оставить безучастным свидетелем человека, которому небезразлична судьба своей страны, каковым, несомненно, и был Д.А. Перелешин.

Дмитрий Александрович родился 16 декабря 1862 г. в семье потомственных дворян Воронежской губернии. Первые девять лет своей жизни он прожил вместе с родителями в их имении в Воронежском уезде. К сожалению, об этом периоде известно очень мало, хотя в своих воспоминаниях Дмитрий пишет о своем отце – Александре Дмитриевиче - которого «горячо любил и уважал». По его словам, А.Д. Перелешин относился к семье «очень мягко».¹ Его дети знали, что всегда найдут поддержку и защиту у него, даже если он и не будет полностью одобрять их деятельность и разделять их взгляды. А он в свою очередь стремился дать им наилучшее образование. Именно в связи с этим желанием в январе 1872 г. Дмитрий стал своекоштным учеником в лицее цесаревича Николая, обычно называемым Катковским лицеем, который помещался в то время в Москве.

После окончания курса в лицее Перелешин в сентябре 1881 г. поступил в Петербургский университет на юридический факультет. С этого же времени началась и его активная общественно-политическая деятельность в качестве участника народовольческого движения. Увлечение народничеством было не случайно. Как пишет сам Дмитрий Александрович: «Главным толчком, решившим направление и деятельность всей моей жизни, был диспут Иванюкова 31 марта 1881 г. в актовом зале Московского университета». На нем с двух часовой речью, в которой целиком приводилась программа партии «Народная воля», выступил студент-медик 5-го курса П.П. Викторov. «В первый раз, - по словам Д.А. Перелешина, – он присутствовал при смелом, открытом призыве в огромной аудитории, а не в маленьком кружке единомыш-

ленников, к низвержению существующего строя путем революционным...».² Эта речь произвела на него неизгладимое впечатление, и ему захотелось немедленно принять активное участие в революционной работе и вступить в партию «Народная воля».

Но были и другие причины, побудившие его связать свою жизнь с российским революционным движением. Так еще в лицее Д.А. Перелешин познакомился с прокламациями «Земли и воли», «Народной воли» и «Черного передела», читал газеты «Голос» и «Порядок», две его старшие сестры (Софья и Юлия) были очень революционно настроены, а в кругу его знакомых оказалось немало видных народовольцев: С.В. Мартынов, С.С. Златопольский, П.Н. Теллалов, и, конечно, сильное влияние оказала и общая атмосфера в кругах молодой интеллигенции, среди которой идеи народничества тогда были чрезвычайно популярны. Ореол «Народной воли», смелость и дерзость ее героев, открыто бросивших вызов самодержавному строю, не могли не привлекать все новых и новых приверженцев, среди которых оказался и девятнадцатилетний Дмитрий.

Как народоволец Д.А. Перелешин занимался сбором денег для помощи политическим ссыльным и заключенным, укрывал нелегальных революционеров, позже работал в паспортном бюро «Народной воли».

В это же время в революционном движении назревали большие перемены. 1 марта 1881 г. (убийство народовольцами императора Александра II) стало наивысшим успехом «Народной воли». Но для революционеров это была пиррова победа: террор поглотил лучшие силы Исполнительного комитета.³ На скамье подсудимых по «делу 1 марта» оказались А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.И. Кибальчич, Т.М. Михайлов, Г.М. Гельфман, Н.И. Рысаков. 10 марта 1882 г. раскрыли штаб-квартиру народовольцев в Москве и арестовали ее хозяина Ю.Н. Богдановича. В июне 1882 г. были арестованы А. Корба, М. Грачевский, А. Буцевич. А апогеем действий правительства стала провокация С.П. Дегаева, в результате которой перестала существовать военная организация «Народной воли».

Все вышеизложенное вынудило революционеров вплотную заняться пересмотром прежних организационных и тактических основ. Результатом этого стало появление нового течения, оформившегося в 1883 г. в «Молодую партию Народной воли», которая хотела ввести в практику революционной борьбы фабричный и аграрный террор, отказаться от принципа централизма в организации партии и предоставить больше самостоятельности местным отделениям.⁴ Д.А. Перелешин разделял взгляды «молодых» и даже входил в состав их петербургской организации.

В рамках борьбы «старых» народовольцев с новым течением ему предназначалась важная миссия: выяснить мнение наиболее серьезных представителей партии «Народная воля» в Восточной Сибири о разногласиях между «старыми» и «молодыми» народовольцами. В ходе ее исполнения он в

мае 1884 г. был арестован и после двухгодичного одиночного тюремного заключения в Петропавловской крепости приговорен к административной ссылке в Западную Сибирь на три года.

Перелешин ждал отправки в Сибирь, думая, что там, в кругу товарищей, он самостоятельно закончит образование и, вернувшись, будет полезным революционным работником. Но в ссылке он увидел перед собой людей, которые вместо стремления продолжить революционную борьбу, «не выражали желания бежать, указывая на то, что партия разбита, восстановить ее скоро очень трудно, возвращаться немедленно в такое безвременье не стоит, так как все равно будешь очень скоро вновь арестован».⁵

Кроме того, за время, проведенное Перелешиним в Таре, а затем в Тюкалинске изменилось и отношение к народничеству. Развитие капиталистических отношений привело его приверженцев в идейный тупик. К концу 80-х гг. оно потеряло свою привлекательность, и значительная часть интеллигенции, разочаровавшись в нем, перешла на иные позиции. Некоторые народолюбцы, поддавшись разочарованию, отошли от участия в общественной жизни, часть вступила на позиции либерального народничества, а в среде тех, кто занимался деятельностью в рабочих кружках, наметилось тяготение к марксизму.⁶

Этого не мог не видеть Д.А. Перелешин. Ему необходимо было выбрать путь, по которому идти дальше. После возвращения из сибирской ссылки в феврале 1889 г. он отошел от активной революционной деятельности, но не отрекся от идеалов своей молодости и всегда оставался противником самодержавия. А годы, проведенные им в качестве участника народолюбческого движения, оказали сильное влияние на его мировоззрение, так как в дальнейшем он, отказавшись от радикальных преобразований, все же стоял на леволиберальных позициях. Но главное, что он сумел перенять у революционеров – это умение не пасовать перед препятствиями, всегда четко отстаивать свое мнение, сохранять верность товарищам, а также стойкость и преданность своему делу.

Некоторое время Перелешин был на военной службе, позже жил в своем имении в Воронежском уезде, где на свои деньги открыл сельскохозяйственную народную школу, организовал кредитные крестьянские товарищества и устроил больницу для бедных.⁷ Но в преддверие великих перемен и бурных событий в России, наступление которых чувствовалось уже тогда в конце XIX в., Дмитрий Александрович не мог отказаться от активного участия в общественно-политической жизни страны.

В 1892 г. он становится гласным воронежского уездного земства. С этого времени начинается второй период его деятельности, связанный с работой в органах местного самоуправления Воронежской губернии. Именно в 90-е гг. его взгляды претерпевают значительную эволюцию: от мыслей о насильственном свержении существующего строя он приходит к идеи приоритета

эволюционных мер в вопросе разрешения самых насущных проблем в политической и социально-экономической сферах России.

После возвращения из ссылки Д.А. Перелешин стал играть заметную роль в общественно-политической жизни Воронежского края. Он был частым гостем «Ноева ковчега» – дома Антонины Петровны Блюммер. Его хозяйка входила в народническую организацию «Земля и воля» (1861-1863), выступала активной поборницей женского образования, в Воронеже стала одним из инициаторов открытия народной библиотеки имени А.В. Кольцова (1894), создала школу в местной тюрьме. Ее дом долгие годы привлекал внимание городской интеллигенции. Здесь жили и бывали представители разных направлений в общественном движении того времени (публицист В.Я. Яковлев-Богучарский, критик В.П. Кранихфельд, народовольцы В.Н. Фигнер и С.В. Мартынов, большевики В.И. Невский и И.Я. Жилин), из-за чего дом и получил такое название.⁸

Также Перелешин вместе с братьями (Александром и Владимиром) способствовал и культурному процветанию Воронежской губернии. В 1900 г. они устроили санитарное попечительство, которое в числе прочих дел занималось постановкой спектаклей на праздники (Рождество и Масленицу). В их устройстве им помогал Константин Константинович Соколов – муж Зинаиды Сергеевны Соколовой - сестры известного советского режиссера и актера К. Станиславского.⁹

В 1898 г. Дмитрий Александрович прошел в гласные воронежского губернского земского собрания¹⁰ и с тех пор стал постоянным участником всех его заседаний. С каждым годом его голос в губернском земском собрании станет все более заметным и авторитетным, и он все активнее будет участвовать в прениях гласных по тем или иным вопросам практической деятельности земства.

В 1900 г. его избрали в члены Воронежской губернской земской управы, где он примыкал к «левой» группе гласных. Его работа в этой должности совпала со временем глубокого общенационального кризиса в России. Страна стремительно приближалась к своей первой революции, до основания потрясшей социальные и политические устои самодержавия. Одним из признаков кризисного положения явилась активизация оппозиционных выступлений либерального лагеря. К числу наиболее ярких эпизодов относилась деятельность воронежских земцев в 1902 г., связанная с началом работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.¹¹

В августе 1902 г. открылся Воронежский уездный комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в состав которого вошел и Д.А. Перелешин. В числе других лиц он был избран в комиссию, составившую доклад «Сельскохозяйственные нужды Воронежского уезда и меры по их обеспечению», который кроме подробной характеристики экономического состояния Воронежской губернии, содержал требование

проведения ряда реформ в духе политических программ леволиберальной оппозиции, в частности создания такого земского учреждения, которому фактически принадлежала бы роль совещательного органа при царе. Подготовленный комиссией доклад вызвал резкие возражения представителей реакционного дворянства. В их среде нашлись лица, поспешившие проинформировать об опасных замыслах министра внутренних дел В.К. Плеве, который принял самые решительные меры против выступления воронежцев. По его телеграфному распоряжению у Д.А. Перелешина 26 октября 1902 г. был произведен обыск, в результате которого была обнаружена его докладная записка в Воронежский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Она содержала не только замечания о деятельности губернских и уездных комитетов Особого совещания, но и сведения об экономическом положении страны, а также конкретные пути решения первоочередных проблем, стоящих перед сельскохозяйственной промышленностью.

Дмитрий Александрович считал, что мероприятия, которые предполагало осуществить Особое совещание, не дадут ожидаемого результата до тех пор, пока не будут изменены условия, которые препятствуют развитию государственной и общественной жизни. И так, как сельскохозяйственный вопрос в значительной мере сводится к вопросу крестьянскому, то прежде всего необходимо было «поднять личность русского крестьянства», обеспечить равными с другими сословиями правами, освободить крестьян от дополнительной опеки, обеспечить для них «правильную форму суда» и отменить позорные телесные наказания. Все эти мероприятия, по мнению Д.А. Перелешина должны были наладить правопорядок в деревне, отсутствие которого стало одной из причин печального экономического состояния России.¹²

В числе других причин критического положения сельскохозяйственной промышленности им были названы недостаточный уровень начального образования, финансовая политика правительства, крестьянское малоземелье. Программа преобразований заключалась в предоставлении общественным учреждениям широкой возможности осуществления общедоступности народного образования, в расширении объема даваемых в начальной школе знаний и устранении существующих препятствий для внешкольного образования,¹³ в введении прогрессивного подоходного налога¹⁴ и переселении крестьян за счет государства на свободные казенные земли или для не желающих переселяться покупка земли Крестьянским банком, но без доплаты со стороны крестьян, для чего предполагалось превратить банк из кредитного в государственное учреждение, в обязанность которого входило бы добавочное наделение крестьян неотчуждаемой землей на основании выкупа.¹⁵

Провести же все вышеизложенные мероприятия могли, по мнению Перелешина, лишь земские учреждения, организованные вне зависимости от сословных собраний и обеспеченные необходимой устойчивостью и само-

стоятельностью. Кроме того, для правильной постановки экономических вопросов должна быть предоставлена гласность, которая «дает возможность своевременного и точного знания всех моментов текущей экономической жизни и происходящих в ней перемен».¹⁶

В записке было написано: «Произвол бюрократии восстановил против себя все классы общества. Дворянство, разоренное экспериментами министров финансов; интеллигенция, избиваемая на улицах казачьими нагайками; фабричные рабочие, устраивающие повсеместно забастовки; крестьянство голодное, умиряемое военными экзекуциями за требование добавочного наделения землей, и в довершение всего близость государственного банкротства – вот картина современного положения России». Дмитрий Александрович считал необходимым, «чтобы голос земли русской был известен Государю и мог свободно раздаваться в земстве», для чего он требовал созыва Земского Собора.¹⁷

Несмотря на то, что в докладе Перелешин не старался оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенные права верховной власти, а лишь указал на злоупотребления, совершаемые чиновничеством, за ним был установлен особый надзор полиции, а сам он лишился выборной должности. Лишь в 1904 г. во время «весны» Святополка-Мирского он вновь был возвращен в должность члена губернской земской управы и принял участие во втором, более мощном витке выступлений либеральной оппозиции в Воронежской губернии, направленном на введение в России представительного строя и достижение политических и личных свобод для всех жителей империи.

На этом этапе он принимал участие в Петербургском земском съезде в ноябре 1904 г., являлся одним из организаторов «банкета свободных» в Воронеже,¹⁸ был одним из представителей Воронежской губернии на втором съезде союза земцев-конституционалистов в феврале 1904 г. в Москве.¹⁹

1904 г. был отмечен значительным всплеском активности воронежских либералов. Губернская земская управа (в составе которой был и Перелешин) начала деятельный обмен с другими отличающимися либеральным направлением управами (Московской, Черниговской, Ярославской, Полтавской, Тамбовской и др.) разного рода резолюциями, адресами, постановлениями земских собраний и избранных ими комиссий по вопросам правильного течения и развития общественной и государственной жизни. Но начавшаяся 9 января 1905 г. революция оказала сильнейшее влияние на представителей либеральной оппозиции.

Как известно, размах революционного движения осенью 1905 г. заставил императора Николая II издать манифест 17 октября, по которому народу были дарованы гражданские свободы и новый законодательный орган - Государственная Дума, без согласия которой ни один закон не мог войти в силу.

В целом, манифест был встречен либералами с восторгом. Часть из них, посчитав задачу выполненной, отказалась от дальнейших попыток демократизировать государственную систему. Другая, более стойкая, перенесла свою политическую активность из земских учреждений в образованный в конце 1905 г. воронежский комитет партии конституционных демократов или «Народной свободы», перейдя к новым формам борьбы за продолжение реформ.²⁰ Второй путь избрал для себя и Дмитрий Александрович Перелешин, ставший одним из самых активных деятелей кадетской организации в Воронеже.

Его приверженность именно этой партии не случайна. Основные программные установки в наибольшей степени отвечали взглядам Д.А. Перелешина.

Привлекательной для него была аграрная программа кадетов, предусматривающая частичную принудительную конфискацию частновладельческих земель и создание на их основе государственного земельного фонда для удовлетворения нужд особо малоземельных крестьян. Он хорошо знал реальное положение дел в сельском хозяйстве Центральной России и поэтому полагал, что преодолеть процессы его оскудения можно только путем радикального изменения государственной политики по отношению к деревне.

Кроме того, партия «Народной свободы» направляла свою деятельность на культурно-просветительские цели и считала, что городским и земским учреждениям в силу сложившегося положения вещей и длительной анархии в стране суждено еще долгое время играть политическую роль. Подобная программа не могла не импонировать Д.А. Перелешину, рассматривавшего земство ведущей силой в процессе либерализации страны.

Дмитрий Александрович состоял в числе других лиц во главе Воронежского отдела кадетов (он был одним из членов временного бюро партии, а затем вошел в заменивший его 20 января 1906 г. постоянный комитет).

Среди основных направлений деятельности Перелешина в качестве представителя партии «Народной свободы» следует особо отметить его роль в разработке путей решения аграрного вопроса в Воронежской губернии. Дмитрий Александрович, проработавший более десяти лет в уездных и губернских органах местного самоуправления, не понаслышке знал проблему крестьянского малоземелья. Критическое положение в деревне заставило его несколько радикализовать свои взгляды по этому вопросу.

В феврале 1906 г. в «Воронежском слове» - печатном органе воронежских кадетов - были опубликованы две статьи: воронежского городского головы П.Я. Ростовцева «К аграрной программе конституционно-демократической партии» и Д.А. Перелешина «К аграрному вопросу». В них на статистическом материале разрабатывалось применение аграрной программы партии к земельным вопросам Воронежской губернии. Оба автора пришли к однозначному выводу: «только отчуждение частновладельческой

земли в значительном размере может удовлетворить крестьянскую нужду». Их разработки в области аграрного вопроса обсуждались 7 апреля 1906 г. на заседании губернского комитета, который одобрил их и рекомендовал к рассмотрению в центральных партийных органах. Существует предположение, что предложения воронежских кадетов учитывались при выработке проекта основных положений аграрной реформы, принятого III съездом партии (21-25 апреля 1906 г.).²¹

Перелешин занимался и распространением конституционных идей среди населения губернии, выступая на общих собраниях местной партийной группы с докладами о работе I Государственной Думы (о тактике партии в Думе, аграрному и другим вопросам).

Но, как известно, 9 июля 1906 г. Дума была распущена. А своим Выборгским воззванием, призывавшим население к пассивному сопротивлению режиму, кадеты поставили себя в глазах правительства в ряд революционных партий.

Определенный этап деятельности конституционно - демократической партии завершил ее IV съезд, проходивший 24 - 28 сентября 1906 г. в городе Гельсингфорсе (Финляндия), в котором от Воронежской организации участвовали Д.А. Перелешин, В.И. Колюбакин, А.И. Шингарев и С.П. Буренин.²² В резолюции съезда было заявлено: «При существовании нынешней правительственной системы устраняется всякая возможность прекращения анархии и восстановления мира и порядка, поэтому всякая поддержка антиконституционного министерства [П.А. Столыпина], в какой бы форме она не выражалась, является актом, враждебным русскому народу».²³

Вскоре после съезда, в ноябре 1906 г. воронежский губернатор М.М. Бибииков в соответствии с циркуляром министра внутренних дел П.А. Столыпина от 26 октября объявил, что считает партию «Народной свободы» после Выборгского воззвания и Гельсингфорского съезда революционной, и полностью запретил собрания ее приверженцам.

Причиной таких гонений стало приближение выборов во II Государственную Думу. Во время избирательной кампании на представителей умеренной оппозиции обрушились обыски, увольнения, аресты, высылки, применялись и специфические, характерные только для периода предвыборной борьбы, методы – такие, как лишение избирательных прав. Последнее коснулось и Д.А. Перелешина, которого кадеты прочили кандидатом в Государственную Думу. В феврале 1907 г. власти предложили избирательной комиссии исключить его из числа выборщиков, в качестве аргумента указывая, что он не заплатил необходимого налога. Когда же оказалось, что налог полностью уплачен, администрация стала чинить другие препоны, но в виду явной подтасовки фактов это дело было решено не в пользу властей.²⁴

7 февраля 1907 г. Воронежским губернским избирательным собранием он был избран членом II Государственной Думы. Эти выборы были не-

обычными: хотя крестьянская курия и постановила не избирать «ни одного дворянина, ни одного помещика, ни одного купца, ни одного попа, а 3 интеллигентов и 9 крестьян», для Перелешина было сделано исключение, так как его считали «своим».²⁵ В чем же причина столь благосклонного отношения крестьян к Дмитрию Александровичу?

В сведениях об избранных депутатах, представленных воронежским губернатором министру внутренних дел, есть несколько любопытных замечаний и о Д.А. Перелешине: «По политическим убеждениям его следует причислить к категории лиц наиболее крайнего направления. Он отличается несдержанностью и резкостью в суждениях и крайне враждебно относится к правительству». Эти сведения являются прекрасным дополнением к его политическому портрету, но в данном случае гораздо более важным является другое замечание, позволяющее ответить на поставленный выше вопрос: «На предвыборном собрании в присутствии крестьян-выборщиков он обещал, что в случае его избрания членом Государственной Думы, он не возвратится из Петербурга без земли для крестьян. Кроме того, возражая землевладельцу Шеметову, он высказался так...«нужно осудить ту шайку чиновников, которые довели Россию до позорного разорения».²⁶ Безусловно, подобные речи не могли оставить крестьян равнодушными, думается, что этим и объясняется поддержка, которая была оказана Д.А. Перелешину.

Свое видение работы будущей Думы он и А.И. Шингарев огласили на банкете, устроенном 11 февраля в гостинице «Гранд-Отель» в честь их отъезда в Петербург. На нем присутствовало более 40 человек – выборщиков, членов губернского комитета кадетской партии, сочувствующих. Дмитрий Александрович указал на необходимость сплочения в Думе всех оппозиционных элементов для совместных действий против правительства Столыпина, с которым, по его мнению, невозможно пойти на компромисс.

II Государственная Дума начала свою работу 20 февраля 1907 г. С ней многие слои населения в стране связывали надежды на дальнейшее продолжение реформ. Но по своему составу она оказалась еще более радикальной, чем первая, что и предопределило ее дальнейшую судьбу.

Перед новой Думой сразу же встал вопрос об избрании целого ряда комиссий – аграрной, финансовой, бюджетной, по исполнению государственной росписи, редакционной и др. И Д. А. Перелешин был избран членом распорядительной комиссии, а также выдвигался кадетской фракцией в состав аграрной.

Тогда же неожиданно для всех трудовиками был поднят вопрос о комиссии для голодающих, вызвавший оживленные дискуссии. Д.А. Перелешин, также участвовал в спорах вокруг этого вопроса. В своем выступлении он описал тяжелое положение дел с продовольствием в Воронежской губернии, где «в некоторых местах выдается хлеб с примесью 23% сора», а губернское присутствие выделяло в 3 раза меньше хлеба, чем требовало даже такое

не либеральное учреждение как земские начальники. Он находил такое положение недопустимым и считал, что «нужно избрать...комиссию и поручить ей командировать во все голодные губернии по два человека Думы для того, чтобы она на местах расследовала злоупотребления бюрократии».²⁷ Дума поддержала предложение члена кадетской фракции о создании продовольственной комиссии и 15 марта сформировала ее состав. В число ее 33 членов вошли и четыре воронежца, среди которых был и Перелешин. Речь по продовольственному вопросу была единственным выступлением Дмитрия Александровича в Государственной Думе. Ему так и не удалось выполнить свое обещание, данное крестьянам в ходе избирательной кампании, но в этом не было его вины. Уже 3 июня 1907 г. через 103 дня работы Думы Николай II издал манифест о ее роспуске.

После событий 3 июня 1907 г. Д. А. Перелешин возвратился в Воронеж. Он все еще оставался членом конституционно-демократической партии, но от активной общественно-политической деятельности, по-видимому, отошел. Не последнюю роль в этом сыграла его неудачная попытка участия в Государственной Думе.

1905 – 1907 гг. стали переломными в жизни Перелешина. Впервые за долгое время его общественно-политической жизни ему удалось принять участие в работе одного из высших государственных органов власти. Но 3 июня 1907 г. Николай II одним росчерком пера разрушил все иллюзии. Осознание того, что манифест 17 октября был не началом серии новых преобразований, а лишь временной уступкой императора, растерянного размахом революционного движения, привело в конечном итоге к отказу Д.А. Перелешина от активного участия в политической жизни страны и возвращению к работе в воронежском земстве с его повседневными проблемами и заботами, без разрешения которых тем не менее не возможно было наладить нормальное течение жизни в Воронежской губернии.

Была и другая объективная причина: выборы в следующую III Государственную Думу стали последним всплеском активности местных кадетов, после которого губернский комитет партии «Народной свободы» вступил в период длительного бездействия, граничащего с полным развалом организации.²⁸

Так или иначе, Перелешин постепенно отошел от взглядов конституционных демократов, для которых было характерно стремление к западным либеральным ценностям, порой без учета реальной и политической культуры народа, его традиций и общественных устоев. В списке лиц руководящего звена кадетской партии Воронежской губернии за 1917 г. его имя уже не упоминается.

С 1913 по 1916 г. Д.А. Перелешин был гласным воронежского губернского земского собрания, затем переехал в Москву работать во Всероссийском Земском Союзе. Здесь, в Москве, он встретил и Октябрьскую револю-

цию, которую принял, найдя в ней воплощение идеалов своей молодости. Он честно служил новой власти, находясь на ответственных хозяйственных постах: был заведующим отделом Мосгубсоюза и ответственным секретарем по организации Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Его служба в годы советской власти была высоко оценена М.С. Ольминским, который отзывается о своем товарище по «Народной воле» как о «старом испытанном революционере и полезном общественном и советском работнике». ²⁹

Но на этом его деятельность не исчерпывается. В последние годы своей жизни он сумел проявить себя и как талантливый мемуарист, написав в 1933 г. в Москве свои «Воспоминания народовольца». Они были опубликованы через сорок лет воронежским краеведом Виктором Кузнецовым в журнале «Звезда» и получили самые высокие оценки. Сам Кузнецов называл их живым свидетельством мужества людей, бросивших смелый вызов царизму, и документом, который отразил сложные и противоречивые искания демократической интеллигенцией путей и форм ломки старого мира. ³⁰

Всего через два года после написания мемуаров Перелешина не стало. Но он навсегда вошел в историю Воронежского края как один из ярких представителей передовой части дворянской интеллигенции, боровшейся за изменение политического строя, проведение самых насущных преобразований в социальной, экономической и культурной областях, для обеспечения процветания России и ее развития рядом с другими европейскими государствами.

¹ Перелешин Д.А. Воспоминания народовольца // Звезда. 1973. № 11. С. 118.

² Там же. С. 101.

³ Барабанова А.И., Ямщикова Е.А. Народовольцы в Петербурге. Л., 1984. С. 148.

⁴ Там же. С. 180-181.

⁵ Перелешин Д.А. Указ. Соч. С. 130.

⁶ Барабанова Л.И., Ямщикова Е.А. Указ. Соч. С. 186.

⁷ Кузнецов В. послесловие к «Воспоминаниям народовольца» Д.А. Перелешина // Звезда. 1973. № 11. С. 136.

⁸ Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2000. С. 150.

⁹ Соколова З.С. Наша жизнь в Никольском. Деревенские записки. Воронеж, 2004. С. 225.

¹⁰ Журналы Воронежского губернского земского собрания. Очередной сессии 1-20 декабря 1898 г. Воронеж, 1899. С. 1.

¹¹ Карпачев М.Д. Оппозиционное выступление Воронежских земцев в 1902 г. // Общественное движение в Воронежском крае в XVII – начале XX века. Воронеж, 1986. С. 43-44.

¹² Государственный архив Воронежской области (далее - ГАВО). Ф.И.-1. Воронежское губернское жандармское правление. Оп.2. Д.112. Л.12об-13.

¹³ Там же. Л. 13об.

¹⁴ Там же. Л. 15об.

¹⁵ Там же. Л.16об.

-
- ¹⁶ Там же. Л. 14об, 15об.
¹⁷ Там же. Л. 18об.
¹⁸ ГАВО. Ф.И-6. Канцелярия воронежского губернатора. Оп.2. Д.84. Л.1.
¹⁹ Михалев О.Ю. Воронежская организация конституционно – демократической партии (1905 - 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 37 (далее–Михалев О.Ю. Воронежская организация...).
²⁰ Михалев О.Ю. Либеральное движение воронежских земцев в конце 1904-1905 гг. // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII –начале XX века. Воронеж, 1999. С.65-66.
²¹ Михалев О.Ю. Воронежская организация... С. 113-114.
²² ГАВО. Ф.И-1. Оп.1. Д.572. Л.226.
²³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3- т.т. Т.1. М., 1997. С. 384-385.
²⁴ Михалев О.Ю. Воронежская администрация в борьбе против либеральной оппозиции в 1906-1907 гг.// Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып.8. С. 122 (далее – Михалев О.Ю. Воронежская администрация...).
²⁵ Кузнецов В. Указ. Соч. С. 136.
²⁶ ГАВО. Ф.И-6. Оп.1. Д.1063. Л.16об.
²⁷ Государственная Дума. Созыв 2-й. Сессия 2-я. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т.1. С. 232.
²⁸ Михалев О.Ю. Воронежская администрация... С. 126.
²⁹ Кузнецов В. Указ. Соч. С. 136.
³⁰ Там же. С. 135.

А.С. Пшегорский

ПРАВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

В свете недавних глобальных изменений, произошедших в политическом строе Российского государства, совершенно закономерно усиление исследовательского интереса к парламентскому прошлому России, к явлениям и событиям политической истории начала XX века. То бурное время (после первой русской революции) было ознаменовано деятельностью партий и организаций самого разного политического спектра. Положения, разработанные этими партиями, оказались созвучны идеям теперешних политических организаций.

Большинство из последних, так или иначе, придерживается либеральных воззрений, что в сознании соотносится с движением к прогрессу, в то время как консервативная направленность нечасто вызывает положительную оценку общества. На мой взгляд, это в определенной мере связано с доминированием в общественной жизни начала прошлого века либерально-демократической части интеллигенции, сыгравшей немалую роль в критике правого движения. Именно поэтому представляется интересным в рамках

статьи попытаться охарактеризовать особенности консерватизма в России в начале XX века.

Хотелось бы сразу уточнить, что в данном случае понимается под консервативной идеологией.

Консерватизм представляет собой тип политической мысли, политическую идеологию, главным системообразующим принципом которой выступает принцип следования традиции. Находясь на вершине иерархической лестницы консервативных ценностей, этот принцип определяет характерные для консервативного мышления антирационалистические и антииндивидуалистические ориентации, поскольку традиция не поддаётся чисто рассудочному познанию, не имеет индивидуального автора и сохраняется только благодаря наличию её массовидного носителя (народа).

Отсюда органично вытекают все остальные принципы и ценности, неизменно обнаруживаемые при рассмотрении любых консервативных идеологий. Глубоко уважаемая всеми консерваторами религиозность как консолидирующая, сплачивающая социальная сила в конечном итоге вырастает из культа почитания предков, как источника традиционного наследства. Отчётливо проявляющийся в консервативных концепциях культ церкви, семьи, школы, армии находит своё объяснение в функциональном предназначении этих социальных институтов: они служат непосредственными воспитателями и проводниками традиции. Свойственная консерваторам «идея ранга» в противовес «идее равенства» диктуется разной ролью, объективной иерархией различных общественных слоёв и отдельных людей в деле охранения и продолжения исторической традиции. Патриотизм, сильное государство с мощным оборонительным потенциалом как консервативные ценности, также непосредственно связаны с традицией, так как её существование возможно лишь в рамках определенной национально-государственной культуры, нуждающейся в надёжной защите против внешнего вмешательства. В свою очередь, культ сильного стабильного государства подразумевает и такие общепринятые консервативные ценности, как осторожность перемен, отрицание резких скачков и революционных переворотов, признание зависимости прав и свобод граждан от конкретно-исторических условий, а также приоритет интересов целого (государства, нации) перед интересами части (индивида, социального слоя).

Консервативная идеология возникает тогда, когда в обществе прекращается автоматическое, неосознанное следование традиционным нормам, когда происходит революционно-либеральное покушение на историческую традицию. Эти идеологии выступают реакцией на события и процессы, потрясающие и разрушающие традиционный уклад жизни, ставя перед собой задачу сохранения или восстановления исторических традиций.

Консерватизм как широкое идейное течение существовал на фоне различных исторических событий и всегда в конкретных общественно-

политических условиях. Это, разумеется, накладывало свой отпечаток на развитие консерватизма вообще, в том числе и русской консервативной мысли. Это развитие в течение ряда лет не раз менялось, что и предопределило возникновение своего рода модификаций консерватизма, присущих соответствующему историческому этапу в развитии России.

Не может быть и речи об их «обособленном» существовании, а наоборот есть все основания утверждать, что более поздние модификации испытывали влияние более ранних, несомненно, заимствовали часть опыта, но также и выдвигали свои, новые положения. Поэтому изучение консерватизма в России начала XX века не может быть осуществлено вне рассмотрения их предшественников, оказавших влияние на формирование консервативной мысли начала XX века.

Среди предшественников можно выделить государственно-охранительную форму русского консерватизма. Яркими представителями последней являются Н. М. Карамзин, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. Главным в российском государстве они считали самодержавие и стремились к охранению и осторожному совершенствованию созданного самодержавием механизма управления страной. По их мнению, в России западные экономические и политические модели органично прижиться не могут. Настоящее для них, выраженное политическими реалиями Петербургской России, является идеалом.

Более поздней ветвью консерватизма можно считать славянофильство. Для него характерна уже некоторая отстраненность от самодержавия. Во всяком случае, для славянофилов оно выступает не более, чем инструментом, в какой-то степени цементирующим Православие и Народность. Последние, по мнению славянофилов, и составляют основу русской традиционности. Православие и Народность являются теми началами русской культуры, которые, по славянофилам, обуславливают принципиальное отличие от культуры Европы. В этом смысле Московское Государство служило для славянофилов ориентиром.

Несколько обособленным в развитии консервативной мысли представляется положение теорий Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева. Их теоретические положения характеризуются большим универсализмом и представляют интерес не только для русского консерватизма. Леонтьев рассматривал Православие и Самодержавие ведущими принципами, идущими еще от Византийской империи. Для Данилевского все три принципа играют исключительную роль в формировании русского государства.

Начало XX века, принесшее резкие изменения в политической атмосфере всей Европы, ознаменовалось переходом к новому этапу развития общественно-политической жизни и в России. Ослаблением самодержавной власти активно стремились воспользоваться либеральные и революционные

круги интеллигенции. Все возрастающая активность революционеров на фоне недееспособности власти ставила перед консерваторами ряд новых задач.

Решение последних выходило уже за рамки чисто теоретических размышлений и дискуссий. Консерваторам нового столетия предстояло, используя в какой-то мере опыт предшественников, выступить уже со своими ответами на вызовы эпохи.

Характерным в этом свете становится уже то, что именно в это относительно короткое время (между революцией 1905 г. и 1917 годом) организационно оформляются (практически на ровном месте) и становятся грозной общественной силой целый ряд консервативных партий. С легкой руки их противников за ними впоследствии закрепилось общее название «черносотенные». Один из консервативных лидеров В. А. Грингмут в своей брошюре «Руководство черносотенца-монархиста» так охарактеризовал это название: «Враги Самодержавия называли черносотенцами-монархистами тот простой, черный Русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 г. стал на защиту своего Самодержавного Царя. Почетно ли название «черносотенцы-монархисты»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от Поляков и Русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными Царю Русскими боярами. Все они были настоящими "черносотенцами", и все они стали, как и нынешние "черносотенцы-монархисты" на защиту Православного Монарха, Самодержавного Царя»¹.

По своему составу вновь возникшие политические образования отличались чрезвычайной пестротой. Социальная база консервативного движения имела в своем составе чуть ли не все слои тогдашнего российского общества, в том числе и полностью противоположные по своим интересам. Имея в своих рядах и родовитых аристократов, и представителей плебса, помещиков и крестьян, фабрикантов и пролетариев, профессоров и совершенно неграмотных людей, русских и нерусских, консервативное движение не отличается классовой определенностью левых партий.

Больше всего черносотенное движение можно назвать мелкобуржуазным. Учитывая, что в начале XX в. мелкая буржуазия, (в т.ч. сельская) составляла 60,7% населения страны, буржуазия - 16,3 %, пролетариат - 14,6 %², то в черносотенные организации по своему составу почти соответствовали социально-классовой структуре российского общества. Приведем для примера социальный состав «отцов-основателей» самой крупной по численности из черносотенных партий - Союза русского народа, членов его Главного Совета первого состава. Председателем СРН был врач-педиатр А.И.Дубровин, его товарищем (заместителем) инженер А.И.Тришатный. Входили также в главный Совет П.Ф.Булацель (присяжный поверенный), А.А.Майков (вольный художник и домовладелец), В.Львович (т-во официантов), В.Н.Воронков, И.И.Баранов (купец, рыбная торговля), Сурин (меховщик), М.Н.Зеленский

(чиновник), Е.Д.Голубев (мясоторговля), Н.Н. Языков (дворянин, земский начальник в Казани), Г.А.Слипак (крестьянин), В.Н.Соколов (инженер) и др.

Консервативные партии обнаружили ряд отличительных черт, характерных именно для периода политической деятельности консерваторов. Переход правого движения из разряда салонных и дискуссионных к политически активным привел к появлению ряда идеологических новшеств.

Во-первых, партийная деятельность (соперничество с другими партиями за влияние на общество) неизбежно вела к ориентации на “народ” и стремление мобилизовать массы. Последнее выразилось в позиционировании консерваторами самих себя как действительно всенародной силы.

С другой стороны само активное участие правых партий в думских перипетиях начала века (в основном, конечно, в поддержку правительства) несло определенное зерно раздора с самодержавной властью и, прежде всего с “верхами” бюрократического аппарата царской власти. С формальной точки зрения работа в составе оппозиционной Думы накладывала свой «оппозиционный» отпечаток и на деятельность правых организаций. Ситуация не улучшалась и в том случае, если правительство с Думой сотрудничало (как это было во время премьерства П. А. Столыпина и октябристского большинства). Такое сотрудничество шло по линии сближения власти с правой частью либерального центра, что, естественно, предполагало уступки в сторону смягчения самодержавной власти. Подобное изменение курса власти расходилось с устремлениями консерваторов, которые оказывались попросту не нужными.

Нарастание общественного кризиса и все большая неспособность власти решить его своими силами и в рамках прежней властной структуры привели к тому, что и правые партии стали разрабатывать варианты своеобразного социального переустройства общества.

Также правые партии (как и другие партийные образования того времени) не остались в стороне такого явления как наличие в составе этих партий своеобразных элементов вождизма. Относительно правых партий можно указать и возникновение такого специфического явления как антисемитизм, ставший неотъемлемой частью идеологии. Такая идеологическая установка правых привела к соответствующему отношению к еврейским погромам, а, как следствие, к постоянным обвинениям со стороны других партий (левых в своем большинстве) в организации погромов. Тема погромов достаточно дискуссионный характер. Здесь хочется отметить, что, на мой взгляд, достаточно убедительно В. Кожин в книге «Черносотенцы и революция»³ показал, что погромная волна в России была для того времени явлением закономерным в силу экономических и социальных факторов.

Говоря о возникновении правых партий непосредственно в период революций, нельзя не упомянуть и о своего рода предшественной организации – Русском Собрании. Устав Русского Собрания был утвержден 26 января 1901 года. Возникшее образование не было партийным по своей сути. Однако

отличием его от прежних салонов или кружков была, во-первых, нескрываемая политическая направленность Собрании, и, во-вторых, активная агитационная деятельность среди столичной творческой интеллигенции.

В составе Русского Собрания преобладали литераторы и публицисты. В числе самых заметных фигур организации были князь Д.П.Голицын, поэт и приват-доцент Петербургского университета Б.В.Никольский, издатель “Нового Времени” А.С.Суворин и др. Русское Собрание устраивало музыкальные вечера, обсуждение докладов, открыло свою гимназию. По замыслу организаторов, Собрание должно было устраивать библиотеки и читальни, учреждать конкурсы и премии за научные исследования, вести борьбу за трезвость и т.д. Однако немалую долю деятельности Собрания занимали политико-идеологические проблемы.

Была принята политическая программа Русского Собрания. В программе определялись причины революции: недостаток веры в народе, подрыв самодержавия представителями бюрократического слоя, ослабление национального чувства и патриотизма, упадок русского просвещения, инородческое, в особенности еврейское, преобладание во всех сферах русской жизни. Выход из этого состояния Русское Собрание видело в призвании выборных от народа, “которые сумеют на деле осуществить истинное единение народа с Царем в деле государственного строительства”⁴. Нельзя не заметить, что программа Русского Собрания развивала и адаптировала к условиям начала XX века идеи основоположников славянофильства: И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. и И.С. Аксаковых.

Несомненно, что Русское Собрание играло роль интеллектуального центра правых того времени, являвшимися противниками развития революционной ситуации. Численность Собрания увеличивалась, что позволило к 1905 году открыть филиалы в Харькове, Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Оренбурге, Перми.

В условиях нарастания революционного кризиса, усиления дискредитации самодержавной власти, шла активизация деятельности правых сил. Русское Собрание, носившее несколько «элитарный» характер, не могло способствовать завоеванию широких народных масс, что было необходимо в условиях первой русской революции. Поэтому в России началось «спонтанное» образование правых организаций и союзов уже с явственно партийными чертами.

Впервые призыв к созданию монархической партии прозвучал 2-го марта 1905 г. в газете “Московские Ведомости”, в статье редактора В.А.Грингмута. Месяц спустя, 24 апреля 1905 г. при редакции открылось Центральное бюро Русской Монархической партии. Программа партии, первый пункт которой требовал «укрепления самодержавия»⁵, считала недопустимым любые уступки оппозиции, самодержавие должно быть неограниченным и поэтому не должно быть никаких представительных органов даже в

виде законосовещательного Земского Собора (здесь, конечно, виден резкий контраст с воззрениями ранних предшественников РМП - славянофилов). Консерваторы Русской Монархической партии оказались большими монархистами, чем царь, ведь сам Николай II в рескрипте на имя министра внутренних дел А.Г.Булыгина от 18 февраля 1905 г. говорил о привлечении достойнейших, доверием народа облаченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений. В этом свете не вызывает удивления тот факт, что столь правая организация, как Русская Монархическая партия так и не стала массовой.

Почти одновременно с Русской Монархической партией, весной 1905 г. официально в Москве графами Шереметевыми на базе консервативного светского салона был создан «Союз русских Людей». Главными фигурами вновь образовавшейся партии были архимандрит Анастасий, известный историк Д.И.Иловайский, публицист и писатель С.Ф.Шарапов, аристократы князь Гагарин, граф Гудович и др. В отличие от Монархической партии «Союз русских Людей», напротив, приветствовал идею укрепления самодержавия через поддержку царя выборными людьми на местах. В основу идеологии «Союза» легли многие славянофильские положения, такие как, единение царя, которому остается «сила власти», и народа, за которым сохраняется «сила мнения».

Главная задача «Союза Русских Людей» - сломать стену между царем и народом в лице бюрократии. Именно бюрократия, по мнению «Союза», творит все зло и несправедливость в России, прикрываясь именем царя. Ко всему прочему, прежде всего чиновники пытаются ограничить царскую власть в своих интересах. Поэтому главная задача, стоящая перед Россией, это - ограничение произвола чиновничества, в то время как революционные и либеральные партии всего лишь хотят сами занять своими людьми чиновничьи должности, что не могло способствовать улучшению положения народа.

Конечно, такая программа во многом носила демагогический характер, пытаясь свести недостатки режима к отдельным людям, а не к самому режиму. Но, тем не менее, помимо критики своих левых оппонентов, уже в программе «Союза Русских Людей» содержатся и элементы позитивной программы, отнюдь не сводимой к сохранению дореволюционного статус-кво. Самым значительным идеологическим новшеством Союза была старая славянофильская идея созыва сословного Земского Собора, который будет голосом «земли», обращенным к царю. В области религиозной жизни предусматривалось восстановление патриаршества.

Деятельность всех трех правых организаций до осени 1905 года не носила массовый характер, чтобы можно было говорить о серьезном влиянии на общественную жизнь в стране. Однако после принятия Манифеста 17 октября в стране начался бурный стихийный (практически не координированный уже существующими партиями) процесс образования всевозможных правых

союзов и организаций. Численность их и уже существовавших к тому времени партий стала резко увеличиваться.

Вскоре большая часть мелких правых групп и союзов объединились в «Союз Русского Народа». Обычно история консервативного партийного движения ассоциируется именно с деятельностью СРН и ее лидерами - А.И.Дубровиным, В.М.Пуришкевичем и др. IV-ый монархический съезд, состоявшийся в апреле 1907 г., призвал черносотенцев вливаться в ряды Союза, признав гегемонию «Союза Русского Народа» в правом движении.

«Союз Русского Народа» был создан 8 ноября 1905 г. в Петербурге. Благодаря своему столичному положению, знакомству лидеров с влиятельными придворными и правительственными кругами, личным качествам учредителей, «Союз Русского Народа» быстро превратился во всероссийскую организацию, поглотив большинство мелких черносотенных групп.

1907-08 гг., т.е. время окончательного спада революции, были временем пика черносотенного движения. Так, к концу 1907 г. черные сотни действовали в 66 губерниях и областях, Союз Русского Народа имел 2124 отдела, другие монархические союзы - 105 отделов, общая численность черносотенцев достигала 410 тыс. чел⁶.

И, тем не менее, начиная с 3 июня 1907 г. - времени окончательного поражения первой революции, можно говорить о начале долгого спада правого движения. Конец революции не означал восстановления неограниченного самодержавия, что автоматически поставило часть черносотенцев в положение правой оппозиции к третьеиюньской монархии и лично к Столыпину. При этом ни революция, ни контрреволюция не решили стоящих перед Россией социальных проблем и это не могло не вызвать постепенного отхода от монархической идеологии демократических народных элементов монархического движения.

Положение усугублялось борьбой между правыми партиями по поводу признания деятельности Думы. В результате в «Союзе Русского Народа» возник раскол по отношению к признанию Государственной Думы. Группировка во главе с В.М.Пуришкевичем организовала свою партию – «Союз Михаила Архангела», признающую представительные учреждения. В дальнейшем СРН продолжал переживать расколы. Ряд его местных отделений, фактически и ранее чисто номинально подчинявшихся центральному правительству, становятся окончательно самостоятельными. Речь идет, в частности, о Московском отделении во главе с протоиереем И.Восторговым, о Почаевском отделении во главе с Антонием Волынским и др.

Монархисты не были единственными правыми в последние годы империи. В 1908 г., времени начала распада черносотенных союзов, появилось еще одно направление правых - русские националисты.

Последние основой своего движения положили защиту интересов русской нации, что для черносотенцев было, менее значимым по сравнению с защитой интересов монархии.

В мае 1908 г. был создан Всероссийский Национальный Союз из ряда умеренно правых депутатов III-ей Думы, составляющих фракцию националистов численностью около 100 человек во главе с П.Н. Балашовым. Возникновение фракции стало возможным под покровительством П.А.Столыпина.

Всероссийский Национальный Союз, принявший свой устав в июне 1908 г., ориентировался на такие установки, как господство русской народности, укрепление сознания русского единства, развитие русской культуры, укрепление русской государственности и т.д.

Однако за пределами Государственной Думы националисты не были влиятельны и не смогли создать влиятельную политическую партию. Националисты остались в истории лишь как парламентская фракция и федерация клубов в ряде городов российской империи. Всероссийский Национальный Клуб был открыт 21 февраля 1910 г.

Националисты не представляли развитие России без гражданских свобод. В этом смысле их вполне устраивал Манифест 17 октября 1905 г. Могущество русского государства мыслилось ими на основе мощи слоя собственников, осознающих свои национальные русские интересы. Логично отношение националистов к интеллигенции, как к не национальному слою, подлежащему перевоспитанию. Позиция националистов в чем-то близка к октябристским взглядам, не случайно П. А. Столыпин поддержал их. Однако развитие национальное движение не получило, так как с самого начала националисты представляли собой элитную группу, что не дало им возможность привлечения на свою сторону масс.

Монархическое движение являлось составной частью общероссийского политического процесса. Его появление на политической сцене во время первой русской революции было закономерным. Создание черносотенных и национальных организаций было логическим продолжением развития консервативной мысли в России. На протяжении нескольких десятилетий рубежа XIX-XX вв. консервативная идеология эволюционировала от чисто теоретических размышлений о России и русском народе до вполне состоявшихся политических партий. В процессе развития консервативная мысль менялась, что послужило причиной возникновения различных модификаций консерватизма. Однако все эти модификации продолжали опираться на такие базисные консервативные принципы, как традиционализм, культ сильного государства, опора на народную религиозность (православие как инструмент духовного единения народа) и т. д. Следует также заметить, что целый ряд правых партий начала XX века опирался на консервативные идеи, составлявшие основу славянофильской теории. Не случайно, по мере развития и углубления общественно-экономического кризиса многие партии пересмотрели тезис о незыб-

лемости самодержавия в России и обратились к славянофильскому принципу: «Сила власти - царю», «сила мнения - народу». В целом актуальность изучения опыта правого движения в думской России начала прошлого века в настоящее время не только не уменьшилась, но приобрела новое звучание в условиях функционирования многопартийной системы.

¹ Грингмут В.А. Руководство черносотенца-монархиста. Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. IV. М. 1910. С. 136

² См. История политических партий России.// Под ред. Зевелева А.И. М., «Высшая школа», 1994. С. 11

³ Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция. М. 1998

⁴ Программы политических партий России. Конец XIX - нач. XX вв., М., 1995

⁵ Грингмут В.А. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913

⁶ История политических партий в России. Под ред. Зевелева А.И. С. 64

П.Б. Стукалов

«ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ – ИДЕОЛОГ РУССКОГО НАЦИОНАЛ-КОНСЕРВАТИЗМА»

В последнее время одной из центральных тем в отечественной историографии стали проблемы консерватизма и правого общественного движения. По данным вопросам за последние пятнадцать лет написана масса литературы, опубликованы разнообразные источники, проведены многие научные конференции. Удивляться этому не стоит, поскольку названные проблемы имеют поистине огромную политическую и научную актуальность. Катализатором возрождения и развития интереса к русскому консерватизму послужили глобальные изменения в геополитике, связанные с крушением СССР, а вместе с ним и идейной доктрины всего советского общества. Как считает один из ведущих отечественных исследователей данной проблематики, доктор исторических наук Искра Л.М., - «Крушение СССР и советской социалистической модели вызвало у патриотической части нашей общественности стремление обрести новую национальную идею, опираясь на которую можно будет возродить расчлененную, униженную, ограбленную и слабую ныне Россию, вернуть ей статус великой державы, обеспечить государственное единство восточным славянам, открыть нашему народу путь к процветанию и достойной жизни»¹. С данным утверждением действительно сложно поспорить. Отсутствие определенной национальной доктрины сводит на нет все попытки современного российского руководства достичь стабильного динамичного развития страны, достойного уровня жизни ее граждан. Тем не менее, именно успешное изучение и усвоение идеологических принципов русского консерватизма во всех его проявлениях, по нашему мнению,

должно сыграть решающую роль в процессе возрождения некогда великой державы.

Следует заметить, что консерватизм, как идеология и практика, проделал в условиях развития российского государства длительную эволюцию. Возникший в начале XIX века русский вариант консерватизма претерпел в дальнейшем значительные изменения, прошел несколько этапов в своем развитии, с течением времени сформировались различные его течения и направления – охранительный консерватизм, славянофильский, либеральный, национал – консерватизм. Последняя его разновидность сформировалась в начале XX века и представляет, на наш взгляд, наибольший интерес.

Следует, в первую очередь, подчеркнуть, что научных работ, посвященных национал-консерватизму не так уж много. Можно назвать лишь несколько серьезных монографий, посвященных проблемам его становления и развития, хотя сегодня все большее число исследователей обращается в своих работах к данным проблемам. Именно по этим причинам ученым пока не удалось сформулировать однозначного оценочного мнения по этим вопросам. В этом отношении особенно интересны мысли Д.А. Коцюбинского, М.Б. Смолина, А.Л. Янова, высказанные ими в своих, специально посвященных данной проблематике работах. Все эти исследователи, тщательно изучив историю формирования и идеологического оформления национал-консервативной доктрины, пришли, однако, к совершенно противоположным выводам по поводу оценки этого явления. Если Коцюбинский и Смолин призывают специально обратить внимание на изучение и восприятие позитивного опыта русского национал -консерватизма начала XX века, в целом положительно оценивая его идеи, то Янов в категорической форме определяет эту идеологическую систему, как первую и главную причину катастрофы Российской империи, заявляя, что своим современным положением Россия «обязана» именно ему. Не пытаясь тщательно проанализировать полемику, связанную с этим вопросом, остановимся лишь на констатации отчасти бесспорных фактов возникновения русского национал-консерватизма, как оформленной идеологической доктрины.

Итак, с одной стороны, совершенно очевидным представляется тот факт, что национал-консерватизм являлся новым идеологическим феноменом в русской общественной жизни, который впервые заявил о себе лишь в начале XX века. Пожалуй, главной характерной чертой нового направления русского консерватизма была именно его органическая связь с националистической идеологией. С другой стороны, совершенно понятно, что предпосылки для формирования «организационного национализма» имели место в России и в более раннее время. Например, национализм был в той или иной мере частью доктрины официальной народности, теоретических построений славянофилов, однако самостоятельного значения в то время он не имел. Очевидно, поэтому и то, что новая идеология длительное время «вызревала» в рамках кон-

серватизма и явилась его очередным проявлением в новых исторических условиях Российской империи начала XX века.

Представляется, что национал-консерватизм стал ответом на появление сепаративного национализма отдельных народностей Российской империи, который получил импульс к развитию как раз в это время. Этот процесс напрямую был связан с изменением социально-экономического уклада Российской империи, с развитием капитализма.

Раннее национальный вопрос в Российской империи приобретал актуальность для правительства лишь в контексте решения польской, северокавказской и отчасти финской проблем, в то время как остальные части империи представляли собой замкнутые хозяйственные «ниши», которые жили «своей» жизнью и пользовались даже определенными привилегиями. Развитие капиталистических отношений привело не только к экономической интеграции различных частей империи, что само по себе вызвало немало социальных проблем, но и к росту национального самосознания отдельных малых наций и народностей. Под влиянием подобного рода процессов формировалась национальная элита, которая и стала в итоге носителем идей сепаративного национализма.

С другой стороны, очевидно, то, что националистическая идеология в России окончательно сформировалась лишь в начале XX века под непосредственным влиянием бурных событий первой русской революции. Только первая русская революция, вихрем прошедшая по Российской империи, не только изменила политическую систему самодержавия, но и явилась первопричиной оформления национализма в самостоятельную доктрину. Вопрос о причинах такого влияния революционных событий на синтез националистической идеологии не может быть основательно раскрыт в рамках данной работы, выразим лишь мнение о том, что именно революция 1905г показала реальность краха не только политической структуры Российской империи, но и, в известной степени, всего государства. Поэтому не удивительно, что революция сплотила не только левых, но и явились причиной объединения всех тех сил, для которых главной задачей было предотвращение подобных событий раз и навсегда.

Революционные события породили множество различного рода откликов у образованной части российской интеллигенции. В их рядах началась поистине масштабная дискуссия по проблемам современной им политической реальности, которая привела в конечном итоге к жесткой поляризации общества. Настоящим катализатором этих процессов, безусловно, стал Манифест 17 октября 1905 г. Благодаря ему нарождающиеся политические лагеря смогли организационно оформиться в политические партии, что ознаменовало собой качественно новый этап политического развития российского общества.

В организационном оформлении русского национал –консерватизма центральную роль национально настроенные ученые, политики, дворянство,

публицисты, отставные военные, образованная русская молодежь. Уже в ходе революции в трудах известных русских публицистов были сформулированы основные задачи и цели стоящие перед будущей националистической партией. Так, например, М.О. Меньшиков, известный публицист и теоретик русского национализма, в феврале 1908 года написал статью, посвященную как раз этой проблеме. В ней он совершенно ясно сформулировал собственное отношение к будущей политической организации- «На предполагаемый национальный Всероссийский союз я гляжу как на попытку единения русских людей с единственной целью: отстоять Россию от инородческого вторжения, восстановить древнюю силу власти в единении с русским народом, укрепить пошатнувшийся народ наш на завоеванном предками материке.»²

П.И. Ковалевский видел основную задачу будущей политической организации в служении народу, в близости ему – «Национальная партия тогда будет национальной, когда она будет народной. Она будет заключать в себя не только одну интеллигентскую часть нации, но объединить в себе интеллигенцию и народ – основу нации».³ Апелляция к народу и его «национальному духу» явилась в итоге центральным элементом в вопросе о целях новой организации.

Много внимания уделили основатели новой политической партии и отношению к своим близким союзникам. Вопреки распространенному мнению о том, что русский национализм начала XX века являлся одним из вариантов черносотенной идеологии и практики, следует, по нашему мнению, утверждать обратное. Меньшиков в 1907 году, когда шел процесс образования нового политического объединения, утверждал, что «основной грех черносотенных союзов в том, что они не национальны»⁴. Черносотенцы, писал Меньшиков, сторонники неограниченной монархии, отвергнутой монархом, и недостаточные националисты, они выступают против роста фабрично-заводской промышленности, а это чревато утратой Россией положения великой державы. Наконец, в список грехов Черной Сотни Меньшиков добавляет то, что они увлечены защитой русского прошлого и не думают о будущем. Таким образом, русские националисты стремились подчеркнуть свою дистанцию от движения черносотенства.

В то же время, хотя М. О. Меньшиков не во всем понимал позицию крайне правых, не разделял некоторые их положения, но он был честен по отношению к ним и признавал их заслуги перед Отечеством. «Непростительно забыть, — писал он в 1911 году, — какую роль сыграли, например, покойный Грингмут в Москве или Дубровин в Петербурге, Дубасов — в Москве или Дурново — в Петербурге, Семеновский полк в Москве или вся гвардия в Петербурге. Что главная осада власти и центральный штурм ее были в Петербурге и в Москве... Инородческая революция пыталась поразить империю в самом ее сердце — вот отчего в обе столицы понабилося столько мятежников и пристанодержателей бунта. Мы... не принадлежим к Союзу русского наро-

да, но было бы или актом невежества, или черной неблагодарностью забыть, что наши национальные начала были провозглашены еще задолго до возникновения партии националистов — именно такими "черносотенными" организациями Петербурга, каково Русское собрание и союз г-д Дубровина и Пуришкевича. Если серьезно говорить о борьбе со смутой, действительной борьбе, не на живот, а на смерть, то вели ее не киевские националисты, а петербургские и московские монархисты».⁵

В отношении остальных участников политической жизни тогдашней Российской империи идеологи русского национализма занимали однозначную позицию — непримиримо относились ко всем политическим объединениям и партиям, стоявшим за ликвидацию монархического правления, по политическим взглядам, постоянно балансировали между октябристами и черносотенцами, хотя позиция первых была им первоначально несравнимо ближе.

Организационно националисты оформились в политическую партию только в 1908 году, когда пожар революции уже стих, а основные участники политической жизни уже заявили о себе. По инициативе того же М.О. Меншикова, весной —летом 1908 года, Всероссийский национальный союз, был создан. Основу его первоначально составили ряд умеренно-правых депутатов III Думы, составлявших фракцию националистов численностью около 100 человек во главе с П. Н. Балашовым. Важно, что идея создания ВНС встретила поддержку и у министра внутренних дел П.А. Столыпина, который всячески способствовал его организационному оформлению.

Членами Всероссийского национального союза были и многие известные ученые, такие, как профессор Петр Яковлевич Армашевский, профессор Платон Андреевич Кулаковский, профессор Николай Осипович Куплевасский, профессор Павел Иванович Ковалевский, профессор Петр Евгеньевич Казанский и другие. В Главном совете Всероссийского национального союза состоял и М. О. Меншиков, публицистические выступления которого в «Новом времени», как уже было сказано, во многом подготовили идеологическую (идейную) почву для появления союза.

Целями союза, по уставу, были исповедуемые им начала — единство и нераздельность Российской империи, ограждение во всех ее частях господства русской народности, укрепление сознания русского народного единства и упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством.⁶

Образовавшийся ВНС, прошедший в идейно- политических воззрениях длительную эволюцию, так и не стал в итоге влиятельной крепкой политической организацией. Достаточно сказать о том, что националисты остались в истории лишь как парламентская фракция и федерация клубов в ряде городов империи. К началу мировой войны ВНС, по меткому замечанию В. Лебедева, представляли собой штаб без армии⁷ - влиятельную думскую фракцию, сеть клубов, сочувствующую прессу, но чисто партийных организаций фактиче-

ски не существовало, единого органа печати тоже, а к 1915 году в организации произошел раскол, результатом которого стало сближение части националистов с октябристами и образование Прогрессивного блока.

Причины такого положения ВНС были разнообразными. Не вдаваясь в детальный их анализ, скажем, что главной из них была органическая противоречивость идейных и политических установок ВНС, что убедительно доказал в своей монографии Д.А. Коцюбинский, а также их известная «искусственность» и «размытость», что не позволяло найти для организации мощную социальную базу. В этом отношении ВНС был скорее не влиятельной политической партией, а всего лишь необходимым инструментом для функционирования думской системы третьиюньской монархии. Таким образом, неудивительно, что в деятельности ВНС наступил кризис уже после 1911 года, когда с политической арены сошел его покровитель П.А. Столыпин, а построенная им политическая система перестала существовать.

Такой представляется нам краткая история формирования и эволюции русского национал – консерватизма. Теперь хотелось бы подробнее остановиться на взглядах одного из его идеологов, основателей ВНС, профессора психиатрии Павла Ивановича Ковалевского.

П.И. Ковалевский (1849-1923гг) являлся очень разносторонне развитым человеком. С одной стороны, внес огромный вклад в развитие медицины, а именно психиатрии, стал создателем целой школы этого направления на Украине, являлся профессором кафедры психиатрии Харьковского университета, позднее деканом его медицинского факультета, ректором Варшавского университета, руководителем ведущих медицинских изданий того времени. Ковалевский внес огромный вклад и в организационное оформление медицинской научной мысли, так как под его руководством впервые стали проводиться съезды отечественных психиатров.

В то же время Павел Иванович профессионально занимался историей, этнографией, исторической антропологией, активно применял свои многосторонние медицинские знания при рассмотрении конкретных исторических фактов и событий. По нашему мнению, следует с уверенностью говорить о том, что Ковалевский создал новое направление в исторической науке, основные теоретические постулаты которого он формулировал в своих работах.⁸

Ковалевский, как было сказано, не оставался в стороне и от политической жизни страны. В своих публицистических произведениях профессор психиатрии четко сформулировал основы доктрины русского национализма, стал одним из создателей и членов ВНС.

Безусловная заслуга Ковалевского в том, что он сформулировал теоретические дефиниции основных элементов националистической идеологии. В первую очередь, профессор определил понятие нации, как центрального элемента во всей идеологической системе национал-консерватизма – «Нация –

большая группа людей, объединенных между собою единством происхождения, – единством исторических судеб и борьбы за существование, – единством физических и душевных качеств, – единством культуры, – единством веры, – единством языка и территории.». ⁹ Определение нации, данное Ковалевским, отнюдь не бесспорно, однако ориентируясь именно на него, профессор выделять различные их группы и виды. Для Ковалевского нации, прежде всего «историческое» образования, имеющие разную судьбу, внесшие различный вклад в мировую историю. Так, например, рассматривая всю сложность национальных проблем в Российской империи, Ковалевский подчеркивал, что единственной «державной» нацией в данном геополитическом образовании являются русские, обосновывая это именно их историческим вкладом в дело создания империи. Исходя из такого подхода, профессор создавал иерархию наций, выделяя ведущие и подчиненные, именно исходя из той роли, которую они сыграли в мировой истории.

Большое внимание обращал Ковалевский и на теоретическое обоснование понятие «национализм». Основой для определения национализма является, по Ковалевскому, сочетание национального чувства, как «элемента, связующего членов державной господствующей нации, его цемента, одушевляющего и одухотворяющего начала» ¹⁰ и национального самосознания, как «познания факта сходства со своими соотечественниками в известных общих физических качествах, языка, веры, обладания известными культурными ценностями, участия в образовании этих ценностей на благо нации, -и познание того, что этими качествами они отличаются от других наций». ¹¹ Таким образом, всякий национализм складывается из статичного фундаментального элемента – национального чувства (прирожденной принадлежности физической и душевной организации ¹² и вытекающего из него «движимого, изменяющегося» начала – национального самосознания, которое является «актом мышления и вытекает из бытия нации». ¹³ Национализм, по Ковалевскому, это, прежде всего, определенная система поведения, моральных принципов, отношения

к своей нации – «Национализм – это проявление уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем, – почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в будущем – той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит.». ¹⁴

Понятия «национализм», «нация», являются, безусловно, ключевыми во взглядах Ковалевского. Эти понятия для него – это дефиниции, определяющие его отношение к любой проблеме, событию, факту, приоритеты внутренней и внешней политики государства.

Большой интерес представляла для Павла Ивановича русская история. В работе «История России с национальной точки зрения» Ковалевский прослеживает эволюцию российской государственности вплоть до времени

Николая II, оценивая политику всех русских монархов. Критерием этой оценки является для Ковалевского принцип национального прагматизма, то есть сообразия политики интересам русского народа. Под русским народом, Ковалевский понимает русских, малороссов и белоруссов, которые внесли решающий вклад в дело создания Российской империи, став в ее пределах «державной» нацией. В своей работе профессор формулирует основы исторического бытия русского народа. Взгляды Ковалевского, в этой связи, соотносятся в определенной степени со славянофильскими представлениями. Профессор вслед за ними однозначно и ясно формулирует основы исторического бытия русского народа – самодержавие, православие, народность, подчеркивает самобытность его национальных черт. Однако, в то же время, определяет центральным элементом этой фундаментальной триады русских национализм, порождением которого являются, по его мнению, форма политического и управления и господствующая вера. При этом право на существование в русских исторических условиях двух последних элементов знаменитой триады Ковалевский выводит из конкретных исторических фактов (например, Смута), когда самодержавие и православие оказались спасителями российской государственности, доказав тем самым свой «национальный характер». – «Спасение России вышло из народной массы и православной церкви, объединившей эту народную массу»¹⁵. При этом русский народ, руководствуясь органически присущим ему чувством «национальной благодетельности», создал ту форму политического управления, которая оптимально отражала бы его национальную психологию и устремления. – « Народ осознал, что во главе должен быть самодержавный царь, а не избранный только волею народа и им управляемый. Царь этот должен быть по праву...».¹⁶

Таким образом, в отличие от славянофилов, Ковалевский считал, что элементы триады православие, самодержавие, народность, не имеют своего самостоятельного значения, а определяются волей господствующей нации. Именно, национальные творчество и «национальный провиденциализм» и есть, по Ковалевскому основная движущая сила русской истории.

В этой связи интересным является анализ отношения Ковалевского к религиозным концепциям вообще и к православию в частности. Будучи, в первую очередь, естествоведом, Ковалевский в своем естественно – историческом очерке «Мироздание», обосновал с научной точки зрения процесс возникновения и развития материального и биологического мира, однозначно сформулировал отношение к религиозному мировоззрению – « Во всем развитии Бытия мы имеем в виду три элемента: вещество или материю, силу или душу ее и законы, по которым вселенная живет. Но где же Бог и нужен ли Он? Как кому угодно. Бог может быть и может не быть...».¹⁷ Само по себе такое утверждение говорит не о чем ином, как о критическом отношении профессора к идее существования Бога, о его атеизме, так как подвергается сомнению основной элемент любого религиозного мировоззрения. Бог может

быть, если это утверждение будет необходимым для «нуждающегося и слабого человека»,¹⁸ но без него можно и обойтись. Полезность религиозного учения Ковалевским определяется той ролью, которую оно играет в историю того или иного государства. Для России, в этом смысле, православие необходимо, так как для нее исторически «единственное прибежище, усиление и защита заключалась в православной церкви, которая принесла и спасение России».¹⁹ Православие является той мировоззренческой концепцией, которая соответствует русскому национальному духу – «Русская нация находит свое удовлетворение не во внешней благодарности, а в себе самой, в самой вере, в своем сознании содеянного добра. Православие есть та формула, в которой душа русского народа находит себе удовлетворение и сама уже православие в дальнейшем утверждает и укрепляет прирожденные, присущие русской нации черты».²⁰

При этом, что характерно и для остальных русских националистов, Ковалевский абсолютно не считал, что православие и самодержавие в России должны оставаться абсолютно неизменными «патриархальными» началами российской государственности. Оценивая бурные события российской истории начала XX века, профессор видел основную причину социального и политического взрыва, как раз в том, что два исконных начала российской государственности в данный период времени перестали соответствовать «национальным» устремлениям нации, поэтому непременно должны быть реформированы в некоторых своих проявлениях. Поэтому, совершенно неудивительно, что Ковалевский, а за ним и другие видные националисты совершенно спокойно относились и к Манифесту 1905 года, да и к парламентской деятельности в России, не видя причин быть не довольными изменением основ государственного устройства Российской империи. Наоборот, националисты видели главную задачу Государственной Думы в том, чтобы защищать русские государственные интересы и обеспечить наилучший качественно новый уровень развития русского национального самосознания.²¹

Таким образом, по нашему мнению, основной характерной чертой историософских взглядов Ковалевского стал тот факт, что в качестве творческого и деятельного элемента истории любой страны он видел нацию, то есть всех ее представителей, вне зависимости от происхождения, социальной страты и, которая и определяла специфику элементов «политической инфраструктуры» в соответствии с принципом «национального благообразия». Доказательством этому утверждению выступает и известный демократизм взглядов Ковалевского. Определяя нацию, как соединение пресвященной ее части, то есть интеллигенции и остальной части, то есть русского народа, профессор поднимает проблему отдаления народа и интеллигенции, говоря, соглашаясь с Лавровым, о «неоплаченном долге» русской интеллигенции перед своим родителем, русским народом. Поэтому первостепенный долг русской национальной партии, которая по мысли Ковалевского, и должна стать

представительницей лучших сынов интеллигенции – «заботиться о благе, счастии, величии, мощи сознании всей русской нации, но первое всего о благе, счастии, величии, мощи сознании и праве русского крестьянина, русского народа», прежде всего потому, что «русский народ – это мощь государства, это сила государства, это величие государства».²² Именно поэтому русская национальная партия первое всего должна стать народной демократической партией и только в таком случае она будет иметь право называться национальной партией».²³

Политическая структура Российской империи должна, таким образом, отражать эволюцию национального самосознания державной нации. В этом отношении, впрочем, как и другие представители националистической мысли в России, Ковалевский призывал использовать опыт построения государственности в странах западной Европы. «Западничество» в теоретических построениях Ковалевского в этом смысле должно было только облагородить русское государство, дать новые современные формы национального бытия русского народа. Поэтому профессор психиатрии неоднократно высказывался за развитие парламентаризма в России, естественно в рамках политической системы конституционной монархии, местного самоуправления, прежде всего, расширения его экономических прерогатив, равноправие других наций и национальностей, проживающих на территории Российской империи при условии признания приоритета и преимуществ государственного бытия державной русской нации.

Принцип «национального соеобразия» являлся центральным для Ковалевского не только касательно политического устройства Российской империи. Много внимания уделял профессор и его реализации в отношении внешней политики, сформулировав основные теоретические основы ее проведения.

В «историческом очерке русского национализма» автор оценивает развитие «инстинктивного чувства национализма» и делает вывод о том, что главными характеристиками геополитического положения России допетровского времени были замкнутость и изолированность – «Россия не имела Китайской стены физически, но такая стена существовала морально...», благодаря чему «русские только замкнутостью сохранили свою самобытность».²⁴ Внешнеполитическую деятельность Петра Ковалевский оценил высоко, назвав его «великим националистом»,²⁵ однако именно после эпохи великих петровских реформ естественный геополитический баланс Российской империи был разрушен, «благодаря» чему русский народ попал в подчиненное положение в собственной же стране. Такие внешнеполитические акции как присоединение Польши и Финляндии оцениваются Ковалевским резко отрицательно, поскольку входить в состав России могут, по его мнению, лишь те народности, которые исторически «прониклись» русским духом. Получив же Польшу и Финляндию, Россия приобрела лишь «пороховой погреб» внутри

себя, вследствие «исторической несовместимости» с польским и финляндским этносом. Таким образом, в основе проведения внешней политики Российской империи должен так же находиться принцип национального прагматизма – политика должна удовлетворять интересам лишь русской нации.

При этом центральная мысль Ковалевского заключается в том, что Россия в известной степени должна вернуться к первоначальному состоянию внешней изолированности. Оценивая развитие отношений России с европейскими странами, мыслитель совершенно однозначно подчеркивает, что «русский народ, в силу прирожденного ему чувства всечеловеченья, проливал кровь везде и всюду, где только ему указывали на несправедливость и засилье». ²⁶ Русские боролись за совершенно чуждые им интересы, ради победы христианской справедливости и нравственности, но благодаря именно этому факту Россия попала в зависимое положение, даже от своих « кровных славянских братьев»: « мы добились того, что все наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков.....», а вместо уважения и преданности готовы были « лягнуть эту глупую Россию». ²⁷ Ковалевский задает прямой вопрос, сколько мы будем терпеть такой ход событий, если «мы жили без них и проживем без них»? ²⁸ Ответ может быть, по Ковалевскому, только один: - « Россия ни в ком не нуждается и может существовать одна без всяких союзников и помощников». ²⁹

Отсюда вытекает главная практическая рекомендация Ковалевского в отношении западных и южных славян – никакой помощи и поддержки, поскольку «славянство в мировом значении – это мы и пока, к сожалению, никто больше». ³⁰ Безусловно, по Ковалевскому, следует развивать культурные и экономические связи со славянским миром, однако участвовать в войнах ради их благополучия просто « глупо и бессмысленно».

По поводу отношений со странами Западной Европы Ковалевский также высказывается прямо и безапелляционно - Россия не должна вступать в тесные контакты ни с одной из европейских держав, поскольку Российская империя - это их самый главный враг. «Все эти наши друзья и союзники бояться нас и ненавидят всеми силами своих испорченных заячьих душ...». ³¹ При этом мыслитель не отрицал возможности доброжелательных отношений со странами Европы, но только в «прагматических» целях, под которыми имел в виду, прежде всего, экономическое сотрудничество.

Много внимания уделял Ковалевский и так называемому национальному вопросу внутри Российской империи. Основная посылка мыслителя в этом вопросе заключалась в признании безусловного приоритета русской нации, поскольку – «В создании Российской империи работали только одни русские, поэтому они должны быть признаны господствующей нацией..... говорить о равных правах всех наций едва ли правильно и справедливо». ³² Относиться к другим нациям стоит, по его мнению, исходя из их национального, социального и политического положения. Однако, подобного рода вы-

сказывания не означали допущения Ковалевским национального притеснения в рамках империи. Признавая империю единым и неделимым государством, в котором равноправие других наций может быть осуществлено лишь на основе признания «верховных» прав русских, профессор допускал за всеми нерусскими жителями империи право на свободное развитие своих национальных ценностей в рамках единого государства.

Таким образом, рассмотрев основополагающие положения взглядов Ковалевского, стоит сделать следующие выводы:

- 1) Павел Иванович Ковалевский являлся одним из создателей и типичным представителем национал-консервативной идеологии.
- 2) Взгляды Ковалевского базируются на признании а качестве основополагающих компонентов российской государственности триады народность – православие – самодержавие, что сближает его с представителями других течений в рамках консервативной идеологии.
- 3) Основным принципом проведения государственной политики, по Ковалевскому, является «национальный прагматизм», - сообразность интересам господствующей русской нации.
- 4) Демократизм – неотъемлемая черта взглядов Ковалевского, так как основу нации составляет народ – движущая сила исторического развития, чьи интересы должны учитываться в первую очередь.
- 5) Бесспорное признание достижений западной цивилизации, связанных с построением национальной государственности и следование европейскому опыту – характерная черта концепции Ковалевского.

Таковыми нам представляются основные черты идеологической доктрины профессора Павла Ивановича Ковалевского. Безусловно, данная работа лишь обозначает, узловые проблемы доктрины одного из идеологов русского национал-консерватизма начала XX века и является первым этапом их пристального изучения.

¹ Искра Л.М. Русский консерватизм поражения и перспективы//Материалы международной научной конференции «Правый консерватизм в России русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж 13-15 октября 2004г. – (<http://www.conservatism.narod.ru>)

² Меньшиков М.О. Всероссийский национальный союз//М.О. Меньшиков Письма к ближним. 21 февраля 1907г. –(<http://www.menshikow.ru>).

³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.112

⁴ Меньшиков М.О Письма к ближним Год VI./М.О. Меньшиков.-С-Пб,1907.-с83

⁵ Меньшиков М.О Письма к ближним/М.О Меньшиков , -С-Пб.1912. –с 280

⁶ Смолин М.Б. Очерки имперского пути: Извест. рус. консерваторы второй половины XIX-первой половины XX в. / М.Б.Смолин.- М. Наука,-2000.- с.25.

⁷ Лебедев С.В. Альтернатива справа. Национально – патриотическое движение в России. Историческая традиция. Идеологическое направление и перспективы. / С.В. Лебедев.-Спб,1999.-с.103-104.

⁸ См. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.-с.395История России с национальной точки зрения национально – исторический очерк, Спб,1912 –с.108. Психология русской нации. Спб, 1915. –с96. .История Мало-

россии. - СПб. -1912 г. С.238 и.т.д.

⁹ Ковалевский П.И. Психология русской нации/П.И. Ковалевский .- СПб,1915. –с.15.

¹⁰ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.83.

¹¹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.83.

¹² Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.85.

¹³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.85.

¹⁴ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.91

¹⁵ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Национально –исторический очерк / П.И. Ковалевский .-СПб,1912 –с.107.

¹⁶ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Национально –исторический очерк / П.И. Ковалевский .-СПб,1912 –с.108.

¹⁷ Ковалевский П.И. Мироздание. Естественно-исторический очерк/П.И. Ковалевский.-СПб -1912. – с.117-118.

¹⁸ Ковалевский П.И. Мироздание. Естественно-исторический очерк/П.И. Ковалевский.-СПб -1912. – с.120.

¹⁹ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Национально –исторический очерк / П.И. Ковалевский .-СПб,1912 –с.105.

²⁰ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. Национально –исторический очерк / П.И. Ковалевский .-СПб,1912 –с.48.

²¹ Коцюбинский Д.А .Русский национализм в начале XXстолетия./Д.А. Коцюбинский .- М. 2001.- с.163-164.

²² Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.89.

²³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.89

²⁴ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.83.

²⁵ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.83.

²⁶ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.175.

²⁷ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912.- с.176.

²⁸ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912. – с. 177

²⁹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912. – с. 177

³⁰ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912. – с. 179

³¹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912. – с.176

³² Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. / П.И.Ковалевский.- С-Пб,1912. – с.139-141.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

А.А. Романовский

БАЛАНС ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ ВО ФРАНЦИИ ПРИ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Понятие «конфликт» применяется сегодня очень часто и в общественно-публицистической, и в строго научной литературе. Понятие «политический конфликт» еще более актуально, ведь именно в политике противоречия и разногласия между различными субъектами проявляется наиболее остро. Государственно-правовые конфликты – институализированные, преимущественно рациональные, публичные политические конфликты, возникновение их большей частью в существующей политической системе запрограммировано. В тех случаях, когда такие конфликты протекают в институализированных, правовых рамках, они не разрушают, а укрепляют политическую систему, выполняя по отношению к ней и обществу в целом конструктивные функции.¹

Достаточно распространенными являются конфликты как между институтами власти (законодательной и исполнительной), так и между государственно-правовой системой и оппозицией. На наш взгляд, одной из главных причин подобного рода противостояний является изначальное нарушение баланса политических сил, закрепленное на законодательном уровне. Один из способов разрешения таких конфликтов – возможность установления равновесия сил на практике.

Несмотря на то, что с момента образования Пятой республики во Франции полномочия президента были существенно расширены, политическая практика пошла еще дальше, прибегая к своеобразному толкованию Конституции, что приводило к полному отходу от первоначального смысла некоторых ее статей. Появились прецеденты, которые, повторяясь, стали обычаями, и реальность сделалась далекой от буквы закона.

Вот как охарактеризовал место Конституции в режиме Пятой республики депутат-социалист А. Шандернагор, выступая в Национальном собрании: «Все происходит так, как если бы имелось две конституции: одна конституция, писаная, применима только по отношению к парламенту и позволяет поддерживать ряд фикций – фикцию парламента, фикцию правительства, - существование которых удобно для придания режиму республиканского характера, и одновременно конституция, основанная на обычае, которую Пре-

зидент Республики создает по воле своего темперамента и в зависимости от нужд, диктуемых его деятельностью...»²

Прерогативы главы государства во всех областях государственной жизни стали настолько обширны, что, например, профессор Б. Лавернь считает, будто проще перечислить те полномочия, которых президент не имеет.³

Эти слова подтвердил своими действиями и сам Президент Республики. Уже через неделю после своего избрания Ш. де Голль в речи от 28 декабря 1958 г. сказал: «Вождь Франции и глава республиканского государства, я осуществляю верховную власть во всей полноте, которую она отныне предполагает».⁴ «Президент, очевидно, единственный, кто должен осуществлять и направлять государственную власть...», – уточнил де Голль на своей пресс-конференции 31 января 1964 г.⁵ Генерал осуществил свои намерения и на практике. В период правления де Голля получила очень широкое распространение теория так называемой зарезервированной за президентом области. Так, только за ним были закреплены вопросы международных отношений, обороны и Сообщества. По выражению известного французского политика Р. Барра, президент «гарант, а не управляющий». Он воплощает постоянство, преемственность республиканских институтов, тогда как премьер-министр отвечает за текущее управление государственными делами.⁶ Однако впоследствии и этот баланс был нарушен. Например, Президент Ж. Помпиду значительно расширил сферу «зарезервированной области» и лично решал наряду с проблемами внешней политики, например, вопросы школьного образования и строительства. Охотно вмешивался в самые разные области жизнедеятельности и В. Жискара д'Эстэн. Как считает французский юрист Ф. Ардан, не существует резервированной сферы деятельности президента, «так как все сферы для него открыты».⁷

Таким образом, одним из самых сложных вопросов развития французского государства явилось распределение полномочий между избираемым всеобщим голосованием президентом и теоретически опирающимся на большинство в Национальном собрании премьер-министром.

Лояльность премьер-министра президенту во многом была основана на политической практике первых лет существования Пятой республики. Как считает политолог М. Дюверже, глава правительства «играет в Пятой республике роль подставного лица, покрывающего политику президента, так же как последний играл в предшествующих республиках роль подставного лица, покрывающего политику премьер-министра».⁸

Схожей точки зрения придерживается профессор Сорбонны Ф. Ардан. «Премьер-министр служит своеобразным щитом для президента, – считает исследователь. – Именно он возлагает на свои плечи груз возможной непопулярности политики президента».⁹

Рассматривая проблему взаимоотношений президента и главы правительства, несложно обнаружить и явные расхождения между действующими

юридическими нормами и сложившейся политической практикой во Франции. Статья 8 Конституции гласит: «Президент Республики назначает Премьер-министра». Юридически он полностью свободен от каких-либо условий, в том числе обязанности запрашивать мнение парламентариев. Первый Президент Пятой республики и его преемники истолковывали свою прерогативу назначения премьер-министра как необходимость не столько считаться с мнением большинства депутатов, сколько влиять на парламент, чтобы привести его мнение в соответствие с позицией главы государства, выражающего «общие интересы». Однако на сегодняшний момент учет президентом расстановки политических сил в парламенте при назначении премьер-министра — неотъемлемый элемент политической системы.¹⁰

Стоит обратить внимание и на тот факт, что право назначения премьер-министра не уравнивается по Конституции симметричным правом его смещения. Однажды назначенный глава правительства не может быть произвольно уволен, если только он сам не подаст в отставку (или если Национальное собрание не примет большинством голосов резолюцию порицания). Другое дело, что на практике президент в необходимых случаях стал «предлагать» премьер-министру, с которым он больше не желает сотрудничать, «добровольно» подать в отставку. Практика назначения членов правительства также пошла по противоположному пути. На деле президент не «принимает предложение премьер-министра» (так сказано в Конституции), а сам диктует последнему состав правительства. Конституция представляет инициативу смещения членов правительства также только премьер-министру, фактически же смещение министров происходит главным образом по инициативе президента и премьер-министр играет при этом лишь формальную роль.¹¹

В политической практике Пятой республики получила распространение так называемая «отставка-смещение». Под этим термином подразумевается отставка правительства, прямо спровоцированная главой государства.

Конституция Франции в ст. 49 и 50 предусмотрела юридическую ответственность правительства перед Национальным собранием. Премьер-министр после обсуждения вопроса в Совете министров ставит перед нижней палатой парламента вопрос об ответственности правительства в связи с программой или декларацией об общей политике Совета министров. Неодобрение этой программы или декларации влечет за собой отставку правительства. В свою очередь и депутаты Национального собрания могут быть инициаторами постановки вопроса об ответственности правительства, внося резолюцию порицания (*Motion de censure*). Премьер-министр может также поставить вопрос о доверии перед нижней палатой парламента в связи с принятием конкретного закона. Наконец, премьер-министр может просить одобрения его декларации об общей политике и у Сената. Никакой иной ответственности ни перед каким-либо иным органом Конституция не предусмотрела.

Однако практика Республики пошла по совершенно иному пути: основной формой ответственности правительства стала на деле его политическая ответственность не перед парламентом, а перед главой государства. Отставка, поданная премьер-министром по требованию или по желанию президента и без какого-либо участия парламента, стала основной формой увольнения членов правительства. То есть фактически возник новый институт – институт политической ответственности правительства перед главой государства. Известно также, что де Голль требовал от своих премьер-министров уже при их назначении письменного заявления об отставке, но без указания конкретной даты.

Наилучшая иллюстрация этого «реального» права президента – уход в 1972 г. с поста Премьер-министра Республики Жака Шабан-Дельмаса.¹² Ситуация разворачивалась следующим образом. 23 мая 1972 г. правительство поставило вопрос о доверии в связи с декларацией, зачитанной Премьер-министром Ж. Шабан-Дельмасом в Национальном собрании. В итоге голосования 368 депутатов поддержали правительство, 96 – голосовали против. Однако уже 5 июля Премьер-министр направил Президенту Ж. Помпиду прошение об отставке, хотя в этот временной промежуток никаких серьезных событий не произошло. Президент принял отставку. Стоит ли говорить, что инициатива об отставке исходила лично от Ж. Помпиду.¹³

Иначе, чем по Конституции, было реализовано и право парламента на осуществление контроля за правительством. Первый абзац статьи 49 предусматривает две гипотезы: «Премьер-министр... ставит перед Национальным собранием вопрос об ответственности правительства по его программе... – употребление индикатива не допускает сомнений – речь идет об обязанности, – или, возможно, по декларации об общей политике», – наречие «возможно» ясно указывает, что в этом втором случае речь идет уже не об обязанности, а о простой возможности. На практике правительство зачастую перестало запрашивать у парламента вопрос о доверии. Во всяком случае, это не стало необходимостью.

Дело в том, что по Конституции, вопрос о доверии решается большинством поданных голосов. То есть относительное большинство депутатов может решить столь важный вопрос, и правительство (в случае выражения ему недоверия) вынуждено будет уйти в отставку.

На практике же правительство предпочитает дожидаться от парламента резолюции порицания – процедуры, которая инициируется депутатами. Данная резолюция принимается только в том случае, если она соберет большинство голосов депутатов, входящих в собрание, то есть не менее 289.¹⁴ А значит, и осуществить такую процедуру гораздо сложнее.

Отношения между парламентом и президентом также начали складываться так, что во многом выходят за конституционные рамки. На практике исполнительная власть оттеснила и стремится окончательно поглотить власть

законодательную, президент влияет даже на распределение руководящих постов в парламенте.¹⁵

Конфликты между исполнительной и законодательной ветвями власти – явление достаточно распространенное в политической жизни различных стран. В этом отношении опыт Французской республики весьма поучителен, особенно заслуживают внимания конституционные формы разрешения таких конфликтов.¹⁶ Генерал де Голль, стоявший у истоков Пятой республики, не скрывал своего враждебного отношения к парламентаризму, усматривая в верховенстве парламента первопричину политической нестабильности Четвертой республики, приведшей, в конечном счете, к ее падению. Конституция 1958 года, исчерпывающе зафиксировав в статье 34 компетенцию парламента, покончила с его верховенством в системе высших органов государственной власти страны. Для того, чтобы парламент не вышел за пределы своего нового статуса, особое место отводилось нововведению Пятой республики – Конституционному совету. По существу это была роль институционального гаранта нового баланса законодательной и исполнительной властей в стране.

Отныне все полномочия, выходящие за пределы компетенции парламента, были отнесены к сфере правительственной компетенции. Это породило наиболее типичную для Республики категорию конфликтов между парламентом и правительством – произошло вторжение законодателя в сферу исполнительной власти. Арбитром в разрешении этих конфликтов и стал Конституционный совет. Согласно статье 37 Конституции, в случае издания парламентом актов по вопросам, отнесенным к сфере правительственных полномочий, акты, принятые в форме закона, могут быть изменены декретом правительства, если Конституционный совет установит, что они носят регламентарный (подзаконный) характер. О практике Конституционного совета в этой области можно судить по следующей статистике. С ноября 1959 года по сентябрь 1985 года Совет принял 149 решений, связанных с применением статьи 37 Конституции. В 92 случаях Конституционный совет установил, что законодатель вторгся в сферу исполнительной власти. В 47 случаях акты Парламента были признаны имеющими частично законодательный или частично регламентарный характер. Лишь в десяти случаях Совет констатировал, что законодатель не вышел за пределы своих полномочий, то есть принимал законы, решая вопросы, отнесенные статьей 34 Конституции к его компетенции. Нельзя не согласиться с утверждением известного французского политолога М. Дюверже, что основная задача Конституционного совета состоит не в том, чтобы гарантировать защиту прав человека против всемогущества государства, а в том, «чтобы защитить исполнительную власть против вторжения власти законодательной».¹⁷

Однако, предоставив правительству статьей 37 Конституции сильное средство защиты от «произвола» парламента, Конституция Пятой республики оставила сам парламент практически безоружным против вторжения испол-

нительной власти в сферу его полномочий. Правда, споры такого рода могут решаться Государственным советом, но сам Государственный совет является элементом исполнительной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть конституционный механизм защиты сфер законодательной и исполнительной властей от взаимных нарушений далеко не равноценен.

В политической практике Пятой республики известен и другой вид конфликтов. Речь идет о многолетней конфронтации между Президентом Республики и верхней палатой Парламента – Сенатом, приобретший личностную окраску из-за почти враждебных отношений де Голля и председателя Сената Кув де Морвилля¹⁸. Оппозиционно настроенный к президенту Сенат блокировал многие законопроекты, исходящие от исполнительной власти. В конце концов, в 1969 году Президент решил обратиться к референдуму с проектом конституционной реформы Сената, реорганизовав его таким образом, чтобы кардинально разрешить затянувшийся конфликт и исключить подобные конфликты в будущем, превратив его, по существу, в консультативный орган. Но избиратели отрицательно отреагировали на инициативу Президента, и он ушел в отставку. Урок, который можно извлечь из этой истории, состоит в том, что референдум как средство решения конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти – оружие обоюдоострое и может стоить политической карьеры даже таким крупным политическим деятелям, к которым относился де Голль.

Как для юристов, так и для политологов представляют интерес и юридические аспекты отношений президента и парламента, в частности, подписание президентом актов правительства, право созыва президентом чрезвычайных сессий парламента.

Вскоре после парламентских выборов и формирования нового правительства летом 1986 года Президент Ф. Миттеран отказался подписать правительственный ордонанс, усматривая в нем нарушение принципов приватизации государственной собственности. В том же году Президент еще дважды отказывался подписывать правительственные ордонансы. Во всех трех случаях правительство было вынуждено внести подготовленные ордонансы в виде законопроектов в Национальное собрание, и те были приняты Парламентом в форме закона. Своеобразие сложившейся ситуации состоит в том, что Президент, отказавшись подписать ордонансы, *обязан* был подписать законы, принятые Парламентом. Однако ситуация была не столь проста.

Во-первых, отказом Президента подписывать упомянутые ордонансы разрешился давний спор по поводу статьи 13 Конституции, зафиксировавшей положение, что Президент республики подписывает ордонансы и декреты, принятые в Совете министров. Вопрос о том, правом или обязанностью является подписание правительственных ордонансов Президентом, Ф. Миттераном был однозначно решен.

Во-вторых, принятие правительственного акта в форме закона, а не ордонанса позволяло оппозиции обратиться в Конституционный совет с ходатайством о признании тех или иных его полномочий неконституционными, что и было сделано в двух последних случаях.

В-третьих, принятие правительственных решений было затянуто, что в политике немаловажно.

И, наконец, в-четвертых, Президент подчеркнул и подтвердил свое место и роль в системе высших органов власти страны при новом соотношении политических сил.

Другая проблема, которая возникла в этот период, касается созыва чрезвычайных сессий Национального собрания. До этого она возникала дважды во времена Пятой республики (1960 и 1979 гг.), но в новой ситуации приобрела особый оттенок. Две статьи Конституции, касающиеся данного вопроса, достаточно лаконичны. Статья 29 устанавливает, что Парламент созывается по требованию Премьер-министра или большинства членов Национального собрания с определенной повесткой дня. А в соответствии со статьей 39, сессии открываются и закрываются декретом Президента республики. Как и в случае с подписанием ордонансов, вполне закономерно возникал вопрос: «Что это – право или обязанность Президента?» Вскоре глава государства дал ответ. На попытку правительства созвать чрезвычайную сессию Национального собрания в конце 1987 года Ф. Миттеран недвусмысленно заявил, что правительство не вправе ни решать вопрос о созыве чрезвычайной сессии, ни устанавливать ее повестку. Эти полномочия принадлежат только президенту. Несмотря на противодействие со стороны правительства, Президент Миттеран проявил твердость, и конфликт был разрешен лишь после официального признания Премьер-министром прерогатив Президента. Тем не менее, вопрос этим не был исчерпан, поскольку Конституция не дает на него четкого ответа.

Право прибегать к чрезвычайным полномочиям – одна из важнейших личных и, несомненно, наиболее опасная в политическом плане прерогатива президента. Статья 16 Конституции Франции фактически дает главе государства легальную возможность подменить собой и правительство, и парламент. При этом президент вправе самостоятельно решить, что такое «угроза» и какие действия или события «нарушают нормальное функционирование конституционных властей».

Глава государства обязан лишь официально проконсультироваться с рядом высших должностных лиц и Конституционным советом. Однако, если консультация с премьер-министром и председателями палат может быть проведена устно, то консультация с Конституционным советом, который публикует свое решение в «Журналь офисиель», должна быть письменной и мотивированной. Хотя и в этом случае президент вправе не посчитаться с его мнением. Есть и еще одна формальность – президент должен направить послание

нации. Политолог М. Дюверже называет это послание «легальным способом оправдать в глазах общественности предпринятые действия».¹⁹

Включение в текст Конституции по настоянию де Голля статьи 16 отражало главным образом его личную концепцию президентской власти. В оправдание применения этой статьи были названы два типа обстоятельств: нападение внешнего противника и угроза гражданской войны.

На практике же статья 16 была применена при других обстоятельствах, а именно в связи с очередным путчем фашиствующих «ультра» в Алжире 23 апреля 1961 г.

Подводя итоги, приходим к окончательному выводу, что зачастую применение президентом полномочий, отличающихся от конституционных, приводит к возникновению государственно-правовых конфликтов. Однако нельзя не заметить, что такие действия президента могут повлечь за собой и положительные тенденции для разрешения непростых ситуаций, сложившихся в обществе.

Политическая практика показала, что полномочия главы французского государства оказались во многом сильнее, чем даже в классических президентских республиках (например, США). Президент фактически стал главой правительства. В то же время, исходя из специфики организации системы управления государством, он может в нужный для него момент дистанцироваться от решений совета министров, перекладывая весь груз ответственности за непопулярные действия на плечи председателя правительства.

Однако, если Президент Пятой республики формально обладает единоличным правом назначения Премьер-министра, то на практике он учитывает расстановку сил в законодательном органе власти. Более того, сложилась традиция, следуя которой Премьер-министр объявляет об отставке своего правительства не только на следующий день после президентских, но также и после парламентских выборов.²⁰ Заметим, что Президент Республики может назначить главой правительства своего политического оппонента, что, например, представляется совершенно немыслимым в России. Особенно следует отметить тот факт, что в случае, когда глава государства и премьер-министр выражают интересы полярных политических сил, это не приводит к существенным конфликтам.²¹ Такая ситуация как бы вгоняет конституционные нормы в нужную колею — реальность максимально приближается к смыслу текста Конституции. Мнение большинства населения учитывается и через представительство в различных, но сдерживающих друг друга органах власти. Население может реально влиять на политический процесс, создавая «настоящее правительство национального единства».²²

При этом реализуется необходимая для истинно демократического государства ротация политической элиты, чего еще пока не было в России. В новейшей истории Франции такая ситуация имела место трижды:

1. в 1986-1988 гг., когда при «левом» президенте Ф. Миттеране действовало «правое» правительство Ж. Ширака;

2. 1993-1995 гг. вновь при «левом» Ф. Миттеране – «правое» правительство Э. Балладюра;

3. в 1997-2002 гг. уже при «правом» президенте Ж. Шираке работало «левое» правительство во главе с социалистом Л. Жоспеном.²³

То есть правительство и парламент с одной стороны, а президент – с другой, корректируют деятельность друг друга. Вместе с тем и общество, голосуя на выборах, дает руководству страны определенный сигнал. Если избирателей устраивает проводимая президентом политика, то они одобряют ее с помощью парламентского голосования, тем самым развязывая руки руководителю страны для более решительных действий. Более того, на состав правительства оказывают влияние и выборы президента (в данном случае речь не идет о смене главы государства). Так, например, произошло в 2002 г., когда на выборах президента действующий тогда Премьер-министр Лионель Жоспен уже в первом туре значительно уступил не только главе государства Жаку Шираку, но и националисту Жану-Мари Ле Пену. В итоге лидер Социалистической партии добровольно ушел не только с поста главы правительства, но и навсегда покинул политику.²⁴

Такая ситуация позволила Шираку назначить на должность главы правительства лояльного ему сенатора-центриста Жан-Пьера Раффарена.²⁵ Хотя подразумевалось, что Раффарену предстоит возглавлять правительство лишь до парламентских выборов, от исхода которых должна была зависеть его судьба.²⁶

Лишь после этого электорального процесса Премьер-министр окончательно вступил в свои права. Коалиция, образованная Президентом Жаком Шираком, продемонстрировала блестящие результаты на парламентских выборах 2002 г. По их итогам, правые получили в общей сложности 399 мест в Национальном собрании, хотя для абсолютного большинства им было достаточно 289.²⁷ Таким образом, Жак Ширак получил большую власть, чем любой другой президент Франции за последние 40 лет.²⁸ Даже победа на президентских выборах не была так радостна для французского Президента, как торжество созданного им союза правых партий на парламентских выборах.²⁹ Впервые за последние 20 лет французские правые получили возможность контролировать одновременно все основные властные институты в стране. Им подвластны Елисейский дворец, правительство, обе палаты парламента и Конституционный совет.

Таким образом, сложившийся двойной центр институционального и политического притяжения «президент-парламент» может содержать в себе серьезное зерно конфликта. Во французской политической системе при Пятой республике, когда совпадают два способа выражения воли народа, президентская власть усиливается, ее преобладание становится структурным, обес-

ценивая глубинную основу принципа разделения властей как разделения социально-политических сил. Такая монополия на власть одной силы чревата авторитаризмом. Но два народных выбора могут и не совпасть и даже оказаться в противоречии друг с другом – президент представляет правые политические силы, а парламент – левые, или наоборот. Тогда противоречие складывается между двумя институтами власти, причем при отсутствии разумного сотрудничества между президентом и парламентом вероятен кризис режима.³⁰ В таких ситуациях очень многое зависит от политической культуры общества и, прежде всего, политической элиты. За время существования Пятой Республики Франция доказала, что уровень этой культуры в стране достаточно высок, а разумные действия всех ветвей власти в грамотном взаимодействии друг с другом ведут к процветанию страны.

¹ См.: Глухова А.В. Типология политических конфликтов. – Издательство Воронежского госуниверситета. – Воронеж, 1997. – С. 36.

² Цит. по: Крутоголов М.А. Президент Французской республики. – М.: Наука, 1980. – С. 38.

³ См.: Там же. – С. 48.

⁴ Цит. по: Там же. – С. 140.

⁵ Цит. по: Crouzatier J-M. La Constitution de 1958 // Institutions et vie politique. – Paris, 1997. – P. 26.

⁶ См.: L'organisation du travail gouvernemental en France, 1993. – P. 6.

⁷ Цит.: Ардан Ф. Франция: государственная система: Пер. с франц. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 93.

⁸ Цит. по: Крутоголов М.А. Указ. соч. – С. 228.

⁹ Цит.: Ардан Ф. Указ. соч. – С. 94.

¹⁰ См.: Bonnard M. Le government // Institutions et vie politique. – Paris, 1997. – P. 35.

¹¹ См.: Лузин В.В. Полупрезидентская модель разделения властей (на примере Франции) // Право и политика. – (http://www.law-and-politics.com/paper.shtml?a=1_2000&o=113689)

¹² См.: Ардан Ф. Указ. соч. – С. 76.

¹³ См.: Крутоголов М.А. Указ. соч. – С. 272.

¹⁴ См.: Ардан Ф. Указ. соч. – С. 130.

¹⁵ См.: Крутоголов М.А. Указ. соч. – С. 280.

¹⁶ См.: Пилипенко А.Н. Конституционный порядок разрешения конфликтов между законодательной и исполнительной властью во Франции // Парламент и президент (опыт зарубежных стран). – М., 1995. – С. 84.

¹⁷ Цит. по: Там же. – С. 85.

¹⁸ Там же. – С. 87.

¹⁹ Цит. по: Крутоголов М.А. Указ. соч. – С. 298.

²⁰ Ардан Ф. Указ. соч. – С. 75.

²¹ См.: Bonnard M. Le Président de la République // Institutions et vie politique. – Paris, 1997. – P. 33.

²² См.: Mermet G. Francoscopie. – Larousse, 1993. – P. 222.

²³ См.: Конституционное право зарубежных стран. – М.: Книга сервис, 2003. – С. 119.

²⁴ См.: Гусейнов Э. Политическая карьера Лионеля Жоспена закончилась // Известия. – (<http://main.izvestia.ru/world/article17470>)

²⁵ См.: Лежандр К. Пиар по-елисейски // Итоги. – (http://www.itogi.ru/Paper2002.nsf/Article/Itogi_2002_05_13_11_2212.html)

²⁶ См.: Ширак назначает нового премьера // ВВС. – (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1970000/1970648.stm)

²⁷ См.: Петровская Ю. Ширак взял парламент под контроль // Независимая газета. – (http://www.ng.ru/world/2002-06-18/5_shirak.html)

²⁸ См.: Ширак объявил состав нового кабинета // ВВС. – (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2048000/2048968.stm)

²⁹ См.: Гусейнов Э. Ширак празднует победу // Известия. – (<http://www.izvestia.ru/world/article19380>)

³⁰ См.: Глухова А.В. Указ. соч. – С. 42.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Д.В. Сосунов

ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

*Разумно принять решение –
это своего рода благо, потому
что такая правильность
решения означает разумность
в решениях, которая
умеет достигать блага.
Аристотель. Никомахова этика.*

Политический кризис в российском государстве приобрел затяжной характер, и начавшийся в 2000 г. процесс обновления политической элиты пока не способен изменить эту тенденцию. Необдуманнные и неподготовленные решения, к сожалению, продолжают оставаться «визитной карточкой» многих российских политиков.

В результате крайне актуальным становится вопрос о способах реформирования и улучшения системы принятия политических решений. Однако слабое развитие прикладных политологических исследований в российской науке привело к формированию у лиц, чей профессиональный интерес непосредственно связан с политикой, стойкого убеждения в том, что принятие политических решений не требует научного подхода и что политическая наука не способна предложить механизмы их оптимизации.

Первенство в разработке специальной концепции принятия решений по праву принадлежит Аристотелю. Именно он сформулировал исходный категориальный аппарат и разработал базовый концепт, описывающий данный феномен.

В наше время известный ученый Дегтярев А.А. предлагает различать два основных подхода к осмыслению процесса принятия политических решений – нормативно-прескриптивный и дескриптивно-экспликативный¹. Эти подходы исходят из противоположных способов восприятия проблемы: прескриптивный подход ориентирован на создание формальных, нормативно оптимизированных моделей; дескриптивный – на построение эмпирически обоснованных моделей реальных практик принятия политических решений².

Прескриптивный характер носит институциональный подход – один из самых “старых” методологических подходов. Институционалисты изучали формально-правовые аспекты государственного управления, в частности решения, выраженные в конституционных документах³.

С течением времени стали очевидны недостатки и слабости этого направления. В частности в качестве таких недостатков можно отметить следующие:

1. Ограничение предмета анализа, невнимание к политическому поведению.

2. Формальный подход к изучению политических институтов без учета неформальных аспектов их функционирования и роли этих аспектов в принятии решений.

Преодолеть недостатки институционального подхода было призвано так называемое бихевиоральное направление, представителем которого являлся Г.Лассуэл. Именно он дал в своих работах классическую бихевиоралистическую трактовку принятия политических решений. Основу этой трактовки составило положение о том, что принятие политических решений есть форма человеческого поведения, которое регулируется такими психологическими механизмами, как стимулы и мотивы, установки и реакции.

В политической практике можно руководствоваться разными теориями (методами) принятия решений. Чарльз Линдблом анализирует две разновидности методов: рационально-универсальный (или “корневой метод”) и метод последовательных, ограниченных сравнений (или “метод ветвей”)⁴.

Первый из этих методов наиболее известен и обусловлен следующим:

1. Лицо, принимающее решение, сталкивается с конкретной проблемой, которая может быть изолирована от других проблем.

2. Цели и ценности отбираются и выстраивается их иерархия по значимости.

3. Последствия и издержки каждой альтернативы предсказуемы и сравнимы

Второй – метод ветвей:

1. Носит “инкрементальный” характер т.е. обуславливает небольшие конкретные шаги для достижения целей.

2. Лишен универсальности, поскольку ресурсы политиков всегда ограничены и это не позволяет учесть весь спектр политического выбора.

3. На практике в процессе принятия решений предпочтение отдается приемлемым, а не максимально эффективным вариантам.

Другой исследователь А.Этциони предлагает смешанно-сканирующий метод, который позволяет совместить достоинства двух проанализированных выше методов, адаптироваться к быстроменяющейся ситуации, обеспечивая при этом необходимую гибкость процесса принятия решений в соответствии с конкретными обстоятельствами. Эффективность смешанно-сканирующего метода зависит от способностей лица, принимающего решение. Чем выше эти способности, тем шире диапазон метода, а чем шире диапазон, тем эффективнее процесс принятия решения⁵.

При анализе политических решений следует определить, что понимается под этим термином. Как справедливо заметил польский политолог Т.Клементевич, политическое решение - это выбор одного из двух (по мень-

шей мере) возможных политических действий⁶. Однако наиболее полную дефиницию, на мой взгляд, дал российский исследователь К.Симонов. Принятие политического решения – это выработка нескольких вариантов действия для ликвидации возникшей политической проблемы и дальнейший выбор оптимального (наилучшего) из них, реализация которого должна устранить проблему с максимальной эффективностью⁷.

Разработка нескольких вариантов решения проблемы и выбор наилучшей из альтернатив представляется упрощенной схемой принятия решений, нуждающейся в детализации. Более подробную структуру предложил Лассуэл. Он считал целесообразным выделить в процессе принятия политического решения шесть этапов:

1. Постановка проблемы и поиск информации о ней.
2. Выработка рекомендаций – поиска альтернативных решений проблемы.
3. Отбор наилучшей альтернативы.
4. Предварительное убеждение в правильности тех на кого оно направлено.
5. Оценка эффективности.
6. Обновление, пересмотр или отмена решения.

В науке существуют различные критерии типологизации. Одну из первых попыток выделить основные типы политических решений предпринял Макридис. Он выделил три типа. Первый был назван им фундаментальным – это решения, которые кардинальным образом меняют существующую политическую систему. Второй тип политических решений – это законодательные. Они устанавливают новые процедуры и затрагивают статус и права многих членов общества. Наконец, третий тип – административный или судебный. Фактически они представляют собой технику применения решений второго типа к конкретным ситуациям.

Американский политолог Р.Говард предложил классификацию решений в зависимости от меры их определенности, выделяя решения с рискованными и детерминированными задачами⁸. Первые принимаются при неполной ясности. Решения же с детерминированными задачами по существу воспроизводят сложившиеся отношения. Так, в бюджете, который принимается парламентом, есть такие статьи доходов и расходов, практически не меняющиеся.

При выработке политического решения громадное значение имеет временной фактор, особенно, в экстремальных ситуациях. Попытаемся более подробно рассмотреть данный тип политических решений.

В России за последние 10-12 лет участились экстремальные ситуации, особенно связанные с крупными терактами. Умение власти предупреждать и преодолевать их – показатель ее ответственности, зрелости, политической искренности.

Под экстремальной ситуацией понимается резкое усиление социальной напряженности, вызванное внезапными действиями субъектов, бросающих вызов власти с целью принуждения ее к выполнению своей воли⁹. Это то, что часто определяется в политике как “критический момент”, “чрезвычайная (нештатная) обстановка” и т.д. Такие ситуации возникают как в спокойно развивающихся, так и в переживающих длительный кризис обществах. Они отличаются внезапностью возникновения, высокой остротой, сильнейшим воздействием на сознание и психику населения, чрезвычайным динамизмом, требуя от политиков принятия незамедлительных решений и действий¹⁰.

В качестве субъектов, принимающих решения в экстремальной обстановке, выступают различные ветви власти, партии, общественные движения и т.п. В данной статье будут рассматриваться лишь те, которые исходят от Президента, которому, согласно Конституции и другим законам, принадлежит исключительное право определять внутреннюю и внешнюю политику государства, принимать решения в угрожающих обстоятельствах, вводить военное и чрезвычайное положение.

В содержание этих решений входит: политическая квалификация ситуации, ее причин; определение общей стратегии, принципов и задач государственных органов по ее преодолению, а также выделение необходимых для этого сил и средств; создание временных управленческих структур по руководству конкретными операциями; оценка и выводы на будущее для политики государства. Содержание решений выражается в постановлениях, распоряжениях, приказах, планах, выступлениях и заявлениях Президента и других должностных лиц по его указанию.

Методологически важно отличать политические решения от исполнительских (профессионально – чиновничьих). Известны положения, разработанные М. Вебером, о различии между политиком и чиновником. Первый разрабатывает программные установки, определяет основные направления их реализации, несет общую ответственность. Задача второго исключительно в беспрекословном профессиональном выполнении принятых политиком решений, не отвечая за их содержание и направленность. Так, в случаях крупных терактов политики определяют принципиальные контуры антитеррористических действий: преодолеть экстремальную ситуацию путем переговоров или силовой операцией, допустимые потери, ущерб и т.п. Исполнители детально прорабатывают и осуществляют конкретные задачи.

Истинность политических решений в экстремальных ситуациях определяется комплексом показателей:

- 1) Степенью всесторонности и глубины понимания политиками социально-политической природы ситуации, вероятных вариантов развития и последствий.

2) Максимально точным восприятием целей, намерений, действий и возможностей субъекта, несущего опасность.

3) Соответствием мер преодоления кризиса обстановке, принятым правовым, нравственным нормам, идеалам гуманности.

4) Устранением почвы для повторения опасных процессов соответствующими изменениями социальной- политической действительности.

5) Одобрением сделанного общественным мнением.

Всегда оценивается, в какой мере результат решения кризиса с применением средств насилия соответствует социальным интересам, при этом важен вопрос о социальной цене, который особенно остро обсуждается в обществе, когда имеются жертвы среди ни в чем не повинных граждан. Например, 70-75% россиян после трагических событий в Москве в октябре 2002 положительно оценили действия Президента и согласны с ценой, которую пришлось заплатить (гибель 130 граждан, ухудшение здоровья сотен других).

Цена решения определяется так же размерами материального и особенно морально-политического, психологического ущерба.

Суждение о цене решения должно опираться на возможно более полную информацию, в том числе независимых расследований. При этом всегда важно помнить, что главными целями для политиков в экстремальных ситуациях должны быть: сохранение суверенитета; обеспечение внутренней социальной стабильности, конституционного порядка и законности, укрепления единства и сплоченности общества.

Организационная сторона данного вопроса. Для разработки и принятия политических решений государства создают специальные механизмы, включающие:

а) совокупность субъектов (лиц, граждан, институтов);

б) конституционно-правовые и концептуальные основания;

в) принятый порядок (процедуры) работы.

Субъекты данного механизма подразделяются:

1) по положению – на институциональные (должностные лица и органы государства) и неинституциональные – общественные деятели, лидеры партий и т.д.;

2) по роли и значимости – на решающие, совещательные и т.п.;

3) по представительству – на гражданских и военных.

По своему характеру существующие механизмы сводят к трем типам:

а) авторитарный (решение принимается единолично главой государства);

б) корпоративной (решает узкий круг политической элиты);

в) демократический (согласование решения между различными ветвями власти при гражданском контроле).

Различие между ними более четко видно в спокойных условиях, а в экстремальных ситуациях они становятся похожи друг на друга. Разработка и принятие решений осуществляется, минуя некоторые звенья и процедуры, по сокращенному пути. Известны многие факты, когда президенты США произвольно определяли круг субъектов-участников подготовки и принятия важнейших решений; опирались в этом исключительно на узкое окружение (наиболее близких лиц).

В 90-е гг. ушедшего XX века армия России не раз применялась для наведения порядка на основе секретных приказов Б. Ельцина, принятых с грубыми нарушениями Конституции и других законов. Тщательной проработки не было. Они часто принимались на ходу. Совещательные и экспертные структуры служили лишь прикрытием самодурства. Так, Совет Безопасности по вопросу о вводе войск в Чечню (ноябрь 1994г.) проводился без всякой подготовки. Выступившие на заседании высшие должностные лица единодушно поддержали озвученное решение президента. Начало первой чеченской войны является примером полной безответственности высшего государственного и военного руководства России, недопустимого попрания правил и процедур разработки и принятия решений.

Нуждается в обосновании степень закрытости решений и в большей мере она необходима в ходе развития экстремальной ситуации. Расчеты на публичность, полную открытость этого процесса несостоятельны. Объективная необходимость определенной закрытости политических решений в тех или иных условиях после их преодоления может сохраняться некоторое время. Но власть сама должна быть заинтересована в ознакомлении общества с ними после истечения определенного времени, чего нет у нас до сих пор даже по отношению к далекому прошлому.

Политические решения в кризисных ситуациях – важнейшая часть целостного политического процесса, возникающего и развивающегося в связи с чрезвычайными событиями, представляющего нечто новое и специфическое по сравнению с тем, что характерно для штатных ситуаций здорового общества.

Цель таких решений состоит в том, чтобы преодолеть критическое состояние, разрядить социально-политическую напряженность, сохранить и укрепить стабильность, правопорядок, безопасность государства и общества.

По моему мнению, в современной российской политике необходимо:

1. учитывать значимость политических решений, предусматривать их возможную конфликтогенность, а также попытаться спрогнозировать возможные негативные результаты воздействия этих решений на общественную жизнь.
2. анализировать эффективность принимаемых решений, понимать, насколько они совпадают с требованиями сегодняшней си-

туации. Требуется своевременная реакция на результат реализации политического решения.

3. необходима грамотная корректировка принимаемых политических решений, для чего должны привлекаться различные независимые эксперты, ученые, занимающиеся подобными проблемами, а так же изучение общественного мнения.

¹ Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Политические исследования. 2003. №1. С.159.

² Там же. С.160.

³ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. - М., 2001. С.22.

⁴ Технологии политической власти: зарубежный опыт / В.М. Иванов и др. – Киев, 1994. С.233.

⁵ Там же. С.239.

⁶ Клементевич Т. Процесс принятия политических решений // Элементы теории политики. Р-на-Дону, 1991. С.387.

⁷ Симонов К.В. Политический анализ. М., 2002. С.56.

⁸ Белов Г.А. Политология. М., 1996. С.197.

⁹ Серебрянников В. Политические решения в экстремальных ситуациях // Власть. 2003. №2. С.3.

¹⁰ Там же. С.5.

Е.А. Лукьяненко

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в мире наблюдается бурное развитие процессов федерализации. Сегодня насчитывается 24 федеративных государства. Это значительно меньше, чем унитарных, однако, к федеративным относятся наиболее крупные по территории, численности населения государства. Например, США, Канада, Россия, Австралия, Мексика, Бразилия.

Все федеративные государства похожи, но у каждого из них есть своя специфика. Многие исследователи пытаются выявлять модели федерализма. Критерии выделения моделей федерализма применяются разные.

По способу возникновения федеративных государств выделяют:

- 1) государства образовавшиеся на договорной основе;
- 2) на конституционной основе;
- 3) на конституционно – договорной основе.

Структурируя федерацию, её разграничивают на симметричную и асимметричную. Симметричная федерация состоит из однопорядковых субъектов, имеющих одинаковый правовой статус и равноправных. В асиммет-

ричной федерации, напротив, субъекты имеют различный правовой статус, экономический и политический потенциал. На практике «чистые» модели таких федераций встретить трудно, в большинстве своем встречаются смешанные варианты федерации с элементами и симметрии, и асимметрии в разных долях.

В подходах к построению федерации одним из главных выделяют территориальный и национально – территориальный подход. Территориальный подход не предполагает учета национального фактора, в отличие от национально – территориального. Каждый из этих подходов имеет свои плюсы и минусы, поэтому при организации структуры федерации необходимо применять многофакторный подход.

Осуществление такого важного признака федеративного государства, как размежевание предметов ведения и полномочий между федерацией и её субъектами, сводится к пяти основным вариантам:

- 1) исключительная компетенция федерации;
- 2) исключительная компетенция субъектов;
- 3) две сферы компетенции: федерации и субъектов;
- 4) три сферы компетенции: федерации, федерации и субъектов совместно, субъектов;
- 5) федерации и совместно федерации и её субъектов.

Вопрос об участии субъектов федерации в решении общедеральных вопросов включает контроль федерации за деятельностью её субъектов и институт федерального принуждения. Первый аспект включает в себя финансовый, судебный и президентский контроль. Другой аспект - такие способы федерального принуждения, как чрезвычайное положение, президентское правление, институт федеральной интервенции в дела субъекта, приостановление собственного управления субъекта.¹

Отмечая многообразие современных моделей федерализма, следует заметить, что их изучение по разным параметрам свидетельствует о важности ориентации на развитие моделей федерализма более высокого уровня. В этом смысле предпочтение, видимо, должно отдаваться моделям децентрализованного, кооперативного, симметричного федерализма, допускающего лишь объективно заданные элементы асимметрии. Федерализм, основанный на территориальном принципе государственной власти по вертикали и использующий национальный принцип государственного устройства оправдан лишь в случаях, если это обусловлено объективными факторами и при этом не нарушаются права и свободы человека и гражданина, принципы равноправия субъектов федерации, равноправия и самоопределения народов.

Стоит отметить, что в современном федеративном государстве проблемы суверенитета и сепарации являются одним из самых значимых и требующих разрешения.² Так как по нормам международного права каждый эт-

нос обладает правом на самоопределение (но не на сецессию), необходимо учитывать ряд факторов:

- 1) национальный суверенитет может осуществляться при определенных условиях, при учете интересов других этносов и обществ, в котором данный этнос находится;
- 2) нужно учитывать целесообразность и реальную возможность выбора той или иной формы самоопределения;
- 3) осуществляя национальный суверенитет, этнос данной страны и её общество в целом должны быть уверены, что это делается для блага народа.

В мировой практике существуют два подхода к вопросу о государственном суверенитете федерации и её субъектов.

В первом случае в федерации, основанной на союзе государств – членов, суверенитет может принадлежать как федерации, так и каждому субъекту, хотя полномочия последнего ограничены.

Во втором – федерации, независимо от способов их возникновения, основаны, как правило, на автономии их составной части.

Проблемы суверенитета и сецессии связаны между собой, хотя не всегда одно предполагает другое и что факты сецессии свидетельствуют всегда о суверенитете.

Однако, в любом случае, решая вопрос о формах самоопределения, национальным руководителям, элите этносов в любой стране необходимо помнить, что судьбы их народов зависит от принимаемого ими решения. Необдуманные решения могут привести к незатухающим конфликтам, разрушению экономических и культурных связей и другим негативным последствиям.

Приступая к характеристике конституционных основ современного российского федерализма, следует помнить, что федеративные отношения в Российской Федерации регулируются на пяти базовых уровнях:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) Федеративные договора;
- 3) федеративные конституционные и федеральные законы;
- 4) договора между органами государственной власти Российской Федерации;
- 5) конституции (уставы) и законы субъектов Российской Федерации.

В основном законе Российской Федерации конституционные принципы, предопределяющие модель федерализма, обозначены в главе 1. В системе данных принципов можно выделить принципы основ общественного и политического строя (общие конституционные принципы) и основы федеративного устройства (конституционные принципы федерализма).

Анализируя положения Конституции Российской Федерации, исследователи предлагают выделить следующие основные конституционные принципы российского федерализма:

- 1) государственный суверенитет;
- 2) единство систем государственной власти,;
- 3) равноправие субъектов Российской Федерации;
- 4) единство конституционно – правовой системы;
- 5) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 6) равноправие и самоопределение народов Российской Федерации.³

Выделяют три этапа в процессе формирования конституционных основ современного российского федерализма:

1 период – распад СССР и принятие Россией Декларации о государственном суверенитете;

2 период – подписание Федеративного договора и внесение соответствующих изменений в российскую Конституцию 1978 года;

3 период – принятие Конституции 1993 года.⁴

Формально – юридически СССР представлял собой конфедеративное образование, а РСФСР – унитарное государство с элементами автономии. При этом правовая модель федеративного устройства СССР не совпадала с реальными отношениями.

Первым документом конституционного значения, закрепившим основы самостоятельного развития России как федеративного государства, стала Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 года, принятая съездом народных депутатов РСФСР. Основные идеи Декларации заключались в провозглашении России как суверенного демократического правового государства на основе органичного сочетания принципов народовластия, разделения властей и федерализма.

Однако сама идея федерализма в этот момент не была ещё ясно обозначена, лишь подтверждалась необходимость значительного расширения прав автономных республик, автономных областей и автономных округов, а также краев, областей.

Условия кризиса, возникшего в начале 90-х годов в РСФСР и других союзных республиках, привели к идее подписания Федеративного договора 31 марта 1992 года. Центр и составные части России в лице органов государственной власти подписали Федеративный договор, впервые попытавшись совместно, на основе договоренности и новых принципах разделить государственную власть между собой и определить правила взаимодействия по реализации поделенной власти. Гарантацией соблюдения этих прав стало включение VI Съездом народных депутатов текста Федеративного договора в Конституцию Российской Федерации.⁵

Можно утверждать, что с подписанием данного документа Россия и формально, и фактически превратилась из унитарного государства в полужиферацию (квазифиферативное государство).

Новая Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года, отразила то реальное соотношение сил, которые сложились между Российской Федерацией и её субъектами на момент принятия. Конституция Российской Федерации предложила формулу компромисса, новизна которой заключалась в признании единства государственного суверенитета Российской Федерации и соответственно, отмене наименования республик «суверенными», закреплении принципов верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, конституционного разграничения предметов ведения Федерации и её субъектов, провозглашение принципа равноправия субъектов Российской Федерации.

В результате этих конституционных изменений в России была оформлена на федеральном конституционном уровне модель федерализма, дающая основание говорить о преобразовании государства на формально – юридическом уровне из полужиферации в федерацию.

Оценивая современную модель российского федерализма, можно сделать вывод, что она имеет в значительной мере переходной период. В ней сочетаются централизация и децентрализация, дуалистические и кооперативные отношения.

О неустойчивости отечественной формулы федерализма свидетельствует также попытка найти компромисс между национальными и территориальными принципами структурирования федерации.

Переходный характер российской модели имеет, тем не менее, тенденцию движения в сторону демократизации и повышения эффективности.

Существуют конкретные пути совершенствования структуры Российской Федерации и преодоления асимметрии как источника конфликтности в федеративных отношениях. Устранение препятствий в этом направлении в немалой мере обусловлено успехом в снятии тех противоречий, которые вызваны как объективными причинами, так и искусственно созданными барьерами, ликвидировать которые вполне реально.

Попытаемся проследить процесс реализации конституционных принципов в практической политике Российской Федерации. Таких принципов несколько:

- 1) государственный суверенитет Российской Федерации;
- 2) единство системы государственной власти в Российской Федерации;
- 3) равноправие субъектов Российской Федерации;
- 4) равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации;

5) разграничение предметов ведения между Федерацией и её субъектами;

6) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и её субъектов.

Рассмотрим кратко каждый из них.

Государственный суверенитет Российской Федерации – является неотъемлемым свойством государства. В современной отечественной науке он рассматривается «как свойство и способность государства самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику при условии соблюдения прав человека и гражданина, защиты прав национальных меньшинств, соблюдения норм международного права».⁶

В современной российской конституционной модели четко обозначен принцип государственного суверенитета Российской Федерации как единого и неделимого, распространяемого на всю её территорию.⁷

Действующая Конституция, изъяла из оборота понятие «суверенные» в отношении республик в составе России, используемое в Федеративном договоре. Инкорпорируя положения Федеративного договора, касающиеся разграничения предметов ведения Федерации и её субъектов, российская Конституция продекларировала юридическое верховенство норм Конституции над положениями Федеративного и иных договоров.

Признание принципа государственного суверенитета Российской Федерации предполагает четкое разделение объема прав, которыми должна обладать Федерация, чтобы её государственный суверенитет был обеспечен. Это неотчуждаемые права Федерации, потеря которых означает лишение государством статуса государственного суверенитета.

В Конституции Российской Федерации закреплены основные признаки государственного суверенитета:

- 1) верховенство федерального права над правом субъектов Федерации;
- 2) неприкосновенность границ и территориальная целостность;
- 3) единства экономического пространства, бюджетно – финансовой, банковской и денежной систем;
- 4) единая армия;
- 5) право государства на защиту своего суверенитета и прав граждан;
- 6) право на защиту интересов государства и его граждан вовне;
- 7) государственная монополия на регулирование и управление важнейшими отраслями народного хозяйства России, на основные стратегические, природные ресурсы, производство и товары.

Несмотря на однозначное решение в Конституции России вопроса о единстве государственного суверенитета Российской Федерации и определение основных признаков государственного суверенитета, данный основопо-

лагающий принцип государственного устройства не соблюдается на иных уровнях правового регулирования. Камень преткновения – жизнеспособность идеи суверенитета республик как составных частей России. Недостаточно последовательно и позиция федеральных органов в этом вопросе.

Следует отметить, что в современный период в конституционном регулировании государственного суверенитета Российской Федерации сложилось противоречие между признанием в Конституции Российской Федерации концепции единого и неделимого государственного суверенитета России и практикой её отрицания в нормах конституционного (уставного) и текущего законодательного регулирования субъектов Российской Федерации, а также отдельными двусторонними договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, заключенными между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектами. Такая ситуация обусловлена «живучестью» теории государственного суверенитета республик в составе Российской Федерации. Вряд ли следует считать данную теорию конструктивной, так как её дальнейшее воплощение в правовых актах, вступивших в противоречие с федеральной Конституцией, будет все более усиливать дезинтегративные процессы в российской правовой системе, способствовать дальнейшей конфедерализации в системе разделения власти по вертикали в ущерб задачам становления России как федеративного государства.

Единство системы государственной власти в Российской Федерации – в соответствии со ст. 5 Конституции Российской Федерации федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти. Наряду с территориальной целостностью единство государственной власти является неперенным условием государственной целостности. Этот принцип выражается в единой политике законотворчества, государственного регулирования и управления, в наличии механизмов координации деятельности и институтов представительства.

По Конституции Российской Федерации принцип единства системы органов государственной власти непосредственно закрепляется в отношении системы органов исполнительной и судебной власти.

Организация государственной власти в Российской Федерации должна строиться на основе:

- 1) целесообразного единообразия системы государственной власти Федерации и её субъектов, обеспечивающего соблюдение основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина;
- 2) координации деятельности в сферах совместного ведения, взаимоконтроля и взаимответственности;
- 3) единой системы законодательного регулирования, правового и судебного контроля.

Принцип равноправия субъектов Российской Федерации – по Конституции Россия провозглашена как государство, состоящее из равноправных субъектов Федерации. При этом специально подчеркивается, что субъекты равноправны во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.⁸

Суть новой конституционной формулы федеративного устройства выразилась в попытке минимизации различий в статусе субъектов Федерации, исходя из общего принципа равноправия, с сохранением при этом их прежней государственно – правовой природы. Однако, фактически субъекты находятся в неравных правовых условиях, как с точки зрения их государственно – правовой природы, так и правосубъектности.

Прежде всего взаимоотношение конституционных норм содержится в разделе 1 – Основы конституционного строя. В ч. 2 ст. 5 федеральной Конституции республики в составе Российской Федерации признаются государствами, в то время как остальные субъекты Федерации таковыми не называются. Отсюда республики наделяются правом принимать конституции, остальные субъекты – уставы.

Среди субъектов Федерации, не являющихся республиками, также нет равенства в статусе. Конституция Российской Федерации не разрешила проблему вхождения автономных округов в состав области, края.

Обеспечение реализации принципа равноправия субъекта Российской Федерации связано как с совершенствованием норм самой российской Конституции, так и с выработкой правовой политики проведения в текущем правовом и договорном регулировании главного условия равноправия субъектов Федерации – создание режима их равных правовых возможностей.

Равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации – закреплено в ст. 5 федеральной Конституции в качестве одного из принципов федеративного устройства России.

Равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации как конституционный принцип федеративного устройства нужно рассматривать с общегражданских наднациональных позиций.

Этот принцип – условие существования и развития народов как многонациональных общностей, сформированных для самоопределения в рамках единых территорий субъектов Федерации, в пределах которых создаются условия для их свободного развития, реализации гражданами основных прав и свобод. Необходимо учитывать, что данный принцип конституционного внутригосударственного права, обуславливающий демократический характер его реализации в рамках федеративного устройства, поэтому его реализация в федеративных отношениях не может быть связана с постановкой каким – либо народом, проживающим в пределах территории Российской Федерации, вопроса о праве на самоопределение в форме образования самостоятельного суверенного государства.

Принцип равноправия и самоопределения народов имеет свою историю развития в России.

Разграничение предметов ведения между Федерацией и её субъектами – является одним из фундаментальных принципов разделения государственной власти между центром и его составными частями в федеративном государстве.

Актуальным аспектом, связанным с правильным пониманием данного принципа, является вопрос о том, насколько допустимо регулирование предметов ведения в конституциях, уставах субъектов Российской Федерации.

Можно выделить несколько вариантов разграничения предметов ведения, причем часть из них являются неконституционными, так как они инкорпорируя нормы, закрепленные в Конституции Российской Федерации, вторгаются в предмет федерального конституционного регулирования.⁹

В качестве нарушения Конституции Российской Федерации можно рассматривать включение в конституции, уставы субъектов Федерации перечня предметов ведения Федерации. Такая практика проявляется в двух вариантах:

- 1) в конституциях, уставах некоторых субъектов Федерации закрепляются предметы ведения трех уровней:
 - а) предметы ведения Российской Федерации;
 - б) предметы совместного ведения Федерации и её субъектов;
 - в) предметы ведения субъектов Федерации;
- 2) установление перечня предметов ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения.

Укажем варианты конституционного (уставного) регулирования, которые могут быть признаны правомерными с юридической точки зрения:

- 1) устанавливаются лишь предметы ведения субъектов Федерации;
- 2) субъекты Федерации вообще не определяют перечень предметов ведения на всех уровнях.

Тем не менее, существуют определенные проблемы, связанные с реализацией данного принципа. Они связаны с теоретической недоработанностью понятия и содержания предметов ведения Федерации и её субъектов, нерешенностью задач конституционно – правового ограничения политики нарушения данного принципа через правовые формы текущего законодательного и договорного регулирования.

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации – закреплено в ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации.

Исходя из концепции российской Конституции формально – юридическое обеспечение разграничения предметов ведения и полномочий между ор-

ганами государственной власти должно осуществляться в следующей иерархической последовательности:¹⁰

Конституция России как основа разграничения предметов ведения и полномочий:

1) принятие на её основе федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации;

2) заключение в развитие федерального законодательства договоров (соглашений).¹¹

Последовательное проведение принципа разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в современных условиях. Развития российской правовой системы означает, прежде всего, определение приоритетов в формах правового регулирования, развивающего конституционную модель разграничения предметов ведения и полномочий. Принцип приоритета федеральной Конституции и федерального закона над договором о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами государственной власти субъектов Российской Федерации следовало бы четко обозначить в самой Конституции Российской Федерации.¹²

¹ Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. - М., 1997. - С. 7.

² Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. - М., 1998. - С. 317.

³ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. - М., 1998. - С. 48.

⁴ Умнова И.А. Указ. соч. - С. 53-54.

⁵ Федерализм: энциклопедический словарь. - М., 1997. - С. 257.

⁶ Проблемы суверенитета в Российской Федерации. - М., 1994. - С. 4.

⁷ Конституция Российской Федерации. - М., 2002. - С. 4.

⁸ Там же. С. - 4.

⁹ Галкин А. Эволюция российского федерализма // Полит. исслед., 2003 г. № 3. - С. 107-109.

¹⁰ Конституция Российской Федерации. - М., 2002. - С. 24.

¹¹ Там же. - С. 6.

¹² Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма - М., 1998. - С. 177.

ИЗ ИСТОРИИ ВОВ (60-летию Великой победы посвящается)

Е. В. Болдырева

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗОРГЕ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, ФАКТЫ И ОЦЕНКИ.

Рихарда Зорге считают одним из величайших людей XX столетия. О нем за короткий срок была создана целая литература, и количество книг с каждым годом растет. Это свидетельствует о непреходящем интересе к личности Зорге, к делам его разведывательных организаций, действовавших на территории Китая и Японии.

Несмотря на то, что о легендарном разведчике написано огромное количество книг и статей на многих языках мира, до сих пор о нем известно далеко не все.

Но было время, когда о нем не было известно ничего. После ареста Зорге и его группы в Токио осенью 1941 года и после казни разведчика в 1944 году в тюрьме Сугамо, имя резидента в СССР было предано забвению и все материалы, касающиеся Рихарда Зорге или деятельности его групп были за семью печатями.

Завеса молчания о подвиге разведчика была прорвана лишь в середине 60-х годов. Но даже к середине 90-х «основная часть документальных материалов о деятельности Зорге, хранящихся в сейфах архивов военной разведки, бывшего КГБ и Коминтерна, остается в основном скрытой от исследователей».¹

На данный момент источниковая база проблемы насчитывает более двух десятков опубликованных источников. Следует особо выделить изданный в 2000 году сборник документов «Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы»,² который пролил свет на многие спорные вопросы о деятельности группы «Рамзай». В этом сборнике все документы, за исключением № 45, приводятся впервые. Их первоисточником послужило «Дело Зорге», хранящееся в ГРУ Генштаба Российской армии, часть которого была не так давно рассекречена. Новые факты к биографии Зорге были дополнены с помощью материалов, обнаруженных в архиве Коминтерна и РГАСПИ. Свет на загадку разоблачения Зорге проливают документы японской контрразведки «токко», обнаруженные японским историком Ватабэ Томия. В сборнике документов использованы материалы, хранящиеся в ЦАМО, РГВА, ГАРФ. В нем приводятся фрагменты справок – воспоминаний составленных людьми, которые были причастны к работе Зорге. Эти справки были составлены в 1964 году по просьбе комиссии, созданной в ГРУ с целью изучения материалов по делу Зорге. Из приведенных в сборнике документов следует, что составитель

стремился не превознести или принизить личность и деятельность Зорге, а объективно и аргументировано рассказать о том пути, который проделал этот легендарный советский разведчик, об итогах его деятельности.

Следует также отметить, что вводный очерк, написанный кандидатом исторических наук А. Г. Фесюном, представляет собой отличный от общепринятого взгляд на жизнь этого легендарного человека. Этот сборник представляет собой пока единственный в своем роде труд по обобщению документов по делу Зорге.

Его дополняют разведдонесения Зорге опубликованные в не менее интересном сборнике документов «1941 год»,³ изданном в двух книгах в 1998 году. Он ценен тем, что дает общую картину разведдонесений разведок и легальных посольств, которые предупреждали о возможном начале военного конфликта Германии с СССР. Следовательно, исследователь может видеть, какой информацией обладал И. В. Сталин перед началом Великой Отечественной войны.

«Легальная», журналистская, деятельность разведчика, его статьи собраны и опубликованы в книге «Статьи. Корреспонденции. Рецензии. Рихарда Зорге».⁴ Исследователи зачастую обходят стороной журналистскую и аналитическую деятельность разведчика. Сборник статей дает возможность оценить резидента как опытного и дальновидного аналитика и геополитика и талантливого журналиста обладающего обширной и достоверной информацией, глубоким знанием проблемы.

В 1963 году в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья доктора Зорге, в которой автор раскрывает причины, побудившие его стать коммунистом.⁵ Это была первая и единственная биографическая публикация о Зорге на долгие годы. На мой взгляд, эта статья дает возможность понять, почему в последствии Зорге пришел в разведку.

После окончания войны материалы допросов советского разведчика были изданы американцами в виде «Тюремных записок Рихарда Зорге», в России они были впервые изданы в 1995 году, а в книжном издании только в 2001 году.⁶ Отдельные выдержки из тюремных записок Зорге, главным образом автобиографического характера, цитировались некоторыми авторами⁷ и до их издания.

Некоторые отечественные авторы ставят под сомнение подлинность тюремных записок Зорге. Они объясняют свои сомнения тем, что в японских полицейских и судебных архивах не сохранилось полного оригинала рукописи записок на немецком языке, как и других подлинных документов по делу Зорге. Позже выяснилось, что сохранились копии судебных материалов на японском языке, которые были вывезены из Токио. Американцы сразу засекретили все эти материалы. В США они были рассекречены только в 1983 году.

Подлинность мемуаров Зорге американцам под присягой подтвердили прокурор по делу Зорге Ёсикава и профессор Икома, который переводил документ с немецкого языка. Также, американцы нашли 24 страницы машинописного оригинала записок Зорге с правками автора, случайно сохранившиеся в личном досье Ёсикавы. Прокурор подтвердил, что это часть записок, собственноручно написанных и исправленных Зорге в его присутствии. Иногда отмечается, что текст записок Зорге, возможно, был скорректирован американскими спецслужбами после войны при переводе их на английский язык. Так, например, С.Л. Будкевич утверждает, что «текст второго варианта «записок Зорге», опубликованный в «Материалах по современной истории», содержит неточности, поскольку он заимствован из послевоенных публикаций, отредактированных с учетом английского перевода».⁸

Такие утверждения не выдерживают критики, потому что, перевод записок на английский язык проводился под грифом «совершенно секретно» и уже по этой причине был недоступен японцам. Но, самое главное, записки Зорге сразу же после перевода их на японский язык были опубликованы в закрытых материалах министерства юстиции. Эти публикации были обнаружены американцами в хранилищах за пределами Токио. Поэтому, сомневаться в подлинности записок Зорге нет никаких оснований.

В первых главах записок просматривается неопределенность в описании организации, на которую работала резидентура «Рамзай», и стремление всячески выделить Коминтерн и ЦК ВКП(б) как основных потребителей добывавшейся разведчиками информации.

Знакомство с записками Рихарда Зорге позволяет составить более полное представление об этой незаурядной личности. Но самое главное, на мой взгляд, заключается в том, что публикация тюремных записок советского разведчика, ввела их в широкий научный оборот в качестве важного исторического источника.

Нельзя обойти вниманием и мемуары, авторы которых упоминали о Зорге и его деятельности. К ним относятся воспоминания маршала Г. Жукова,⁹ гитлеровского разведчика В. Шелленберга,¹⁰ начальника штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера,¹¹ советских разведчиков: Я. Горева,¹² В. Кривицкого,¹³ Б. Гудзя.¹⁴ Так Борис Гудзь, в своем интервью Н. Долгополову, раскрывает недостатки легенды прикрытия для Зорге, когда последний работал в Японии. Не обошла вниманием Зорге в своих мемуарах и жена одного из руководителей Коминтерна О. Куусинена, Айно Куусинен.¹⁵

В ноябре 1964 года «Комсомольская правда» начала публикацию серии статей под заголовком «Я знал Зорге». Автор, скрывшийся под псевдонимом «Я. Горев», хорошо знал знаменитого разведчика, встречался с ним в Берлине летом 1933-го и обсуждал различные вопросы разведывательной работы. В отличие от некоторых публикаций журналистского толка, где правда перемежалась с авторским вымыслом, в серии этих статей давался солидный

документальный материал, и они сразу же привлекли внимание как советских авторов, начавших писать книги о Зорге, так и зарубежных исследователей.

Мемуары гитлеровского разведчика В. Шелленберга могут служить одним из доказательств того, что Зорге не являлся двойным агентом. В частности, автор пишет, что «не было ни одного случая, когда Зорге пытался бы ввести в заблуждение германскую секретную службу», но о том, что Зорге работал на Советский Союз немцы узнали только после ареста резидента. Так как «Зорге, был информирован из лучших немецких источников о политике и их намечаемых шагах, то это дело стало большой политической опасностью».¹⁶

Надо отметить, что исследователи дают Зорге - человеку различные оценки, кто – то пишет о нем с симпатией, кто - то резко осуждает его образ жизни, но и те и другие преклоняются перед Зорге – разведчиком, перед его талантом добывать информацию. Главное, что объединяет биографии Зорге, это исключительная сосредоточенность авторов на его разведывательной работе. Но при этом исследователи оставляют в стороне его «легальную» деятельность в качестве журналиста и политического аналитика, усматривая в ней лишь «крышу», под которой надежно скрывался супершпион.

Историография проблемы очень обширна, и дать даже краткий анализ каждой книги не представляется возможным. Литературу о Зорге можно разделить на две части. К первой части относятся книги, издававшиеся в советское время. Литература этого периода сосредоточила свое внимание исключительно на деятельности разведчика в период операции «Рамзай». Образ резидента в книгах принадлежащих перу таких авторов, как М. Колесников¹⁷, Ю. Корольков,¹⁸ Ф. Д. Волков,¹⁹ С. Голиков и В. Понизовский,²⁰ С. Л. Будкевич,²¹ И. Дементьева и другие,²² строго идеализирован и встречается много искажений в изложении заслуг Рихарда Зорге перед Советской Россией.

Целая серия книг о Рихарде Зорге появилось в 1965 году. (М. Колесников; Ю. Корольков; С. Голяков, В. М. Понизовский; И. Дементьева, Н. Ага-янц, Е. Яковлева). Авторы этих книг в основном сосредотачивали свое внимание на том периоде жизни Зорге, когда он став коммунистом занимался партийной работой в КППГ, и позже в ВКП(б), а так же на деятельности его разведгруппы в Японии. Они не упоминали о работе Зорге на Коминтерн, плохо раскрыта работа разведчика в Китае.

С каждым годом количество книг о Герое Советского Союза Зорге продолжало расти. До 1969 года, когда свет увидела книга С. Л. Будкевича «Дело Рихарда Зорге. Следствие и судебный процесс» его биографы не вносили в свои исследования ничего нового. В книге Будкевича впервые в нашей литературе о Зорге были помещены фрагменты «Тюремных записок Зорге», в основном биографического характера. Но основное место в книге отводится поиску причин провала группы «Рамзай» в Японии. Автор выдвигает версию, по которой японская контрразведка совершенно случайно вышла на группу

Зорге. В японской контрразведке решили, что шпионами являются японцы, проживавшие ранее в США и в 30 - е годы вернувшиеся на родину.²³ Среди них оказался сотрудник резидентуры «Рамзая», художник Йотоку Мияги, который так же несколько лет тому назад вернулся в Японию из США. За домом Мияги было установлено наблюдение. Однако художник ничего не заметил и продолжал встречаться с Одзаки и Зорге. Контрразведывательная нить от Мияги потянулась к Одзаки, затем к Зорге, а от него к Клаузену и Вукеличу.²⁴

В 1975 году вышла первая подробная книга о Зорге, которая долгое время служила эталоном для многих авторов. Это труд М. Колесникова и М. Колесниковой «Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге». Авторы использовали в своей книге некоторые рассекреченные радиogramмы групп Зорге во время его работы в Китае и Японии. Книга была дополнена новыми выдержками из «Тюремных записок Зорге», но они, так же как и в книге С. Л. Будкевича, носили в основном биографический характер. Даже после перестройки уже российские авторы брали за образец книгу Колесниковых, дополняя ее все новыми и новыми фактами.

Отличный от авторов СССР, взгляд на советского разведчика, был представлен в книге Ю. Мадера «Репортаж о Рихарде Зорге» изданной в ГДР в 1988 году.²⁵ Немецкий исследователь совершенно по-новому подходит к Рихарду Зорге сводя до минимума искажения его жизни. Мадер упоминает, что Зорге работал одно время на Коминтерн, что в Советском Союзе было запрещено упоминать. Также автор книги делает попытку проследить и проанализировать деятельность Зорге как журналиста, но с той точки зрения, что это была надежная, и никем до Зорге не использованная «крыша» разведчика. Мадер подробно описывает структуру разведывательных групп Рихарда Зорге в Китае и Японии, и называет фамилии не только главных, но и второстепенных участников групп, что также до него ни один автор не делал. В книге образ Зорге уже выходит за рамки упорного коммуниста – интернационалиста, и приобретает черты рассудительного человека, работа которого не заключается в распространении коммунистических идей.

Что же касается литературы, издававшейся в период после крушения СССР, и той, которая издается в наши дни, то нужно отметить, что эти труды отличаются более объективным подходом к изучению деятельности Рихарда Зорге и его разведывательных групп действовавших на территориях Китая и Японии. Но авторы до сих пор упорно продолжают обходить вниманием журналистскую деятельность Зорге. В последние годы было издано очень много книг, в которых Зорге предстает не твердолобым коммунистом, а человеком, который прекрасно представлял, что его разведдеятельность служит не распространению коммунистической идеологии, а возможности предотвращения военных конфликтов между СССР и Японией и сохранению многих сот жизней, ради чего он был готов пожертвовать своей.

С. Голяков и М. Ильинский, которые в 2001 году издали книгу «Зорге. Подвиг и трагедия разведчика».²⁶ В этой книге исследователи обобщили то, что писали советские авторы о Зорге и добавили новый материал, который не был рассекречен раньше. С. Голяков и М. Ильинский приводят в своей книге некоторые донесения разведгруппы «Рамзай», ранее не публиковавшиеся в книжных изданиях. В книге подробно раскрывается работа группы «Рамзай» в Китае. Говорится и о работе Зорге на Коминтерн, но эта проблема недостаточно раскрыта. О деятельности Зорге в Коминтерне авторы судят только по тому, что Зорге писал об этом в своих «Тюремных записках». Авторы обращают внимание и на легальную деятельность Зорге, как журналиста, но и эти исследователи приводят образцы статей Зорге, пытаясь их анализировать, только как факт очень хорошей информированности разведчика по тому или иному вопросу, но обходя вниманием журналистский стиль и глубокое понимание ситуации и возможных ее последствий.

Сборник «Знаменитые шпионы XX века» вышел в свет в 2001 году. Здесь опубликованы произведения Чарльза Уайтона «Крупнейшие шпионы мира» и Ральфа де Толедано «Шпионы, простофили и дипломаты». Авторы дают очень интересную оценку Рихарду Зорге, а Ральф де Толедано даже пытается доказать, что знаменитый советский разведчик не был расстрелян в токийской тюрьме Сугамо 7 ноября 1944 года, а каким-то образом остался жив.²⁷ В книге Ханса Криста²⁸ на основе документальных материалов воссоздается образ Зорге – не твердолобного коммуниста – интернационалиста, не супершпиона, а обычного человека со своими слабостями и недостатками. Эта книга рассказывает о деятельности Зорге и его группы «Рамзай» в Японии.

В. Чернявский в 2004 году издал очень интересную книгу «Разведка: вымысел и правда»,²⁹ в которой он указывает на искажения, которыми была наполнена литература о Зорге в советское время. Самое интересное в книге то, что автор приводит доказательства того, что Зорге не являлся двойным агентом, и приводит несколько версий причин провала группы Зорге в Токио в 1941 году. Автор видит причину провала резидентуры в том, что подпольщики и Центр, особенно в 1940—1941 годах, совершили немало грубых ошибок. Первые — в своей повседневной деятельности, а второй — в руководстве этой важной нелегальной разведывательной точкой. Но главное это ошибки в организации нелегальной радиосвязи. Непрофессиональным В. Чернявский, считает и решение Центра об обеспечении связи с Зорге с помощью легальной резидентуры в Шанхае, а затем из-за неблагоприятной оперативной обстановки там летом 1939 года с токийской резидентурой. Автор пишет и о других упущениях, например, об отсутствии каких-либо сигналов на случай возникновения угрозы провала. Чернявский резюмирует, что по здравому размышлению, эта версия больше всего подходит для того, чтобы стать главной причиной провала резидентуры Зорге. Малые и крупные про-

махи членов токийской точки и московского Центра постепенно накапливались и в конце концов привели к трагическому результату. Этому способствовали также ежовско-бериевские чистки среди наиболее квалифицированной части оперативного состава.³⁰

Книга В. Гаврилова, Е. Горбунова «Операция «Рамзай»,³¹ не является очередной биографией Зорге. Это историческое исследование, в котором объединена история операции и новые факты биографии Зорге не публиковавшиеся ранее. Авторы дали более полную информацию о РУ и о людях, которые разрабатывали операцию «Рамзай». На мой взгляд, за последние, постсоветские годы, это единственное серьезное исследование о Зорге и его разведгруппах. В. Гаврилов, Е. Горбунов многие сведения приводят впервые. Так в книге подробно изложена работа Зорге в Коминтерне, раскрыты причины ликвидации разведывательной группы Зорге в Китае. Ранее исследователи писали о том, что «Центр решил свернуть информационную сеть в Китае, потому что Советское правительство, руководствуясь неизменно дружественной политикой по отношению к китайскому народу, в декабре 1932 года восстановило дипломатические отношения с Китаем»,³² то теперь на основе ранее не известных широкому кругу исследователей документов, авторы доказывают, что основными причинами отзыва Зорге из Китая являлся ряд обстоятельств.

Частое общение с Агнес Смедли, известной своими левыми убеждениями.³³

Во – вторых, арест в 1932 году источника Ходзуми Одзаки по подозрению в шпионаже в пользу компартии Китая.

И, наконец, «накануне отъезда Зорге в Москву его навестил шеф секретной службы компартии Кан Шэн и предупредил, что в разведывательную сеть проник провокатор».³⁴

Документальное подтверждение отзыва «Рамзая» из Китая может дополнить и следующим факт. 19 декабря 1955 года ГРУ в ответе на запрос начальника Следственного управления КГБ Махрова сообщило о том, что: «... Нелегальный резидент Рамзай возглавлял нелегальную сеть Разведупра в Шанхае в 1930—1932 годах. В связи с угрозой его провала, ввиду грубых организационных ошибок, допущенных Рамзаем, из Шанхая он был отозван в Центр».³⁵ Этот документ может поставить точку в спорах о том, почему Зорге был вынужден прекратить разведывательную работу в Китае, хотя впоследствии подозрение о «засвеченности» «Рамзая» не подтвердилось. Истинный характер и возможные последствия упущений и ошибок Зорге в Шанхае были основательно изучены и взвешены руководством Центра, после чего был сделан вывод, что нет оснований считать его расшифрованным контрразведкой»³⁶.

В целом общий обзор источников и литературы показывает, что в настоящее время существует достаточное количество научной литературы, ох-

ватывающих различные аспекты изучения личности, жизни и деятельности доктора Рихарда Зорге. Также имеется достаточно богатая источниковая база. Дальнейшая разработка данной проблематики требует комплексного подхода, так как еще остается ряд вопросов ждущих глубокого и всестороннего изучения.

Накануне празднования 60-летия победы в Великой Отечественной войне хотелось бы проанализировать вклад Зорге и его разведывательной группы в победу над фашистскими захватчиками. За месяц до подписания «плана Барбаросса», Зорге отправил в Центр 18 ноября 1940 года, первое предупреждение о подготовке Гитлером войны против Советского Союза. С этого момента основная деятельность группы «Рамзай» была сосредоточена на выяснении военных планов фашистской Германии против СССР и позиции, которую займет Япония по отношению к нему в случае начала военного конфликта с Германией.

Зорге одним из первых сообщил данные о количестве фашистских дивизий сосредоточенных летом 1941 года на границе с СССР, дату вторжения и общую схему плана военных действий немецко-фашистских войск.

Но от «Рамзая» поступали противоречивые сведения о сроках начала фашистской агрессии. Очевидно, что «Рамзай», не смог точно определить время немецкого нападения на СССР. Тем не менее, Зорге, определил безошибочный индикатор скорого начала войны — сокращение перевозок каучука через территорию СССР. И требование посла Германии в Японии от военного атташе не посылать важных сообщений через СССР и приказ из Берлина немецким представительствам в Японии вернуться в Германию к концу мая. Однако эту информацию советское руководство оставило без внимания. Но Зорге сообщил очень близкую к действительности дату начала германской агрессии. Советские авторы, не имея доступа ко всем разведдонесениям Рихарда Зорге, утверждали, что разведчик сообщил точную дату нападения фашистской Германии на Советский Союз — на рассвете 22 июня. Не так давно исследователи получили доступ ко всем радиограммам, посланным Зорге накануне войны, и ни в одной из них не было точной даты, которую якобы передал резидент в Центр.

1 июня 1941 года Зорге прогнозировал «ожидание начала германо-советской войны около 15 июня». В середине июня резидент отправил в Центр радиограмму: «Немецкий курьер сообщил, что между СССР и Германией начнется война в конце июня»³⁷.

Зорге, пожалуй, единственному, из всех разведчиков удалось получить относительно правильный ответ на вопрос о том, что «наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом немецкой армии. Зорге предупредил, что немцы собирались использовать факт «большой тактической ошибки», допущенной командованием РККА, наличие сплошной полосы обороны «без больших ответвлений»,³⁸ то есть недостаточно эшелонированной в глубину.

«Рамзаю» также не удалось получить точный ответ, на вопрос о том, какими силами будет осуществлено нападение, но он дал приблизительные представления о силе немецких армий - 9 армий (150 дивизий). Наступление немецкой армии будет проводиться по всему фронту.

В радиограмме из Токио, посланной 17 июня, Зорге уточнил данные о численности фашистских армий, которые будут брошены на Советский Союз.

39

Таким образом, на основные вопросы о том, когда, где, и какими силами будет совершено нападение, Зорге смог дать не вполне точные, но более близкие к действительности ответы, чем многие другие разведчики.

Кроме этого, Зорге определил очень важный факт: нападение Германии на СССР было весьма вероятным еще и потому, что Гитлер и его генералы были уверены, что смогут воевать на два фронта: и против Англии, и против СССР. Эта убежденность германских военных основывалась на чрезвычайно низкой оценке боеспособности Красной Армии.

Еще одной заслугой Зорге является правильное и своевременное сообщение о том, что Япония не намерена вступать в войну с СССР. С момента нападения гитлеровской Германии на СССР Зорге направил всю свою энергию, все силы группы на выяснение вопроса, вступит ли Япония в войну с СССР

Зорге следил за усилением японской армии. Резидент выяснил, что на заседании тронного совета было принято решение провести всеобщую мобилизацию армии и послать войска, как в северном, так и в южном направлениях. Также удалось выяснить, куда направляются войсковые части, сформированные в результате этой мобилизации. Оказалось, что большая часть вооруженных сил отправлялась на материковый Китай и на юг, во Французский Индокитай, одна третья отмобилизованных частей (около 15 дивизий) сосредоточилась у границы с Советским Союзом. Из всего этого Зорге сделал вывод, что летом или осенью 1941 года Япония не нападет на Советский Союз.

Зорге передал информацию о совещании между военными руководителями Японии и представителями Квантунской армии, проходившем в середине августа 1941 года. На котором представители Квантунской армии высказались вообще против войны с Советским Союзом.

Самое важное сообщение Зорге было передано в Центр 14 сентября 1941 года, в котором говорилось, что «после 15 сентября 1941 года советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии».⁴⁰

Эта исключительная по ценности информация дала возможность советскому командованию перебросить с Дальнего Востока на Западный фронт многие сибирские дивизии. В период операции «Тайфун» - генерального наступления немецко-фашистских армий на Москву - советские дивизии, пере-

брошенные с Дальнего Востока, оказали неоценимую и своевременную помощь. Основная масса войск с Дальнего Востока и из Забайкалья прибыла под Москву в конце октября — начале ноября 1941 года. Всего в течение сентября—октября из состава Забайкальского и Дальневосточного фронтов на запад было переброшено 14 дивизий. Судя по графику прибытия первых дивизий, решение об их переброске было принято Сталиным сразу после 15 сентября.

Многие дивизии, прибывавших с Дальнего Востока и из Забайкалья, участвовали в боях на Хасане и Халхин-Голе и имели боевой опыт. Но говорить, что они решили исход битвы под Москвой, наверное, было бы не совсем правильно. Но если бы их не было, под Москвой пришлось бы тяжелей.

Сегодня можно без преувеличения сказать, что кроме Рихарда Зорге ни одному иностранному агенту, работавшему в Японии накануне и во время второй мировой войны, не удалось сделать то, что удалось этому советскому разведчику. В течение восьми лет он добывал секретную информацию в азиатской столице, где разведчикам приходилось тяжелее, чем в любом европейском государстве. Его информация сыграла свою роль в том, что Советский Союз выстоял в 1941 году и победил в битве под Москвой. Тем самым были заложены предпосылки Великой Победы.

¹ Прохожев А. А. Дело Зорге / А.А. Прохожев //Новая и новейшая история. - 1994. - № 4. - С. 141-142.

² Фесюн А. Г. Новые документы по «делу Зорге» / А. Г. Фесюн // Новая и новейшая история. - 2000. - № 2. -С. 122

³ 1941 год.: В 2-х т. / под ред. А. Н. Яковлева. - М., 1998. - Т. 1,2.

⁴ Зорге Р. Статьи. Корреспонденции. Рецензии / Р. Зорге. - М.: Изд – во МГУ, 1971. - 220 с.

⁵ Зорге Р. Как я стал коммунистом / Рихард Зорге //Комсомольская правда. - 1963. - 3 марта.

⁶ Дело Зорге // Новая и новейшая история. - 1994.- № 2 - 4.; Зорге Р. Тюремные записки / Р. Зорге // Знаменитые шпионы XX века. М.: Вече, 2001. - 592 с.

⁷ Будкевич С. Л. Дело Зорге. Следствие и судебный процесс / С. Л. Будкевич. - М.: Наука, 1969. - 229 с. - С. 74-75, 77 - 78; Колесникова М., Колесников М. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге / М. Колесникова, М. Колесников. - М.: Воениздат, 1985. - 302 с. - С. 257-259, 262, 264-266, 282, 285.

⁸ Будкевич С. Л. Указ. соч. С. 70.

⁹ Жуков Г. Воспоминания и размышления / Г. Жуков. - М., 1976.

¹⁰ Шелленберг В. Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика / В. Шелленберг. - М., 1991.

¹¹ Гальдер Ф. Военный дневник / Ф. Гальдер. - М., 1969., Т.2.

¹² Горев Я. Я знал Зорге. / Я Горев // Комсомольская правда. - 1964. - 8 окт.

¹³ Кривицкий В. Я был агентом Сталина: записки советского разведчика / В. Кривицкий. - М.: Терра, 1991. - 312 с.

¹⁴ Долгополов Н. Гении внешней разведки / Н. Долгополов. - М. : Молодая гвардия, 2004.

¹⁵ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов / А. Куусинен. - М.,1991. - 240 с.

¹⁶ Шелленберг В. Указ. соч. С. 161- 163.

- ¹⁷ Колесникова М., Колесников М. Друзья и соратники Зорге / М. Колесникова, М. Колесников. – М., 1966. – 157 с. ; Колесникова М., Колесников М. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге / М. Колесникова, М. Колесников. – М.: Воениздат, 1985. – 302 с.; Колесникова М., Колесников М. Рихард Зорге / М. Колесникова, М. Колесников.- 2-е изд. испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1975. - 314 с.; Колесников М. С. Таким был Рихард Зорге / М. С. Колесников. – М.: Воениздат, 1965. – 224 с.
- ¹⁸ Корольков Ю. М. Кио ку мицу! / Ю. М. Корольков. – М.: ДОСААФФ. СССР, 1988. – 684с. ; Корольков Ю. М. Человек, для которого не было тайн. / Ю. М. Корольков. – М.: Советская Россия, 1965. – 236 с.
- ¹⁹ Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге / Ф. Д. Волков. – 2-е изд. испр. и доп. - М.: Знание, 1981. - 96 с.
- ²⁰ Голяков С. М., Понизовский В. М. Голос Рамзая / С. М. Голяков, В. М. Понизовский. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 392 с.; Голяков С. М., Понизовский В. М. Рихард Зорге / С. М. Голяков, В. М. Понизовский. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 206 с.
- ²¹ Будкевич С. Л. Указ. соч.
- ²² Дементьева И., Агаянц Н., Яковлев Е. Товарищ Зорге / И. Дементьева, Н. Агаянц, Е. Яковлев. – М.: Советская Россия, 1965. – 134 с.
- ²³ Фесюн А. Г. Новые документы по «делу Зорге». - С. 126.
- ²⁴ Будкевич С. Л. Указ. соч.
- ²⁵ Мадер Ю. Репортаж о Рихарде Зорге / Ю. Мадер. – Воениздат ГДР, 1988. – 304 с.
- ²⁶ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч.
- ²⁷ Де Толедано, Ральф. Шпионы, простофили и дипломаты / Ральф де Толедано // Знаменитые шпионы XX века. - М.: Вече, 2001. - 592 с.; Уайтон Ч. Крупнейшие шпионы мира / Ч. Уайтон // Знаменитые шпионы XX века. - М.: Вече, 2001. - 595 с.
- ²⁸ Кирст Ханс Хельмут. Зорге, которого мы не знали. Жизнь и гибель великого разведчика в Японии / Ханс Хельмут Кирст. - М.: Центрполиграф, 2001.- 381 с.
- ²⁹ Чернявский В. Разведка: вымысел и правда / В. Чернявский. - М.: Молодая гвардия, 2004. - 366 с.
- ³⁰ Там же. С. 218.
- ³¹ Гаврилов В., Горбунов Е. Операция «Рамзай»: триумф и трагедия Зорге / В. Гаврилов, Е. Горбунов. - М., 2004. – 476 с.
- ³² Колесникова М., Колесников М. Указ. соч. С. 99.
- ³³ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 71.
- ³⁴ Там же. С. 117.
- ³⁵ Там же. С. 118.
- ³⁶ Гаврилов В., Горбунов, Е. Указ. соч. С. 26.
- ³⁷ 1941 год. - Т. 1. С. 304.
- ³⁸ Там же. С. 305.
- ³⁹ Русский архив. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы: В 2-х т. – М., 1997. – С. 194.
- ⁴⁰ Там же. С. 195.

**ОТТЕПЕЛЬ В ОТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА
И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943 – 1945 гг.
(на архивных материалах Воронежской области).**

В год 60-летия победы заслуживает внимания вопрос, связанный с Русской православной церковью (РПЦ), ее патриотической деятельностью и ее взаимоотношениями с государством в годы Великой Отечественной войны. Многие исследователи в той или иной степени уделяли внимание различным аспектам истории РПЦ в Воронежской области.¹ Кроме того, по данной проблематике доступны архивные документы, хранящиеся в ГАВО и ГАОПИ ВО.

Полтора десятилетия истории РПЦ в последние годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное время были для нее, на фоне предыдущих и последующих жестоких гонений, своеобразной передышкой, позволившей частично возродить многие прежние ее институты.

Неизбежность изменения курса государственной политики стала ощущаться многими связанными с церковью людьми вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной и летом 1943 года многочисленные бродячие священники агитировали верующих подавать властям ходатайства об открытии храмов; а среди московского духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже отказались фактически от прежней линии гонений на РПЦ. Ситуация стала меняться еще с 1942 года: «была открыта Христово-Рождественская церковь в Анне, Знаменская – в Борисоглебске, Никольская – в Воронеже; прекратила свою деятельность организация безбожников; из партийных и государственных документов исчез термин – антирелигиозная и атеистическая работа».²

И в сентябре 1943 года назревший поворот в государственно-церковных отношениях произошел. Причины его многообразны. Большое значение имела активная патриотическая деятельность подавляющей части духовенства и верующих в годы войны. За два первых ее года, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, церковь показала свою силу в борьбе против фашизма и сумела расширить свое влияние. Реальная действительность заставила руководство ВКП(б) перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов для борьбы с общим врагом – фашистской Германией. Сыграли свою роль и обращение в ходе войны к национальным патриотическим традициям, и стремление нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, порою представлявшей Германию защитницей христианства в России. На временно оккупированной территории Воронежской области за шесть месяцев были открыты 36 храмов:

в Землянке, Кантемировке, Нижнедевицке, Ольховатке, Острогожске, Репьевке и других населенных пунктах.³

Прагматическая инициатива государства встретила ответную положительную реакцию церкви. А Московской патриархии было бы непростительно не использовать возможность церковного возрождения.

Важной вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 года. У Сталина состоялось совещание с участием Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, представителей Наркомата госбезопасности (НКГБ). Решено было образовать при Совнаркоме СССР специальный орган для связи правительства с церковью – Совет по делам РПЦ и, кроме того, провести встречу Сталина с руководством церкви. Поздним вечером того же дня эта встреча состоялась.

Сразу же после встречи церковных деятелей со Сталиным началось практическое претворение в жизнь достигнутых договоренностей. 8 сентября 1943 года Архиерейский собор в составе 19 иерархов избрал митрополита Сергия патриархом Московским и всея Руси. 12 сентября в Богоявленском Елоховском соборе состоялась интронизация новоизбранного патриарха. Заметим, что в этих торжествах приняли участие и некоторые архиереи, возвращенные по обещанию Сталина из ссылок. 14 сентября 1943 года Совнарком принял постановление об образовании Совета по делам РПЦ. А Постановлением № 1095 от 7 октября 1943 года было утверждено положение о Совете по делам РПЦ при Совнаркоме СССР. Согласно этому Положению Совет по делам РПЦ при Совнаркоме СССР должен был осуществлять связь между правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам РПЦ, требующим разрешения правительства СССР. Совет состоял «из председателя, его заместителя, двух членов и ответственного секретаря, утверждаемых Совнаркомом СССР. Кроме того, Совет по делам РПЦ имел при Совнаркоммах союзных и автономных республик, обл(край)исполкомах своих уполномоченных».⁴

На Совет по делам РПЦ возлагались такие обязанности как:

- «предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом Московским и всея Руси и требующих разрешения правительства СССР;
- разработка проектов законодательных актов и постановлений по вопросам РПЦ, а также инструкций и других указаний по их применению и внесения их на рассмотрение Совнаркома СССР;
- наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений правительства СССР, относящихся к РПЦ;
- представление Совнаркому СССР заключений по вопросам РПЦ;
- своевременное информирование правительства СССР о состоянии РПЦ, ее положении и деятельности на местах;

- общий учет церквей и составление статистических сводок по данным, представленным местными органами».⁵

Совет по делам РПЦ имел право «требовать от центральных и местных советских органов представление необходимых сведений и материалов по вопросам, связанным с РПЦ, образовывать комиссии для разработки отдельных вопросов, касающихся РПЦ».⁶

А все центральные учреждения и ведомства СССР должны были предварительно согласовывать с Советом все проводимые ими мероприятия, которые могли быть как-то связаны с вопросами, относящимися к РПЦ.

После заключения своеобразного «конкордата» между государством и церковью Сталин продолжал лично интересоваться проблемами церковной жизни, требовал предоставления регулярной информации о ситуации в православной и других церквях.

К концу 1943 года был сформирован центральный аппарат Совета, а также подобраны и утверждены его уполномоченные в большинстве союзных, автономных республик, краев и областей. Согласно Положению о Совете его уполномоченные «наблюдали» за правильным и своевременным проведением в жизнь постановлений правительства и других указаний, касающихся деятельности церкви, «предоставляя» в СНК СССР заключения по вопросам компетенции Совета, «вели» общий учет молитвенных зданий.⁷

Председателю Совета, Карпову, отводилась роль посредника между правительством и церковью. Непосредственно он направлял соответствующие директивы на места для выявления реального положения дел в церковной сфере. Материалы уполномоченных служили центральному аппарату основой для составления докладных записок и иной информации в адрес СНК СССР и других ведомств. Укажем, что в них Карпов не уходил от острых проблем и писал о случаях произвола по отношению к верующим и духовенству со стороны партийных и государственных органов, о несоблюдении на местах законодательства о религиозных организациях, стремлении кое-где уклониться от нового курса государства в церковных вопросах. Показательна в этом отношении опубликованная записка Карпова в Совнаркоме по итогам первого года работы Совета:

«... со стороны председателей сельсоветов и колхозов имел место ряд фактов административного и самочинного закрытия церквей, без предупреждения верующих, и грубые выпады в виде выбрасывания на улицу предметов церковного обихода, запрещения священнослужителям исполнять богослужения...».⁸

21 февраля 1944 года решением Воронежского облисполкома уполномоченным Совета по делам РПЦ по Воронежской области был назначен Владимир Степанович Гостев.

Данная работа являлась для Гостева новой, и поэтому требующая «осторожного и вдумчивого решения того или иного вопроса, особенно в первый

период, когда было совсем мало руководящих указаний и не было никаких инструкций, когда отсутствовала всякая преемственность, т.е. не было передано никакого делопроизводства и отчетности, и была передана только папка с заявлениями, относящимися к церковным вопросам без дат их получения».⁹

Основными задачами уполномоченного были:

- «проверка состояния контроля за соблюдением законодательства о культах;
- изучение настроений, степени религиозности, отношения к законодательству, к воспитанию детей священному жителям Воронежской области;
- беседы со священнослужителями по необходимости в момент регистрации;
- уточнение состава и изучение деятельности незарегистрированных групп сектантов и принятие мер по пресечению их незаконной деятельности;
- совместно с научно-методическим Советом облуправления общества «Знание» организовывать чтение лекций о советском законодательстве о религиозных культах в районах области;
- изучение степени религиозности населения и посещаемости церквей в праздничные дни;
- проведение работы по увеличению добровольных денежных взносов на патриотические цели (в фонды мира и охраны памятников) и др.»¹⁰

При этом уполномоченный иногда злоупотреблял своим положением, вмешиваясь в дела назначения, перемещения и увольнения духовенства, это прослеживается по многочисленным заявлениям священников, поступавшим на имя уполномоченного.¹¹

Одной из наиболее важных для Совета проблем стал вопрос об открытии православных церквей, как во внутренних районах страны, так и на территориях, освобождаемых от оккупантов.

В соответствии с утвержденным 28 ноября 1943 года Постановлением СНК СССР «О порядке открытия церквей» решения об открытии церквей принимал Совнарком по спискам, представляемым Советом по делам РПЦ.

В тех случаях, «когда СНК союзных и автономных республик и обл(край)исполкомы отклоняли ходатайство об открытии церкви, СНК или исполком должны были выносить мотивированное решение, копия которого направлялась в Совет по делам РПЦ при СНК СССР, материалы же оставались в делах СНК республики или обл(край)исполкома. О своих решениях СНК республики или обл(край)исполком должен был уведомлять верующих, подписавших заявление».¹²

В тех случаях, когда СНК республик, обл(край)исполкомов находили целесообразным и возможным удовлетворить ходатайство верующих об открытии той или иной церкви, все материалы с заключением СНК республики или обл(край)исполкома должны были направляться в Совет по делам РПЦ при СНК СССР для решения.

В своих заключениях СНК республик и обл(край)исполкомы обязательно должны были показывать:

- «действительно ли заявители были уполномочены группой верующих или они действуют по личной инициативе;
- в каком состоянии находится здание церкви, о котором просят верующие, и как это здание используется в настоящее время;
- когда и по решению, каких советских органов данная церковь была закрыта;
- количество функционирующих церквей в районе или городе и расстояние до ближайшей церкви от данного населенного пункта».¹³

Совет по делам РПЦ при СНК СССР на своих заседаниях должен был рассматривать поступившие с мест заявления и заключения по ним и выносить предварительные решения. В отношении тех случаев, когда Совет по делам РПЦ при СНК СССР соглашается с мнением СНК республики или обл(край)исполкома, об открытии той или иной церкви, Совет по делам РПЦ при СНК СССР периодически должен был представлять в СНК СССР на одобрение свои предварительные решения. После одобрения правительства, Совет по делам РПЦ при СНК СССР должен был сообщать свое окончательное решение СНК республики или обл(край)исполкому для последующей регистрации нового религиозного общества и оформления передачи верующим церковного здания.

Согласно Постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей» «вся работа по приему, учету и предварительному рассмотрению заявлений, проведение необходимости проверки и составление проектов заключений по ним должна была осуществляться уполномоченными Совета по делам РПЦ при СНК союзных, автономных республик и при обл(край)исполкомах».¹⁴

Что касается районных и городских исполкомов Советов Депутатов трудящихся, то они, не вынося свои решения, должны были направлять заявления верующих об открытии церквей со справкой необходимых сведений уполномоченному в Совет по делам РПЦ при СНК республик или обл(край)исполкоме.

В тех областях, краях и районах, где имелись епископы РПЦ, управляющие епархиями, уполномоченные Совет по делам РПЦ в порядке проверки поступивших к ним заявлений выяснял через епископов, поддерживают ли они ходатайства верующих или считают возможным отклонить эти ходатайства.

В последнем случае, заявления передавались епископу для отклонения и непосредственном об этом извещении заявителей.

В тех случаях, когда «заявления от верующих поступали непосредственно епископу, последний рассматривал их и передавал уполномоченному Совету по делам РПЦ только те заявления, по которым он поддерживал ходатайство верующих, сообщая свое мнение уполномоченному».¹⁵

Но и здесь не обошлось без ошибок и нарушений. В некоторых заявления верующие жаловались на «неосновательность отказов на местах в удовлетворении ходатайств, на медлительность разрешения вопросов, на грубость представителей местных органов власти, на оскорбление религиозных чувств верующих и угрозы, на растаскивание церковного имущества и на разборку церковных зданий».¹⁶

В связи с таким положением дел председатель Воронежского исполкома облсовета депутатов трудящихся И.В. Васильев в переписке с местными партийными органами рекомендовал всем председателям гор(рай) исполкомов депутатов трудящихся обеспечить корректное и вежливое обращение с верующими и их уполномоченными, когда последние обращаются в советские органы города или района по делам РПЦ. А также «не допускать в какой бы то не было мере, оскорбление религиозных чувств верующих, тем более, нецензурных выражений и угроз, что является уголовно наказуемым деянием». Кроме того, И.В. Васильев настаивал на принятии «необходимых мер по сохранению от растаскивания и расхищения строительных материалов церковных зданий».¹⁷

Для предотвращения нарушений, а также регламентации порядка открытия церквей 1 декабря 1944 года СНК СССР приняло Постановление «О православных церквях и молитвенных домах». Согласно этому Постановлению запрещалось «закрытие зарегистрированных в установленном порядке православных церквей, действующих в бывших церковных зданиях, и молитвенных домов в арендуемых верующими помещениях без разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР».¹⁸

Совнаркомом союзных и автономных республик, областным и крайвым исполкомам в случаях необходимости разрешалось освобождать помещения государственных и общественных учреждений (школы, клубы, детские и лечебные учреждения и т.п.), занятые в период немецкой оккупации под церкви и молитвенные дома, но при условии предоставления церковным общинам срока, необходимого для подыскания на правах аренды других помещений. В тех случаях, когда указанные государственные и общественные учреждения размещались в бывших церковных зданиях, а в период оккупации эти здания были заняты религиозными общинами, вопрос об освобождении этих зданий должен был разрешаться по согласованию с Советом по делам РПЦ при СНК СССР.

Совету по делам РПЦ при СНК СССР разрешалось также при наличии ходатайства значительной группы верующих об открытии православной церкви или молитвенного дома, если в районе или городе нет действующих церквей, или действующая церковь находится на значительном расстоянии от местожительства заявителей, - удовлетворять это ходатайство в порядке, установленном Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 года № 1325. «В первую очередь должны были удовлетворяться ходатайства верующих об от-

крытии тех церквей, в отношении которых не выносилось решений об их закрытии, а церковные здания свободны и непереоборудованы».¹⁹

Также запрещалось переоборудование церковных зданий для других целей без разрешения Совета по делам РПЦ, а «слом или разборка церковных зданий допускалась только по распоряжению обл(край)исполкома или СНК республики в исключительных случаях (при угрозе обвала и т.п.), при наличии технического акта и по заключению Уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР. Строительство же новых молитвенных зданий допускалось в отдельных случаях, но силами и средствами верующих с разрешения Совета по делам РПЦ при СНК СССР».²⁰

Наряду с этим, в жизни церкви имелись факты, которые в одних случаях являлись прямым нарушением законов, а в других, требующих соответствующих разрешений.

Например, к фактам прямого нарушения закона относятся:

- «совершение религиозных треб на территории Михайловского района незарегистрированным священником;
- осуществление колокольного звона не внутри церковного здания – в церкви города Россоши;
- хранение денежных средств не всеми религиозными общинами в учреждениях Госбанка и сберкассах».²¹

К фактам, требующим соответствующих разрешений можно отнести следующие:

- «определение прав и обязанностей исполнительных органов и ревизионных комиссий, религиозных общин и установление сроков их деятельности;
- установление порядка учета и отчетности как материальной, так и денежной в религиозных общинах».²²

Отсутствие же этих двух факторов «ведет к полной бесхозяйственности и бесконтрольности в управлении церковным имуществом, принадлежащем государству, создает обогащение для разных темных лиц и создает склоки, которые процветают в религиозных общинах и которые приходится по жалобам верующих разбирать не всегда успешно при таком положении...».²³

Таким образом, в соответствии с изменениями, произошедшими за первые годы войны, в 1943 году произошли и изменения в государственной политике в отношении церкви, что повлекло за собой как плюсы (открытие церквей, освобождение религиозных деятелей и т.д.), так и множество ошибок, нарушений и неприятие, происходящих изменений со стороны многих советских руководителей. РПЦ была включена в сферу государственных интересов. Появилась законодательная база, регламентирующая государственно-церковные отношения, определяющая границы прав и обязанностей церкви.

Так, хотя в церковно-государственных отношениях и произошел сдвиг в сторону налаживания отношений, но до полного взаимопонимания и сотрудничества было еще далеко. Эти тенденции прослеживаются как по всей стране, так и конкретно в Воронежской области. Здесь постепенно велась работа по налаживанию механизма взаимодействия государственных органов власти и церковных организаций, и в частности Воронежской епархии. Совет по делам РПЦ, как в центре, так и на местах, являлся связующим звеном между государством и церковью. И значение его деятельности для церкви на данный период времени на фоне всех предыдущих событий было большое. При его содействии открывались и восстанавливались церкви, хотя этот процесс и сдерживался со стороны высшего партийного руководства.

Несомненно, немаловажную роль в деле налаживания взаимоотношений государства и церкви в рассматриваемый нами период сыграла патриотическая помощь государству. В первый день войны глава РПЦ митрополит Сергей (Страгородский) призвал духовенство и верующих к патриотической деятельности на благо Отечества: «Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь...».²⁴

Патриотическая работа велась даже в храмах находящихся на оккупированных территориях. В храмах, открытых с дозволения немцев, возносились молитвы «о богохранимой стране Российской, властях, вождях и воинствах ея». В патриотических проповедях говорили о силе русского оружия и русского духа. Церковь помогала наиболее бедным семьям, особенно из числа эвакуированных.²⁵

После освобождения оккупированных территорий начались организованные сборы в фонд обороны. При Никольском соборе города Воронежа в сентябре 1943 года был организован епархиальный комитет по сборам подарков раненым воинам и пожертвований на оборону Родины. Во всех храмах епархии за всеми службами был введен тарелочный сбор «в фонд обороны». Каждый воскресный и праздничный день по окончании литургии служились молебны о даровании победы. Произносились патриотические проповеди, которые заканчивались патриотическим призывом «работать не за страх, а за совесть, во имя величайшей заповеди Иисуса Христа – любви в ближнем и во имя той же любви вносить свои добровольные пожертвования на патриотические цели».²⁶

«В подаваемых верующими заявлениях, в заявлениях служителей культа, а также при личных беседах уполномоченного по делам РПЦ, как с первыми, так и со вторыми, излагалось и говорилось только о желании помочь Родине в разгроме ненавистного врага – Гитлера, путем молитв и сбора средств на оборону Родины».²⁷

В мае 1944 года епархиальный комитет по организации сборов на оборону Родины «приобрел для госпиталя № 406 города Воронежа мебель на

сумму 28 547 рублей. За пасхальные дни 1944 года на патриотические цели от приходов поступило 188 127 рублей».²⁸ Всего же по епархии за 1944 год было «собрано 2 339 014 рублей, в том числе:

- в фонд обороны – 1 955 686 рублей;
- на подарки военным Красной Армии – 107 521 рубль;
- на лечение больных и раненных – 108 647 рублей;
- на помощь инвалидам Отечественной войны – 6 888 рублей;
- на помощь детям и детским учреждениям – 27 340 рублей;
- на помощь семьям воинов Красной Армии – 92 932 рублей».²⁹

Сдано облигациями в фонд обороны 376 820 рублей. Кроме того, с ноября по декабрь в Воронежской епархии по призыву Высокопреосвященнейшего Алексея митрополита Ленинградского и Новгородского Патриаршего Местоблюстителя «проводился месячник сбора средств в помощь семьям бойцов, павших за свободу и независимость Родины, каковой выразился:

- наличными – 208 828 рублей;
- облигациями военного займа – 31 010 рублей;
- и билетами денежной лотереи – 1 050 рублей».³⁰

Всего на патриотические цели по Воронежской области за 1944 год было собрано и внесено 2 657 722 рубля.

Государство с благодарностью принимало от прихожан и духовенства православных храмов их лепту в дело достижения победы. За первое полугодие 1945 года епархия внесла на патриотические цели 1 253 914 рублей. Патриотическая работа в 1945 году выражалась в следующем: «В церквях проводится тарелочный сбор, предваряемый словами, возгревающими патриотическое чувство любви к Родине. Кроме тарелочного сбора во многих храмах делаются отчисления 1 рубль с проданной просфоры, а потом стали выделять 10 % с валового дохода церквей. Из храмов по взносам первое место занимает город Липецк – 398 000 рублей, второе место Борисоглебск – 377 000 рублей, третье – Воронеж – 153 000 рублей».³¹ Необходимо отметить, что «Христово-Рождественская церковь города Липецка (настоятель протоирей Георгий Иванович Савченко) перечислила в 1944 году - 52 800 рублей. За вклад в дело обороны настоятель храма получил две благодарственности от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина».³²

После окончания войны епархиальное управление предложило церковным советам делать отчисления на «залечивание ран, нанесенных фашистами». На этот призыв приходы активно откликались, и «к 1 января 1946 года пожертвовали 476 896 рублей. В июле 1945 года в Воронежском банке был открыт специальный епархиальный счет для средств, поступающих на патриотические цели. В течение 1946 года на счет поступило 2 357 544 рублей. Кроме того, из церковных доходов на разные общественные нужды в 1946 году было потрачено 1 680 000 рублей, на оказание помощи Бутурлиновскому

детскому дому, Обществу глухонемых, Обществу слепых, областным отделам народного образования и здравоохранения».³³

И только Указом Святейшего патриарха от 12 февраля 1947 года сборы на патриотические цели были прекращены. «В период Великой Отечественной войны РПЦ, - говорилось в Указе, - выполняя свои патриотический долг, собирала средства на укрепление мощи Советской Армии в ее борьбе с нашествием фашистских полчищ. По окончании войны сборы средств шли на оказание помощи детям сиротам, родители которых погибли на фронтах, инвалидам и т.д. В связи с тем, что правительство СССР проводит большую работу по обеспечению инвалидов и сирот для этой цели отпускаются достаточные средства, Московская патриархия находит возможным впредь не проводить сборы на эти цели...». Следует отметить, что это решение было принято по рекомендации советского правительства, которое, по-видимому, было обеспокоено ростом авторитета православной церкви. Патриотическая деятельность церкви стала заключаться «в призывах к верующим честно трудиться и тем самым помогать быстрейшему восстановлению разрушений, нанесенных войной».³⁴

Воронежская епархия в период с 22 июня 1941 года по 1 января 1947 года пожертвовала в фонд обороны, на восстановление народного хозяйства и другие патриотические цели около 9 миллионов рублей. Патриотическая позиция церкви была высоко оценена правительством, многие ее представители были награждены государственными орденами и медалями, в том числе и 21 священнослужитель Воронежской епархии.³⁵

Таким образом, РПЦ, в том числе Воронежская епархия, сыграла немаловажную роль в оказании помощи защитникам Родины. Патриотическая деятельность выражалась не только в духовной поддержке, но и в материальной, о чем свидетельствуют архивные материалы. В военные года РПЦ показала себя как защитница Родины и ее интересов, ее народа, несмотря на то, что первоначально она находилась в сложном положении, помощь ее была неоценима.

¹ См.: Акиньшин А.Н. Храмы Воронежа / А.Н. Акиньшин. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Кварта, 2003. – 240 с.; Сапелкин Н.С. Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Сапелкин // Церковь и ее деятели в истории России. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – с. 129-147.; Сапелкин Н.С. Источники по истории Воронежской епархии XX века: Проблема полноты и достоверности / Н.С. Сапелкин // Из истории Воронежского края. – 2001. – Вып. 9. – с. 187-194.; Сапелкин Н.С. Патриотическая деятельность Воронежской епархии в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Сапелкин // Край Воронежский. Межвуз. сб. – 1999. – Вып. 3. – с. 69-78.; Цыпин В.А. История Русской православной церкви (1917 – 1989) / В.А. Цыпин. – М., 1994. – 569 с.

- ² Сапелкин Н.С. Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Сапелкин // Церковь и ее деятели в истории России. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 129.
- ³ См.: Цыпин В.А. История Русской православной церкви (1917 – 1989)/ В.А. Цыпин. – М., 1994. – С. 129
- ⁴ [Переписка с Советом по делам Русской православной церкви по вопросам, относящимся к деятельности церкви по территории Воронежской области за 1943 г.]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 5. Д. 1. Л. 2 - 4).
- ⁵ Там же, Л. 3.
- ⁶ Там же, Л. 4.
- ⁷ Там же, Л.1.
- ⁸ Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943-1945 гг.) / М.И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1995. – №3. – С. 59
- ⁹ [Докладные записки, справки, спецсообщения обкому ВКП(б) о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б). Материалы по итогам восстановления народного хозяйства области. Информация о деятельности Русской православной церкви в области и др. 1945 г.]. (ГАОПИ ВО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6369. Л. 36).
- ¹⁰ [Переписка с Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и другими советскими органами по вопросам состояния религии и деятельности религиозных организаций]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 256. Л. 68 - 69).
- ¹¹ [Протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви. 1945 г.]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 11. Л. 8).
- ¹² [Переписка с Советом по делам Русской православной церкви по вопросам, относящимся к деятельности церкви по территории Воронежской области за 1943 г.]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 5. Д. 1. Л.9).
- ¹³ Там же, Л.9.
- ¹⁴ Там же, Л. 10.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ [Докладные записки, справки, спецсообщения обкому ВКП(б) о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б). Материалы по итогам восстановления народного хозяйства области. Информация о деятельности Русской православной церкви в области и др. 1945 г.]. (ГАОПИ ВО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6369. Л. 27-28).
- ¹⁷ [Переписка с Советом по делам Русской православной церкви, местными партийными и советскими органами о состоянии и деятельности церкви за 1944 год]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 5. Д. 3. Л. 94).
- ¹⁸ [Отчетно-информационный доклад о состоянии, деятельности Русской православной церкви на территории Воронежской области за 1944 – 1945 годы]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 5. Д. 2. Л. 4).
- ¹⁹ Там же, Л. 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ [Докладные записки, справки, спецсообщения обкому ВКП(б) о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б). Материалы по итогам восстановления народного хозяйства области. Информация о деятельности Русской православной церкви в области и др. 1945 г.]. (ГАОПИ ВО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6369. Л. 27).
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Русская православная церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. / Составитель Г. Штрихкер. – М., 1995. – С. 330.

²⁵ См.: Сапелкин Н.С. Патриотическая деятельность Воронежской епархии в годы Великой Отечественной войны. // Край Воронежский. Межвуз. сб. – 1999. – Вып. 3. – С. 69.

²⁶ [Докладные записки, справки, спецсообщения обкому ВКП(б) о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б). Материалы по итогам восстановления народного хозяйства области. Информация о деятельности Русской православной церкви в области и др. 1945 г.]. (ГАОПИ ВО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6369. Л. 50).

²⁷ Там же, Л. 27.

²⁸ [Материалы епархиального управления и других церковных органов (заявления, списки, доклады и др.) 1945 г.]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 16. Л. 26).

²⁹ [Докладные записки, справки, спецсообщения обкому ВКП(б) о выполнении постановлений бюро обкома ВКП(б). Материалы по итогам восстановления народного хозяйства области. Информация о деятельности Русской православной церкви в области и др. 1945 г.]. (ГАОПИ ВО, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6369. Л. 49).

³⁰ Там же.

³¹ [Материалы епархиального управления и других церковных органов (акты, справки, заявления, письма и др.)]. (ГАВО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 24. Л. 32, 33).

³² Там же, Л. 62.

³³ Сапелкин Н.С. Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Сапелкин // Церковь и ее деятели в истории России. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 133.

³⁴ Сапелкин Н.С. Патриотическая деятельность Воронежской епархии в годы Великой Отечественной войны. // Край Воронежский. Межвуз. сб. – 1999. – Вып. 3. – С. 71.

³⁵ См.: Сапелкин Н.С. Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны / Н.С. Сапелкин // Церковь и ее деятели в истории России. – Воронеж, 2001. – Вып. 2. – С. 133.

Н. А. Белявцева

ВОРОНЕЖСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Начавшаяся утром 22 июня 1941 года война в корне изменила всю театральную жизнь Воронежа. Накануне войны в городе работали театр музыкальной комедии, театр юного зрителя, театр кукол, государственная филармония, кинотеатры. Проводились декады русской классической и советской музыки, творческие конференции, смотры самодеятельности, различные конкурсы и концерты. Воронеж принимал знаменитых гостей, таких как Давид Ойстрах, И.О. Дунаевский, Государственный оперный театр имени К.С. Станиславского, Государственная еврейская заслуженная капелла СССР «Евоканс» и др.

После того как в июне 1940 г. был расформирован молодёжный Театр имени 20-летия Ленинского Комсомола, принявший часть его труппы Воронежский Областной театр драмы оставался единственным драматическим театром города. За идейное содержание его спектаклей и качество работы актёров несли ответственность директор театра С.О. Вольф, художественный руководитель, заслуженный артист РСФСР В.М. Энгель-Крон и главный режис-

сер А.П. Новоскольцев.¹ В труппу входили Заслуженные артисты РСФСР Г.М. Васильев, Г.А. Шебуев, М.А. Зимбовский, Р.Г. Данилевская, а так же пришедшие из московских театральных школ П.И. Вишняков, А.А. Ряполов, А.П. Чернов, выпускники Воронежского театрального училища К.И. Невструева, Е.С. Аристов, Н.Н. Крицкий и другие. В коллектив влились ведущие актёры расформированного молодежного театра П.А. Маркин, В.Г. Рощина, С.И. Папов, А.Д. Шатов.

Для Воронежского областного театра драмы было характерно стремление к «большим драматургическим полотнам, говорящим... о недавнем революционном прошлом» и о событиях современности.² Ставились такие спектакли, как «Павел Греков» Ленча и Войтехова, «Падь серебряная» Погодина, «Путь к победе» А.Н.Толстого, «Полководец Суворов» Бахтерева и Разумовского, «Поручик Лермонтов» Паустовского, «Дачники», «Васса Железнова» и «Дети солнца» Горького. В области классической драматургии наиболее удачными были постановки «Коварство и любовь» Шиллера, «Фландрия» Сарду и «Гамлет» Шекспира. Русская классика была представлена пьесами «Ревизор» Гоголя, «Волки и овцы» Островского, «Иудушка Головлёв» по Салтыкову-Щедрину и «Три сестры» Чехова.

2 декабря 1938 г. в Областном театре драмы состоялся общегородской митинг. Как отмечала газета «Коммуна», интеллигенция Воронежа «присоединила свой голос протеста к голосу советского народа и всего передового человечества против зверств фашистских мракобесов, организовавших еврейские погромы в Германии».³ С началом войны ситуация резко изменилась. Теперь жертвой германской агрессии стали не только евреи, но и многие другие народы, в том числе и русский.

Такое положение требовало, чтобы деятельность всех учреждений культуры была направлена на воодушевление советских людей на борьбу с захватчиками. Поэтому классические постановки уступили место на сцене Воронежского театра героическому репертуару, основанному на материале других эпох. Возобновлённая постановка «Полководца Суворова», «Путь к победе» А.Н. Толстого, «Парень из нашего города» К. Симонова, пьеса В.Иванова «Пархоменко» будили патриотические чувства воронежцев.

Кроме работы на сцене, коллектив театра развернул широкую культурно-просветительскую деятельность среди бойцов и командиров Советской Армии. Были организованы мобильные актёрские бригады, смешанные концертные группы из профессиональных артистов и любителей. Они ежедневно выезжали на призывные участки, в места расположения воинских частей и в госпитали. Эта инициатива получила широкую поддержку самодеятельных коллективов. С июня 1941 г. по октябрь 1942 г. было организовано 6611 концертов. Из них 1961 выступление пришлось на долю самодеятельности Воронежа.⁴

В связи с приближением линии фронта к городу в середине ноября 1941 г. Воронежский областной театр драмы был вынужден эвакуироваться в г. Сызрань. Уже к началу января 1942 г. актёры подготовили к постановке пьесу «Машенька» Афиногенова. Одним из лучших спектаклей этого периода был «Путь к победе» А.Н. Толстого, в котором рассказывалось о победе Красной Армии в гражданской войне, о разгроме Деникина, осуществлённом по плану Сталина.

Наступление советских войск под Москвой дало надежду, что Воронеж не будет оккупирован немецкими войсками. Руководство театра добилося разрешения возвратиться в родной город. 23 февраля 1942 г., в день Красной Армии состоялась встреча воронежских зрителей с артистами, прошедшими около трёх месяцев в эвакуации. 3 мая 1942 г. театр представил премьеру трагедии В.А. Соловьёва «Фельдмаршал Кутузов», в которой освещались события Отечественной войны 1812 года. Кутузова сыграл В.И. Флоринский, а Давыдова – А.П.Чернов, В.Я. Герасименко выполнил художественное оформление спектакля. «Слова смертельно раненного на Бородинском поле Багратиона: «Отдайте жизнь! Но родины и чести не отдавайте никому!» - в прифронтовом городе зазвучали с особой силой».⁵

Весной и летом 1942 г. в Воронеже находился штаб Юго-Западного фронта, переформировывались воинские части. Несмотря на напряжённость обстановки в город прибыли два крупных творческих коллектива: театр Юго-Западного фронта и Харьковский украинский театр им. Крушельницкого. Продолжал работать и Воронежский театр драмы, невзирая на участвовавшие в начале лета налёты вражеской авиации. После того, как в ночь с 27 на 28 июня 1942 г. прямым попаданием авиационной бомбы было разрушено театральное здание, репетиции продолжились в здании летнего театра. Полным ходом шла работа над новой постановкой «Олеко Дундич». Вопрос о вывозе театра в более безопасный регион не поднимался вплоть до общей эвакуации города 3 – 4 июля, ввиду непосредственного приближения фашистских войск к городу.⁶

Первоначально планировалось, что коллектив театра выедет в Борисоглебск, но дорогу к этому городу бомбили, и артистам пришлось отправиться в г. Камышин, а затем в Башкирию.⁷ 7 августа труппа Воронежского театра прибыла в г. Стерлитамак, где и продолжала работу до середины ноября 1942 г., не имея ни оборудованного помещения, ни костюмов, ни самых необходимых декораций. Тем не менее, артистам удалось подготовить премьеру пьесы К.Симонова «Русские люди». Это было первое, давно ожидаемое всеми произведение об этой войне, которое, как образно отметил В.М. Энгель-Крон, «выводило театр на линию огня».⁸

18 ноября Воронежский театр покинул Стерлитамак, и отправился в Челябинск, а оттуда – в г. Копейск, где театральным зданием на полтора года стал Дворец Культуры Угольщиков. В зимний сезон 1942 – 1943 года ураль-

ские зрители увидели пьесы «Русские люди», «Лгун», «Парень из нашего города», «Коварство и любовь», «Человек с ружьём», «Машенька», «Фельд-маршал Кутузов». Восстановление старого репертуара завершилось постановкой пьесы «Волки и овцы» Островского. Новым этапом творческой деятельности труппы стал период работы над новыми постановками. В апреле 1943 г. зрители увидели пьесы «Синий платочек» В. Катаева и «Бессмертный» А. Арбузова и А. Гладкова, а так же «Нашествие» по роману Леонова в постановке П.Л. Монастырского и оформлении Н.И. Данилова и «Фронт» Корнейчука в постановке Энгель-Крона.

Находясь в эвакуации, коллектив Воронежского театра добился любви зрителей и официального признания. Артисты были награждены грамотой Копейского горкома ВКП(б) и почётной лампочкой шахтёра. Им выразили свою благодарность командование Копейского и Челябинского военных гарнизонов, секретарь Челябинского обкома ВКП(б), начальник Воронежского Отдела по делам искусств, начальник Управления по делам искусств при СНК РСФСР. За период пребывания театра в городе было дано 217 спектаклей, в том числе 21 спектакль на заводах оборонного значения и 26 утренников для детей шахтёров.⁹

Тем временем советские войска освободили Воронеж. Областная комиссия по установлению и расследованию зверств и разрушений, причинённых немецкими захватчиками, констатировала следующий факт. «Немецко-фашистские оккупанты подвергли планомерному варварскому уничтожению исторические памятники, культурные и музейные учреждения г. Воронежа... Уничтожены почти все школы, вузы, больницы, детские учреждения, библиотеки, театры и так далее... Парки и сады вырублены или превращены в кладбища убитых немцев... Всё это говорит о планомерном и обдуманном истреблении немцами всего, что связано с советской культурой и национальными чувствами советского народа».¹⁰ Тем не менее, воронежцы смогли справиться с силами. Они заново отстраивали разрушенный до основания город. Восстанавливали не только жилые дома и корпуса заводов. Под руководством Г.М. Курчина, занявшего должность главного инженера по строительству зданий искусства, шли работы по восстановлению здания драматического театра.¹¹ К концу ноября 1944 г. они были почти полностью завершены, за исключением отделки фасада.

4 мая 1944 г. воронежские артисты прибыли в Борисоглебск, а 5 декабря, после 22-х месяцев, проведённых в эвакуации, они наконец-то вернулись в родной город. В канун Нового 1945 года постановкой бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» состоялось торжественное открытие Воронежского областного театра драмы. Вскоре репертуар пополнили пьесы «Солдаты Сталинграда» Н. Вирты и «Великий государь» В. Соловьёва. Как писал в своей статье начальник Отдела по делам искусств Пименов, «широко известные нашей области заслуженные артисты РСФСР Р.Р. Данилевский,

В.И. Флоринский, М.А. Зимбовский, артисты В.Г. Рощина, С.С. Шмидт, М.Л. Эрина, А.Л. Кручинина, А.К. Полинский, В.И. Шкурский, С.И. Папов, В.В. Викторов, П.А. Маркин, А.Д. Шатов и другие вновь волнуют зрителя своим мастерством».¹²

Ещё 10 августа 1944 г. Воронежский областной драматический театр за достигнутые в тяжёлое военное время успехи Приказом № 913 Управления по делам искусств при СНК РСФСР был внесён в список ведущих театров РСФСР.¹³ А с 9 июня 1945 г. его статус в соответствии с Постановлением СНК РСФСР был повышен до театра республиканского значения.¹⁴ Это возлагало большую ответственность на руководство театра.

Одной из важнейших задач становился строгий контроль за составлением репертуарных планов. Их предписывалось обсуждать всем коллективом, предоставлять в областной / краевой / республиканский Отдел по делам искусств, а затем – на утверждение в Управление по делам искусств при СНК РСФСР. Рекомендовалось включить в репертуар наиболее значительные произведения драматургии братских республик, как классической, так и современной.¹⁵ Начальник Воронежского Отдела по делам искусств А.П. Назаров писал: «В произведениях искусства должны найти претворение в первую очередь идеи и темы о подвигах воинов нашей доблестной Красной Армии; о трудовом героизме рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции; о несокрушимой дружбе народов многонационального Советского Союза, о гигантских восстановительных и созидательных работах в нашей стране; о великой роли партии большевиков, партии Ленина – Сталина – вдохновителя и организатора борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками».¹⁶

Особое внимание уделялось защите авторских прав. На афишах надлежало указывать не только авторов произведений, но и переводчиков. Задолженность по выплате авторских гонораров должна была быть ликвидирована в кратчайшие сроки.¹⁷ В 1944 г. были установлены размеры оплаты за музыкальные произведения, причём большую сумму денег композиторы могли получать за выполнение государственного заказа.¹⁸

В задачи руководства учреждений культуры входило повышение квалификации работников искусства. Нужно было составить учебные пособия для начинающих актёров и режиссёров. Для обучения обслуживающего персонала были специально разработаны программы производственного обучения театральных парикмахеров-гримёров, столяров, бутафоров, декораторов, электросветотехников.¹⁹

В рамках улучшения культурно-просветительской работы среди молодёжи организовывались специальные городские школьные кассы при театрах. Регулярно проводились художественные вечера, спектакли для учащихся старших классов средней школы, ремесленных училищ и подростков, рабо-

тающих на производстве. Артисты выезжали в школы для проведения подготовительных бесед и обсуждения просмотренных спектаклей.²⁰

Кроме того, руководители театров должны были содействовать прикреплению инвалидов к закрытым магазинам и столовым, предоставить им жилую площадь, ремонт квартир, санаторное лечение, выдавать ордера на промтовары и т.д. В период сельскохозяйственных работ в колхозы направлялись концертные бригады.²¹

Многочисленные социальные задачи не исключали развития творческого потенциала. Необходимо было повышать качество театральных постановок и количество спектаклей. Документы показывают, что только за 1944 г. воронежские зрители увидели 297 спектаклей, 7 из 13 постановок были показаны впервые. Учитывая, что зал театра вмещал 815 человек, не трудно подсчитать, что за один год его могли посетить до 160 тысяч человек.²²

Воронежский областной театр драмы с честью преодолел все невзгоды и к окончанию Великой Отечественной войны стал одним из ведущих театров страны. По словам В.М. Энгель-Крона, его коллектив был «воодушевлён желанием отдать все свои силы восстановлению разрушенной нашествия фашистских варваров культурной и театральной жизни его родного города».²³ Однако следует помнить, что восстановление культуры нашего города – заслуга не отдельных личностей, организаций, учреждений, но всех воронежцев. К концу войны в Воронежской области насчитывалось 4264 коллектива художественной самодеятельности, в том числе 1248 драматических кружков.²⁴ Такой всплеск творческой активности стал результатом труда тысяч людей, итогом многолетнего поступательного, прогрессивного развития культуры, которое, как мы могли убедиться, не прекращалось и в суровые годы Великой Отечественной войны. Бесценный опыт, приобретённый за этот период, стал крепкой основой будущих достижений в сфере культуры.

¹ Государственный Архив Воронежской Области (далее ГАВО) Ф. Р-2951, оп. 1, д. 6, лл. 115, 358.

² Данилов Н. 150 лет Воронежского государственного драматического театра. – Воронеж, 1953. – С. 24.

³ Пыльнев Ю.В., Ширяев О.Ю. Культура Воронежской области. Хроника событий 1917 – 1991 годы. – Воронеж, 2002. – С. 115.

⁴ Воронеж в годы грозные. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998. – с. 430.

⁵ Данилов Н. 150 лет воронежского государственного драматического театра. С. 28.

⁶ ГАВО Ф. Р-2951, оп. 1, д. 11, л. 36.

⁷ Анчиполовский З.Я. Кольцовский Академический. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2002. – С. 201.

⁸ ГАВО Ф. Р-2951, оп. 1, д. 11, лл. 36 – 46.

⁹ Там же. – лл. 47, 49 – 51.

-
- ¹⁰ Воронежская область в Великой Отечественной войне. – Воронежское областное книгоиздательство, 1948. – С. 169.
- ¹¹ ГАВО Ф. Р-2951, оп. 1, д. 6, л. 25.
- ¹² Там же. – л. 302.
- ¹³ Там же. – л. 168.
- ¹⁴ ГАВО Ф. Р-2951, оп. 1, д. 10, л. 28.
- ¹⁵ Там же. – д. 6, л. 15.
- ¹⁶ Там же. – д. 9, л. 7 - 9.
- ¹⁷ Там же. – д. 6, л. 563.
- ¹⁸ Там же. – л. 117.
- ¹⁹ Там же. – лл. 447 - 456
- ²⁰ Там же. – л. 402.
- ²¹ Там же. – лл. 316, 148, 211.
- ²² ГАВО Ф. Р-2951, оп. 1, д. 10, л. 41.
- ²³ Там же. – д. 11, лл. 36-46
- ²⁴ Воронеж в годы грозные. С. 432.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бородин Д.М., Селезнёв Ю.В.

ГОРОДСКОЕ НАУЧНОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

В феврале 2004 г. на базе исторического факультета Воронежского государственного университета и Воронежского государственного педагогического университета при поддержке отдела по делам молодёжи администрации г. Воронежа начало регулярную работу городское научное студенческое историческое общество.

Основной целью работы общества является привлечение талантливой молодежи и всех интересующихся историей к научной деятельности в форме семинаров и конференций.

В центре внимания заседаний, проводимых обществом, находится широкий круг проблем объединённых в теме: «Государство, цивилизация, общество: проблема развития и взаимодействия»

На первом заседании, состоявшемся 20 февраля 2004 г. на историческом факультете Воронежского государственного университета были представлены план и структура работы «Общества», его цели и задачи. Было решено, что работа будет осуществляться раз в три недели. На каждом заседании планируется обсуждение двух-трех докладов на актуальные темы, разрабатываемые современной исторической наукой.

В течение работы общества в 2004-2005 гг. состоялось восемь заседаний, на которых было заслушано в общей сложности 11 докладов.

Основными участниками заседаний общества являются студенты исторических факультетов ВГУ и ВГПУ. Однако в работе семинаров активное участие принимают преподаватели и аспиранты различных факультетов указанных ВУЗ-ов, а также студенты других высших учебных заведений г. Воронежа, которые проявляют интерес к исторической науке.

Активное обсуждение докладов, заслушанных на заседании общества, показало, что наибольшее значение для молодых ученых имеют теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Это является закономерным итогом того, что семинар объединяет представителей всех отраслей исторического знания. Именно различным вопросам методологии исторического исследования планируется посвятить основное внимание при дальнейшей работе общества.

XXXVI УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В г. ПЕНЗА.

В начале февраля 2004 г. в г. Пенза, который стоит на реке Сура проходила XXXVI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.

Впервые конференция состоялась еще в конце 60 х гг. и до сих пор ежегодно собирает студентов из многих городов на территории бывшего Советского Союза. Каждый раз конференция проходит в новом городе, а ее проведение – это большое событие.

Пенза, на наш взгляд, это город – музей. Бои великой отечественной войны не велись в этих краях и поэтому улицы города выглядят примерно, так же как и на фотографиях конца XIX века. Можно увидеть дом, где жил М. Е. Салтыков – Щедрин, или здание канцелярии, где работал Н. П. Огарев. В Пензе множество музеев (краеведческий, литературный, народного творчества, изобразительных искусств и т. д.). Все это делает город очень привлекательным для туристов.

Сама конференция проводилась историческим факультетом, а точнее кафедрой истории древнего мира средних веков и археологии (зав. кафедрой проф. Г. Н. Белорыбкин - в прошлом активный участник Урало-Поволжской студенческой конференции) Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Несмотря на свою малочисленность, кафедра проводит активные исследования по древней истории Пензенской области. Примечательно, что в организации конференции непосредственное участие принимали первокурсники, активно включившиеся в археологическую жизнь университета.

Участники конференции, которых насчитывалось более ста, были расселены по общежитиям. И там сразу воцарилась атмосфера археологической экспедиции, вот только раскоп заменялся работой на конференции.

Всего было 8 секций: 7 археологических (каменный век, бронзовый век, РЖВ, три секции, посвященные средневековой археологии, охрана памятников и методика археологии) и одна этнографическая. Примечательно то, что этнографы впервые приняли участие в этой конференции.

Секция развитого средневековья, под руководством астраханского археолога Д. В. Васильева, работала в течение двух дней. Всего было представлено 11 докладов. В первый день был заслушан блок докладов, посвященных золотоордынской археологии, в которых были затронуты вопросы локализации золотоордынских столиц, архитектуры мавзолеев Золотой Орды, сравнительного анализа погребального обряда с использованием статистических ме-

тодов. Воронежская делегация (Власов В. Савицкий Н.) выступила с докладом «Исследования мавзолея золотоордынского времени у хут. Красный Бобровского района Воронежской области».

Второй день был посвящен русской археологии и исследованиям XVI – XVII вв. Был обозначен довольно широкий круг проблем, от классификации навесных замков и ключей к ним XIII – XV вв. до археологического изучения мест связанных с именем Ивана Сусанина. Это очень примечательно, т. к. до последнего времени широкие исследования в области этноархеологии не проводились.

Кроме того на заседаниях других секций были рассмотрены вопросы связанные с результатами исследований отдельных памятников, а также с постановкой новых проблем (доклад Н. Б. Щербакова (БГПУ г. Уфа) «Памятники мезолита Финляндии и Северо – Востока Евразии»). Были сообщения ставившие новые акценты в различных вопросах (доклад Купцова Е. А. «Новые данные о сарматском стрелковом оружии по материалам Шумаевских курганов»), однако и доклады о казалось бы известных явлениях были незаурядны, к примеру доклад Шариповой С. (БГПУ г. Уфа) «Погребальный обряд срубной культуры». В целом, можно отметить, что все сообщения были подготовлены на высоком уровне, с использованием наглядного материала и компьютерных технологий.

На заключительном пленарном заседании была особо отмечена работа секции этнографии за наглядность и высокое качество докладов, а девушки из самарской делегации, в качестве поощрения, были приглашены на местную радиостанцию для прочтения своих докладов.

Была принята резолюция XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции, в которой ставились вопросы охраны памятников, а именно принятия местного закона об охране памятников истории и культуры. Резолюция была принята единогласно.

Помимо научной работы проводились и другие мероприятия: концерт археологических песен, экскурсии по городу и музеям.

В заключении нужно сказать о том, что круг студентов, участвовавших в конференции, включал в себя ребят из Уфы, Ульяновска, Самары, Sterлитамака, Челябинска, Уральска, Тольятти, Екатеринбурга, Оренбурга, Волгограда, Перми, Санкт – Петербурга, Орска, Сыктывкара, Ижевска, Казани, Саранска, Астрахани, Чебоксар, а также Воронежа, Липецка и Тамбова. Хотелось бы, чтобы тенденция участия в этой конференции городов средней России получила свое дальнейшее развитие.

НАУЧНАЯ СТУДЕНЧЕСКО-АСПИРАНТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НОВЫЙ ВЕК: ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ».

22-24 апреля 2005 года в Саратовском государственном университете состоялась научная студенческо-аспирантская конференция «Новый век: история глазами молодых», посвященная 60-летию победы в Великой Отечественной войне.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам обратился заместитель декана по учебной работе исторического факультета СГУ доц. А. Ю. Абакумов. Он подчеркнул важность обмена мнениями среди студентов и аспирантов на межрегиональном уровне. Тем более что в работе конференции приняли участие представители ВУЗов Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Самары, Новосибирска, Оренбурга, Астрахани, Перми и, конечно, Саратова.

Конференция проходила в рамках нескольких секций, а именно: «История древнего мира», «История средних веков», «Проблемы социально-политической и военной истории средневековья», «Социо-культурные и религиозные представления эпохи средневековья и ренессанса», «История нового и новейшего времени», «История России», «Отечественная история новейшего времени», «История Саратовского края», «Археология», «Туризм и культурное наследие», «Публичное право», «Теория и история государства и права», «Российское и международное частное право».

Студенты Воронежского госуниверситета выступали в секции «История России» (председатель проф. С. А. Мезин). Было прослушано 11 докладов: А. Фогеля, посвященного формированию образа «чужого» в сознании русского человека XI-XIV вв.; Н. Скрипинской «Русское оборонное зодчество конца XV – начала XVI века»; А. Кругловой «Участие населения Саратовской губернии в Крымской войне 1853-1856 гг.»; Е. Гончаровой «К вопросу о созыве органов политического сыска (на материалах Саратовской губернии)»; А. Яшина «Саратовские либералы на выборах в Государственную думу I-II созывов»; М. Аракелян «Секретная агентура политической полиции Российской империи как основной метод борьбы с революционным движением в 1881-1905 гг.»; Т. Шилиной «К истории создания Мариинской женской гимназии в Саратове»; А. Тетерина «Роль миссионерской деятельности РПЦ в межцивилизационных контактах России и зарубежного Дальнего Востока до 1917 г.».

Живой отклик участников вызвали выступления студентов ВГУ. В докладе Н. Лупаревой (5 к., д/о) «Божество-хранитель»: образ Петра I в исторической концепции С. Н. Глинки» был рассмотрен идеализированный портрет российского императора, сконструированный автором в соответствии с

его утопической моделью общественного устройства. Черты этого образа прослеживаются и в современной историографии.

Доклад З. Гончаровой (5 к., д/о) «Традиции воспитания наследника в сценариях власти Николая I и Александра II», в основе которого лежит концепция символической репрезентации власти российской монархии, вызвал оживленную дискуссию среди собравшихся. В выступлении было рассмотрено как традиции воспитания наследника, выработанные сценарием власти Николая I, воздействовали на формирование взглядов будущего императора Александра II, и как он применил их на практике.

Доклад В. Гурова (5 к., д/о) был посвящен учителям земских школ Воронежского уезда. В выступлении были отражены система подготовки педагогических кадров для земской школы и социально-экономическое положение сельского учителя начальной школы до революции. Выступление вызвало большой интерес, и было удостоено первого места в рамках данной секции.

Закрывая работу секции проф. С. А. Мезин отметил заметный научный потенциал участников конференции и выразил надежду на продолжение активного сотрудничества между студентами и аспирантами ВУЗов страны. Первые шаги в этом направлении сделаны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ГАВО	– Государственный архив Воронежской Области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации.
ГДР	– Германская Демократическая Республика.
ГРУ	– Главное Разведывательное Управление.
ИККИ	– Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.
КГБ	– Комитет государственной безопасности.
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел.
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально - политической истории.
РГВА	– Российский государственный военный архив.
ЦАМО	– Центральный архив министерства обороны.
ЦК ВКП(б)	– Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ:

Абакумова Т.А.	- студентка 6 курса в/о историч. фак-та; науч. рук. преп. Шамрай В.А.
Абдуллаева Л.Э.	- аспирантка, кафедра истории Средних веков и славяноведения; науч. рук. д.и.н. доц. Н.П. Мананчикова
Александров М.М.	- аспирант, кафедра истории Средних веков и славяноведения; науч. рук. д.и.н. проф. А.Г. Глебов
Баранова Н. О.	- студентка 4 курса исторического факультета; науч. рук. д.и.н. проф. М.Д. Карпачев
Белоусов В.В.	- студент 3 курса исторического факультета; науч. рук. д.и.н. проф. А.П. Медведев.
Белявцева Н.А.	- студентка 3-го курса исторического факультета; науч. рук. к.и.н. доц. В.А.Перцев.
Беседина С.В.	- ведущий программист исторического факультета.
Болдырева Е.В.	- студентка 5 курса; науч. рук. преп. Шамрай В.А.
Бородин Д.М.	- аспирант кафедры социологии и политологии, науч. рук. д.п.н. проф. А.В. Глухова,
Власов В. Е	- студент 4 курса; науч. рук. к.и.н. доц. М.В. Цыбин
Воропаева Н.Н.	- студентка 5 курса исторического факультета ВГПУ; науч. рук. к.и.н. доц. Ю.Д. Разуваев
Гончарова З.Ю.	- студентка 5 курса; науч. рук. д.и.н. проф. М.Д. Карпачев
Горькова Е.С.	- студентка 3 курса исторического факультета; науч. рук. д.ф.н. В.С. Рахманин
Гуров В.В.	- студент 5 курса; науч. рук. д.и.н. проф. М.Д. Карпачев

- Киселёва М.В.** - аспирантка кафедры зарубежной истории ВГПУ; науч.рук. доц. А.О. Амелькин
- Лукьяненко Е.А.** - студентка 3 курса исторического факультета, науч. рук. к.п.н. преп. Черникова В.В.
- Лупарева Н.Н.** - студентка 5 курса; науч. рук. к.и.н. доц. А.Ю. Минаков.
- Мещерякова А.О.** - соискатель кафедры истории России; науч. рук. к.и.н. доц. А.Ю. Минаков.
- Пшегорский А.С.** - аспирант кафедры новейшей истории России и историографии; науч. рук. д.и.н. проф. Л.М. Искра
- Романовский А.А.** - аспирант кафедры социологии и политологии исторического факультета; науч. рук. д.п.н. А.В. Глухова
- Савицкий Н.М.** - студент 4 курса исторического факультета; науч. рук. к.и.н. доц. О.В. Скобелкин
- Сосунов Д.В.** - студент 5 курса исторического факультета, отделения «Политологии». науч.рук. д.п.н. проф. А.В. Глухова
- Стукалов П.Б.** - аспирант кафедры новейшей отечественной истории и историографии; науч. рук. д.и.н. проф. Л.М. Искра